Ѳ. СМИРНОВЪ.

# МАГОМЕТЪ.

Пособіе къ изученію происхожденія ислама.

ВР
30

Владикавказъ.
Типографія Областнаго Правленія Терской Области.
1891.

ВР
30

Извлечено изъ „Терскихъ Вѣдомостей".

БИБЛИОТЕКА
КОММУНИСТИЧЕСКОЙ
АКАДЕМИИ.
627
30

# ВВЕДЕНІЕ.

## I.

### Различные взгляды на Магомета.

Научная разработка первоисточниковъ, относящихся къ изученію ислама и его происхожденія, началась въ Европѣ сравнительно въ недавнее время, около половины настоящаго столѣтія. До этого времени почти совсѣмъ не было тружениковъ въ этой области. Правда, нѣкоторые изъ византійскихъ писателей, напр., Іоаннъ Дамаскинъ, Ѳеофанъ Исповѣдникъ, Варфоломей Эдесскій, Никита Хоніатъ, Евфимій Зигабенъ и др. знали арабскій языкъ, нѣкоторые изъ нихъ писали полемическіе трактаты противъ магометанства, но, какъ первые опыты въ этомъ направленіи, труды ихъ для настоящаго времени имѣютъ только историческое значеніе и въ свое время мало вліяли на общественныя понятія объ исламѣ и его основателѣ. Каковы были эти понятія, можно судить по произведеніямъ Максима Грека, написаннымъ въ Россіи. Въ

«Словѣ обличительномъ на агарянскую прелесть и умыслившаго ее сквернаго пса Маомефа» Максимъ доказываетъ, что Магометъ былъ человѣкъ нечестивый и обманщикъ, что ученіе его совершенно несогласно съ ученіемъ св. пророковъ, апостоловъ и о.о. церкви, что онъ писалъ не отъ Бога, а отъ антихриста и есть его предтеча; «Слово второе о томъ-же къ благовѣрнымъ на богоборца пса Маомефа, въ немъ-же сказаніе отчасти и о кончинѣ вѣка сего» Максимъ Грекъ написалъ съ тѣмъ, чтобы доказать, что близко время пришествія антихриста и кончины міра, такъ какъ магометанство широко распространилось въ христіанскихъ странахъ.

Западные писатели въ своихъ произведеніяхъ скорѣе изливали чувство своего негодованія противъ основателя ислама за причиненное его религіею зло, чѣмъ изучали эту религію и опровергали. Самое имя Магомета было неизвѣстно. Его обыкновенно называли Магомомъ, Маѳометомъ, Бафометомъ, Бафюмомъ и т. д. Во времена карловинговъ, Магометъ представлялся иконоборцемъ, заклятымъ врагомъ всякаго иконопочитанія, обожаемымъ подъ формою золотого идола, ко-

тораго Карлъ Великій не осмѣлился разрушить изъ боязни скрытаго въ немъ легіона демоновъ. Въ пѣсняхъ Роланда Магометъ сидитъ, окруженный съ правой стороны богами, а съ лѣвой —демонами. Писатели X и XI вв. воображали, что Магомету приносятся его послѣдователями человѣческія жертвы. Въ XII вѣкѣ Магомета дѣлаютъ еретикомъ. Въ качествѣ ересіарха Дантъ помѣщаетъ его въ почетномъ углу ада. Тамъ демоны таскаютъ его за волосы и растравляютъ его раны, какъ только онѣ начинаютъ заживать. Имя Магомета потомъ сдѣлалось синонимомъ названій всякихъ преступниковъ: онъ развратникъ, мошенникъ, воръ, гнусный кутила, убійца, кардиналъ, неудачно добивавшійся папскаго престола и изобрѣтшій новую религію съ цѣлью отмстить своимъ соперникамъ, Біографія его сдѣлалась репертуаромъ всевозможныхъ преступленій. Его исторія была темой для скандальныхъ анекдотовъ. Первые протестантскіе богословы почти также смотрѣли на Магомета. Лютеръ, напр., ставитъ вопросъ о томъ, кто нечестивѣе Магомета или Льва 10-го, и считаетъ его отродіемъ сатаны. Благородный Меланхтонъ искренно думаетъ,

что Магометъ былъ вдохновляемъ сатаною, потому что онъ не сказалъ, что такое грѣхъ и въ чемъ заключается паденіе человѣка, и говоритъ, что если онъ не Гогъ, то во всякомъ случаѣ Магогъ [1]).

Въ XVII вѣкѣ развивались трактаты о томъ, что Магометъ антихристъ, но съ этого-же времени начинается серьезное отношеніе къ исламу. Шарденъ путешествуетъ по Персіи. Турне-Фортъ два года (1700-1702) проживаетъ на востокѣ. Тотъ и другой даютъ интересныя описанія нравовъ мусульманъ. Ганье переводитъ арабскую біографію Магомета Абульфеды и вмѣстѣ съ докторомъ Придо (1767) пишетъ по арабскимъ источникамъ свою (1732). Гинкельманъ (1696). Маракчій (1698), Сейль (1734) дѣлаютъ переводъ корана, сопровождаютъ его примѣчаніями изъ арабскихъ толковниковъ и пишутъ болѣе или менѣе серьезные полемическіе трактаты и обширныя произведенія. Такимъ образомъ въ концѣ XVII и XVIII в в. изученіе ислама становится на прочную и дѣйствительную почву.

---

[1]) Revue de Deux Mondes 1877 г. Islam and its Founder, By Stobart. London 1884 г 63 стр.

Въ произведеніяхъ этого времени отсутствуетъ только критическій и философскій элементъ. Авторы ихъ еще не выдѣляютъ дѣйствительныхъ сказаній арабовъ о своемъ пророкѣ отъ легендарныхъ и отводятъ одинаковое мѣсто какъ очевиднымъ вымысламъ позднѣйшей фантазіи, такъ и фактамъ, засвидѣтельствованнымъ очевидцами. Вмѣстѣ съ тѣмъ они не отличаютъ и, по своему времени, не могли еще отличать въ дѣятельности Магомета того, что принадлежитъ ему лично, и того, что было результатомъ вліянія на него среды, общества, жизни и исторіи арабовъ. Отъ того исламъ являлся у нихъ оригинальнымъ произведеніемъ Магомета и вся тайна, весь фокусъ его состоялъ въ изворотливомъ обманѣ и хитромъ лицедѣйствѣ.

Вполнѣ научное, сколько обстоятельное, столько-же и безпристрастное изслѣдованіе происхожденія ислама и оцѣнка арабскаго пророка сдѣланы въ настоящемъ столѣтіи знаменитыми европейскими оріенталистами. Два француза Персеваль и Ренанъ, два нѣмца Вейль и Шпренгеръ, англичанинъ Мюиръ и отчасти американецъ Вашингтонъ Ирвингъ почти одновременно изслѣдовали по са-

мымъ компитентнымъ источникамъ и съ самой точной критикой исторію древнихъ арабовъ и дали полное описаніе жизни и дѣятельности Магомета, такъ что на основаніи ихъ можно изъ года въ годъ прослѣдить теченіе его мысли, противорѣчія, слабости и разныя вліянія на него. Личность этого реформатора теперь не загадка и происхожденіе ислама можно представить безъ всякихъ непонятныхъ обмановъ.

Интересъ къ изученію ислама, возбужденный этими почтенными трудами, сказался особенно во Франціи въ стремленіи къ популярнымъ біографіямъ Магомета, какія дали нѣсколько лѣтъ тому назадъ Сентъ Илеръ, Шолль и Деляпортъ. Но въ увлеченіи своемъ героемъ эти компиляторы, въ противовѣсъ старымъ понятіямъ о Магометѣ, стали возвышать его, какъ основателя арабской цивилизаціи, монотеизма и даже литературы арабской. Подъ видомъ величайшаго безпристрастія и подъ предлогомъ настоящей объективности, якобы-требуемой логикой и разумомъ, они дошли до панегирикъ Магомету, стали объяснять происхожденіе ислама геніальными способностями основателя его и проводить па-

раллель между послѣднимъ и Моисеемъ и даже Іисусомъ Христомъ «Магометъ былъ самый умный, благочестивый и кроткій изъ арабовъ своего времени; своимъ успѣхомъ онъ единственно обязанъ такому превосходству надъ своими современниками» — вотъ тезисы такого сорта біографій Магомета.

Для нашего времени одинаково недостойны какъ старыя средневѣковыя, такъ и эти модныя французскія мнѣнія о мнимомъ пророкѣ Аравіи. По своимъ умственнымъ и моральнымъ качествамъ Магометъ—простой обыкновенный арабъ. Онъ не чуждъ добродѣтелей, не свободенъ и отъ всѣхъ недостатковъ стараго араба-язычника. Его личность потому и обаятельна для арабовъ, что каждый арабъ видитъ въ немъ свои или наоборотъ, видитъ въ себѣ его мнимопророческія, освященныя мнимымъ избраніемъ, свойства. Въ дѣйствительности онъ былъ самая слабохарактерная личность, самъ былъ созданъ обстоятельствами и во всю жизнь оставался рабомъ ихъ; они управляли имъ всегда; его мысли и направленія вполнѣ зависѣли отъ обстоятельствъ его жизни и положенія. Вся же сила его заключается въ эпохѣ, въ которую онъ

жилъ. Она довела его до самообольщенія, она-же была и причиною обольщенія имъ арабовъ.

---

## II.

## Религіозное движеніе въ Аравіи, ханифы и Магометъ.

Долго остававшаяся недоступною и мало извѣстною Аравія въ V и VI вѣкахъ вдругъ открывается для всѣхъ націй и религій: греки, сирійцы, персы, абиссинцы проникаютъ въ нее почти одновременно. Сирійцы несутъ ей письмо; абиссинцы и персы поочередно царствуютъ въ Іеменѣ и Бахренѣ. Нѣкоторыя племена признаютъ власть греческихъ императоровъ Христіанство считало значительныя церкви въ Недржанѣ, Іеменѣ, въ королевствѣ Хира и Хассанъ. Въ Санѣ была построена церковь, затмившая своимъ великолѣпіемъ храмъ мекскій. Іудеи переселялись сюда большими массами, населяли цѣлыя области и города Какъ всякій народъ, стоя лицомъ къ лицу съ религіями болѣе организованными, начинаетъ жа-

ждать лучшаго культа, такъ было и съ арабами временъ Магомета.

Конецъ VI и начало VII вѣка были переходнымъ въ исторіи ихъ періодовъ и ознаменованы сильнымъ религіознымъ движеніемъ въ пользу возстановленія древняго монотеизма семитовъ. Многочисленные факты показываютъ, что монотеизмъ былъ основою арабской религіи и только съ теченіемъ времени былъ искаженъ предразсудками, зараженными идолопоклонствомъ. И вотъ теперь съ арабами повторяется то самое, что бываетъ со всякимъ народомъ, когда онъ приходитъ въ соприкосновеніе съ другими, болѣе культурными народами. Идеи о Единомъ Богѣ, о раѣ, воскресеніи, пророкахъ, священныхъ книгахъ проникали мало по малу и въ языческія арабскія племена. Вліяніе іудеевъ и христіанъ тутъ несомнѣнно. Превосходство «людей писанія», какъ они называются въ Коранѣ, для арабовъ было очевидно. Они имѣютъ писанія, къ нимъ приходили пророки и вѣра ихъ основана на священныхъ книгахъ. У арабовъ-же вся религія держится только на шаткихъ преданіяхъ; они какъ-бы отверженный народъ. Іудеи, основываясь на писаніи, ждали Мессію, пророка, ко-

торый соединитъ всѣхъ разрозненныхъ потомковъ Авраама. Считая себя, по Измаилу, потомками Авраама, и арабы язычники, по примѣру іудеевъ, начинаютъ ожидать къ себѣ пророка, который принесетъ имъ книги и научитъ истинной вѣрѣ Изъ Корана видно, что арабы клялись даже между собою, что увѣруютъ въ пророка, который къ нимъ придетъ.

«Они клялись Богомъ, говоритъ по ихъ адресу Магометъ, стараясь дать силу своей клятвѣ: непремѣнно, если придетъ къ нимъ проповѣдникъ, они будутъ въ числѣ народовъ однимъ такимъ, который на самой прямой дорогѣ; когда-же пришелъ къ нимъ проповѣдникъ, тогда въ нихъ увеличилось только бегство». (Коранъ 35 гл. 40 ст).

Изъ Корона-же видно, что арабы язычники не мало говорили и о писаніи:

«Вамъ, говоритъ Магометъ, неумѣстно говорить: писаніе было ниспослано только двумъ народамъ прежде насъ, и отъ того мы были невнимательны къ ихъ ученію; или говорить: если-бы намъ было ниспослано писаніе, то мы вѣрнѣе ихъ шли-бы по прямому пути Теперь

пришло къ вамъ отъ Господа ясное указаніе» (Кор. 6 гл. 157—158 ст).

Замѣчательно, что отвѣчали арабы на такія рѣчи Магомета.

«О если-бы,—говорили они, - тебѣ было дано такое же, что дано было Моисею»!

Но онъ настаивалъ на своемъ Коранѣ и грозилъ за отверженіе его бѣдствіемъ:

«Не говорили-бы тогда: Господи нашъ! Если-бы Ты послалъ къ намъ посланника, то мы послѣдовали бы Твоимъ знаменіямъ и были-бы вѣрующими». (Коранъ 28 гл. 48 и 47 ст.).

Идеи пророчества и священныхъ книгъ такъ сознавались арабами въ Меккѣ, гдѣ іудеевъ почти не было. Въ городахъ, населенныхъ арабами и іудеями, происходили даже состязанія и угрозы на почвѣ этихъ идей между этими народностями. Такъ, въ Мединѣ іудеи, число которыхъ было здѣсь не меньше, чѣмъ арабовъ, во время непріязненныхъ столкновеній съ послѣдними, говорили: «къ намъ явится пророкъ. Время это не далеко. Мы послѣдуемъ ему и тогда поразимъ васъ пораженіемъ Га-

дянъ и Ирема» [1]). Арабы Медины не сомнѣвались въ дѣйствительности опасной угрозы іудеевъ и потому скорѣе другихъ племенъ увѣровали въ Магомета и приняли его въ свой городъ изъ желанія предвосхитить у іудеевъ силу пророка. «Знаемъ, говорили они, что явится нѣкоторый пророкъ, которымъ іудеи обыкновенно угрожаютъ намъ. Потому намъ нужно поспѣшить къ нему и первыми соединиться съ нимъ» [2]).

Вмѣстѣ съ распространеніемъ идей пророчества и св. книгъ въ среду арабовъ язычниковъ проникало сознаніе неудовлетворенности многобожіемъ и стремленіе найти новую лучшую вѣру. Толпы людей, недовольныхъ идолопоклонствомъ, отправлялись отыскивать лучшую религію, пробовали одну за другою, творили свою собственную, гармонировавшую съ ихъ природными потребностями, или обращались въ христіанство. Въ самой Меккѣ, этомъ центрѣ арабскаго культа, образовался кружокъ лицъ, извѣст-

---

[1]) Это народы, объ истребленіи которыхъ ходили легенды.

[2]) Muir «Lhe Life of Mahomet», London 1861 г 2 т 211 стр. и Hishami 143 и Tabari 161 стр.

ныхъ подъ именемъ ханифовъ, которые открыто заявляли свое недовольство существующимъ культомъ и свою вѣру въ Единаго Бога и въ патріарха Авраамма. Возвышаясь надъ общимъ уровнемъ своими убѣжденіями, они сначала хранили ихъ въ тайнѣ. «Наши соотечественники, сказали четверо изъ нихъ между собою, находятся въ заблужденіи, потому что они удалились отъ религіи Авраама. Что такое мнимое божество, которому они приносятъ жертвы и вокругъ котораго совершаютъ торжественныя процессіи? Черный камень нѣмъ, нечувствителенъ и неспособенъ оказать ни худа, ни добра. Все это одно заблужденіе. Поищемъ истины, будемъ искать чистую религію Авраама, отца нашего; чтобы найти ее, оставимъ, если это нужно, наше отечество о отправимся въ чужія страны» Эти четыре личности были: Варака, сынъ Навфала, Османъ, сынъ Хувайриса, Обейдаллахъ, сынъ Джахша, и зейдъ, сынъ Амра.

Первый изъ нихъ находился въ частыхъ сношеніяхъ съ христіанами и іудеями, отъ которыхъ и позаимствовалъ высшія идеи. Подъ вліяніемъ вѣрованія, распространеннаго между іудеями и іу-

дейскими учеными и раздѣляемаго нѣкоторыми христіанскими монахами, Варака былъ убѣжденъ, что въ скоромъ времени явится на землю посланникъ Божій, который, по національному чувству Вараки, долженъ произойти изъ арабской націи и научить арабовъ истинному богопочитанію. Онъ хорошо читалъ еврейскія книги, съ жаромъ предался чтенію священныхъ книгъ и кончилъ тѣмъ, что усвоилъ доктрины христіанства. Говорятъ, онъ перевелъ нѣкоторыя части Евангелія на арабскій языкъ. Родственникъ Вараки Османъ долго путешествовалъ по разнымъ странамъ и послѣ безплодныхъ поисковъ истинной вѣры Авраама, отправился въ Константинополь, представился здѣсь императору и принялъ крещеніе. Возвратившись въ Мекку, онъ, въ надеждѣ на полученіе власти, пропагандировалъ мысль, что арабамъ нужно отдаться подъ покровительство римскаго императора, но за это онъ потерпѣлъ заключеніе.

Обейдалахъ тоже не мало путешествовалъ съ религіозною цѣлью. Но онъ оставался въ сомнѣніяхъ до того момента, какъ Магометъ объявилъ себя пророкомъ. Вслѣдствіе усилившихся гоненій

СИБЛИ

на первыхъ мусульманъ въ Меккѣ, онъ переселился въ Абиссинію, гдѣ при лучшемъ знакомствѣ съ христіанствомъ, отказался отъ ислама и умеръ христіаниномъ.

Что касается Зейда, то на него можно указать, какъ на болѣе энергичнаго ханифа. Отказавшись отъ идолопоклонства, онъ открыто выражалъ свое презрѣніе къ языческимъ суевѣріямъ своихъ соотечественниковъ, вслѣдствіе чего у него происходили постоянныя неудовольствія съ Каттабой, который былъ ему по отцу дядя, а по матери единоутробный братъ и съ которымъ онъ жилъ въ одномъ домѣ. Неоднократно онъ пытался оставить Мекку и попутешествовать въ другія страны, чтобы посовѣтоваться «съ умными людьми». Но Каттаба всякій разъ представлялъ препятствія къ осуществленію благородныхъ стремленій Зейда Въ Меккѣ Зейдъ каждый день ходилъ въ Каабу и молился Богу о просвѣщеніи его. Часто видали, какъ онъ, опершись спиною къ стѣнѣ храма, предавался благочестивымъ размышленіямъ, которыя оканчивалъ произносимыми въ слухъ словами: «Господи! если-бы я зналъ, какимъ образомъ угодно Тебѣ, чтобы те-

бя почитали и поклонялись, то исполнялъ-бы волю Твою. Но я не знаю этого». Послѣ этихъ словъ онъ падалъ лицомъ на землю. Не усвоивши ни идей іудейскихъ, ни идей христіанскихъ, Зейдъ воображалъ себя слѣдующимъ религіи Авраама. Онъ не позволялъ себѣ ѣсть мясо павшихъ животныхъ, а также и приносимыхъ въ жертву идоламъ. Онъ почиталъ Единаго Бога, публично называлъ боговъ арабовъ ложными и энергично обличалъ культъ арабовъ. Въ своихъ разговорахъ съ соотечественниками онъ старался внушить имъ страхъ за обычай, общій всѣмъ бѣднымъ и обремененнымъ большимъ семействомъ арабамъ —закапывать въ землю живыми дѣтей женскаго пола тотчасъ послѣ ихъ рожденія, чтобы избавить себя отъ заботъ о ихъ прокормленіи Каттаба опасался болѣе, чѣмъ кто-либо, за впечатлѣніе отъ такихъ рѣчей Зейда и за цѣлость національнаго культа и выпроводилъ племянника-брата изъ города. Зейдъ жилъ нѣкоторое время на сосѣдней съ Меккой горѣ Хира, какъ плѣнникъ, окруженный приставленными Каттабой молодыми людьми. Наконецъ, онъ освободился изъ своего заключенія и отправился

путешествовать въ Сирію, Месопотамію, Египетъ, вездѣ разспрашивая о религіи. Услышавъ, что въ Меккѣ явился пророкъ съ проповѣдью о религіи Авраама, онъ поспѣшилъ на родину, но въ Геджасѣ онъ былъ ограбленъ и убитъ разбойниками [3])

Дѣятельность этихъ лицъ показываетъ, какими знаменательными фактами обнаружилось великое религіозное движеніе въ Аравіи въ эпоху Магомета. Служа выразителями религіозныхъ стремленій своего народа, ханифы подготовили хорошую почву для ислама; они обнаружили свои желанія и симпатіи и указали направленіе, въ которомъ долженъ дѣйствовать религіозный реформаторъ Аравіи. Они выработали, такъ сказать, программу новой, искомой вѣры. Ложность многобожія, безсмысленность языческаго культа, грубость нѣкоторыхъ обычаевъ, идея Единаго Бога и вѣра Авраама — вотъ догматы этой вѣры. Если мы обратимъ вниманіе на то, что проповѣдывалъ Магометъ въ началѣ своей дѣятельности, то

[3]) Perseval «Essai sur l'Histoire des Arabes», Paris 1847 г. I т. 321—326 стр. по Sirat-er-raçoul 34—35 f. Muir 2 т. 45—53 стр. по Tabari 11 и Hishami 56 стр.

мы будемъ имѣть право назвать ханифовъ его предшественниками. Магометъ былъ-бы обязанъ имъ, если-бы они дѣйствовали не въ Меккѣ, а въ другихъ мѣстахъ аравійскаго полуострова и за нѣкоторое, болѣе или менѣе значительное время до него. Но замѣчательно то обстоятельство, что всѣ эти личности окружали его и какъ бы воспитывали его. Онъ дышалъ одною съ ними атмосферою и проникался ихъ идеями. Всѣ они стояли къ нему очень близко или какъ сограждане, или какъ родственники, или какъ то и другое вмѣстѣ. Варака былъ братъ жены его Хадиджи, которая подъ вліяніемъ его ознакомилась съ христіанствомъ и читала Евангеліе. Онъ-же былъ въ числѣ самыхъ первыхъ увѣровавшихъ въ Магомета и только впослѣдствіи, когда тотъ сбился съ пути религіознаго проповѣдника, отшатнулся отъ него. Османъ былъ двоюродный братъ Вараки и, слѣдовательно, тоже былъ близокъ къ Магомету. Обейдаллахъ, хотя происходилъ не изъ корейшитскаго племени, но по матери былъ, какъ и Магометъ, внукомъ почтеннаго старика Абдалъ Мутталиба. На основаніи этихъ фактовъ можно думать, что и пророкъ

арабскій принадлежалъ къ сектѣ ханифовъ. Предположеніе это вполнѣ оправдывается Кораномъ. Авраамъ, вѣру котораго искали и признавали истинной эти сектанты, въ Коранѣ называется ханифомъ, т. е., держащимся истинной вѣры [4]). Самъ Магометъ въ Коранѣ-же призывается именно къ этой вѣрѣ. «Потому, читаемъ мы, возвѣстили тебѣ въ откровеніи: слѣдуй религіи Авраама, который былъ истинной вѣры (ханифъ), не былъ въ числѣ многобожниковъ». (Коранъ 16 гл. 124 ст.),

Чѣмъ-же отличался Магометъ отъ ханифовъ?—Только большей силою убѣжденности. Тѣ искали религію Авраама, а онъ вообразилъ, что нашелъ ее. Убѣжденіе это проникало все его существо, овладѣло имъ совершенно, побуждало его къ открытой проповѣди и довело его до галлюцинаціи, которая была завершительнымъ моментомъ его размышленій и подъ вліяніемъ которой онъ перенесъ на себя идею ожидаемаго пророка и проповѣдника религіи Авраама. Всѣ біографы Магомета и толковники Корана говорятъ о яв-

[4]) Коранъ 2 гл 129 стр.; 3 гл. 60 и 89 ст; 4 гл. 124 ст.; 6 гл. 79 и 161 ст.; 10 гл. 104 ст.

ленiи ему ангела. Въ Коранѣ, который носитъ на себѣ несомнѣнное отраженiе полной убѣжденности своего автора, Магометъ съ клятвой увѣряетъ, что онъ проповѣдуетъ не отъ себя, а передаетъ только откровенiя, приносимыя ему съ неба ангеломъ Гавріиломъ, котораго онъ видѣлъ на высотѣ небосклона.

«Клянусь звѣздою, когда она закатывается, говоритъ Магометъ: соотечественникъ вашъ не заблудился и съ пути не сбился. Онъ не говоритъ отъ своего произвола. Онъ (Коранъ) откровенiе, ему открываемое. Его научилъ крѣпкiй силою обладатель разумѣнiя. Онъ (Гавріилъ) явился ему, находясь на высотѣ небосклона; потомъ приблизился и подошелъ; онъ былъ отъ него на разстоянiи двухъ луковъ или еще ближе. Тогда открылъ онъ рабу его то, что открылъ. Сердце его (Магомета) не обманывалось тѣмъ, что онъ видѣлъ. Такъ ужели будете оспаривать истину того, что онъ видѣлъ»? (Коранъ 53 гл. 1—12 стр.)

Мы не имѣемъ основанiя скептически отвергать клятвенное увѣренiе Магомета, что ему показывался ангелъ,—послѣ того какъ знаемъ, что галлюцинацiи—явленiе не рѣдкое Но подъ вліянiемъ ка-

кихъ впечатлѣній онъ дошелъ до привидѣнія, какими обстоятельствами подготовлялся и какъ совершился въ немъ процессъ самообольщенія? Отвѣтъ на эти вопросы мы найдемъ въ краткомъ обзорѣ жизни Магомета до выступленія его въ роли пророка...

## III.

### Рожденіе и болѣзненность Магомета

Магометъ родился въ 570 году въ городѣ Меккѣ. Шіитскія преданія окружаютъ это событіе разными чудесами и знаменіями. Небо и земля, говорятъ, воскколебались при появленіи на свѣтъ будущаго пророка. Озеро Сава (въ Іеменѣ) попятилось къ своимъ таинственнымъ источникамъ, а рѣка Тигръ выступила изъ береговъ и затопила окрестности. Дворецъ Хозроя, царя персидскаго, пошатнулся въ своихъ основаніяхъ и многія изъ его башенъ обрушились. Кади, или судья Персіи, видѣлъ во снѣ, что арабскій конь побѣдилъ дикаго верблюда. По утру онъ разсказалъ свой сонъ царю и объяснилъ, что это предвѣщаетъ опасность отъ Аравіи. Священный огонь Зароастровъ, который хранился и горѣлъ неугасимо болѣе тысячи лѣтъ, внезапно потухъ и всѣ идолы попадали съ мѣстъ своихъ. Демоны, или злые духи были изгнаны изъ сферъ небесныхъ чис-

тыми ангелами и вмѣстѣ съ главнымъ вождемъ своимъ Иблисомъ, или Люцифером, были низвергнуты въ глубины моря. Мать пророка не страдала муками рожденія; въ минуту-же появленія на свѣтъ Магомета небесное сіяніе освѣтило всю окрестность, а новорожденное дитя воскликнуло, возводя глаза къ небу: «нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и я пророкъ Его». Родственники исполнились благоговѣйнаго изумленія. Братъ его матери, астрологъ, наблюдая теченіе звѣздъ, принесъ предсказаніе, что родившійся младенецъ достигнетъ величія и необыкновеннаго могущества, воздвигнетъ обширное царство и утвердитъ между людьми новую вѣру... [5]) Болѣе здравомыслящіе изъ мусульманъ не признаютъ этихъ произведеній суевѣрной фантазіи персовъ и удовлетворяются тѣми фактами, которые передаютъ о своемъ пророкѣ арабскіе историки.

Судя по послѣднимъ, Магометъ росъ быстро, былъ смышленымъ и симпатичнымъ мальчикомъ. Изъ него вышелъ муж-

---

[5]) Боголюбскій «Исламъ». Самара. 1885 года. 42—43 стр по Ирвингу 16 стр., Перевалю 1 т. 284 стр. и Ренану 236 стр. (Etudes d'histoire religieuse).

чина средняго роста, хотя худощавый, но плотный, красивый, съ черными волосами, длинной шеей, большими черными глазами, орлинымъ носомъ, густой бородой, съ умнымъ и выразительнымъ взглядомъ Но значитъ-ли это, что онъ былъ совершенно здоровъ, что физическое развитіе его совершалось правильно? Теперь положительно доказано, что Магометъ былъ больной человѣкъ, хотя и трудно опредѣлить видъ самой болѣзни его. Извѣстно, что онъ страдалъ ею съ дѣтства и подвергъ ею безпокойнымъ опасеніямъ свою кормилицу, бедуинянку Галиму. Въ Меккскихъ аристократическихъ семействахъ было въ обычаѣ отдавать дѣтей на воспитаніе бедуинамъ. Говорятъ, открытый воздухъ пустыни такъ благотворно подѣйствовалъ на Магомета, что, будучи двухлѣтнимъ ребенкомъ, онъ казался четырехлѣтнимъ мальчикомъ. Но когда ему исполнилось четыре года, съ нимъ стали повторяться припадки падучей болѣзни. Впослѣдствіи біографы его стали объяснять эти припадки тѣмъ, что ангелы-де приходили къ избранному въ пророки и очищали сердце его отъ какихъ-то черныхъ пятенъ. Вакиди, напр., говоритъ, что разъ, когда Магометъ иг-

ралъ съ братомъ и сестрою по кормленію, два ангела пришли къ нему, вынули изъ его сердца чёрное пятно и очистили его снѣговою водою. Фикцію эту самъ Магометъ внесъ въ Коранъ въ стихахъ, послужившихъ основаніемъ для столькихъ легендъ суевѣрнаго воображенія, именно: «Не раскрыли-ли мы твоего сердца? Не сняли-ли мы съ тебя твоего бремени, которое тяготило хребетъ твой»? (Коранъ 94 гл. 1—3 ст.).

Но если самъ онъ, подъ вліяніемъ потребности въ успокоеніи возникавшихъ сомнѣній, усматривалъ впослѣдствіи въ своей загадочной болѣзни вліяніе добрыхъ ангеловъ, кормилица, непосредственно наблюдавшая его припадки, объяснила ихъ дѣйствіемъ злаго духа. Вмѣстѣ съ мужемъ она рѣшила отвести мальчика къ матери его, чтобы избавить себя отъ неизвѣстныхъ послѣдствій подозрительной болѣзни. Амина, мать Магомета, услыхавши о томъ, сто случалось съ сыномъ, упросила кормилицу не оставлять дитя въ удушливомъ городѣ и взять опять его къ себѣ въ надеждѣ, что боги прекратятъ болѣзнь быстро подростающаго сына. Но припадки снова повторились и Галима снова привела его къ матери,

послѣ чего она уже рѣшилась взять его къ себѣ [6]).

Если принять во вниманіе то обстоятельство, что родители Магомета умерли въ самые цвѣтущіе годы и почти скоропостижно, то не лишено будетъ вѣроятія то предположеніе, что болѣзненность Магомета, по крайней мѣрѣ, слабость нервной конструкціи его зависѣли отъ наслѣдственныхъ задатковъ. Извѣстно, что отецъ его скончался двадцати двухъ лѣтъ на возвратномъ пути изъ Сиріи, не доживши до рожденія сына двухъ-трехъ мѣсяцевъ; а мать, столь-же молодая, оставила его на шестомъ году его жизни среди пустыни, на дорогѣ изъ Мекки въ Медину.

Мы не знаемъ, часто-ли повторялись съ Магометомъ припадки въ послѣдующіе годы его жизни, до объявленія имъ себя пророкомъ. Этотъ темный періодъ мало интересовалъ первыхъ біографовъ арабскаго пророка. Но несомнѣнно, что болѣзнь его имѣла большое значеніе въ сложномъ процессѣ его самообольщенія, такъ какъ она съ особенною силою стала обнаруживаться около сороковыхъ и,

[6]) Muir I т 20—23 стр. по Katib al Wackidi 20½—21 стр. и Hishami 31 стр.

скажемъ, роковыхъ годовъ его жизни. Будучи слѣдствіемъ нервной возбудимости, эта болѣзнь являлась причиной новыхъ возбужденій Магомета и наводила его на ложную мысль объ особенномъ вліяніи на него сверхъестественной силы, объ избраніи, приготовленіи и способности его къ воспріятію откровеній. Это ясно и несомнѣнно изъ того, что самъ онъ, какъ мы видѣли, приписалъ своимъ нервнымъ припадкамъ какое-то предуготовительное значеніе, и изъ того, что болѣзнь повторялась съ нимъ всякій разъ при полученіи имъ первыхъ мнимобожественныхъ откровеній Корана. На этотъ разъ она сопровождалась сильными каталептическими припадками. Застигнутый пароксизмомъ, Магометъ падалъ въ изнеможеніи на землю, въ тѣлѣ его начинались судороги, глаза дико вращались, лицо становилось блѣднымъ и покрывалось холоднымъ потомъ. По преданію отъ Айши «пророкъ находился въ чрезвычайномъ волненіи всякій разъ, какъ являлся къ нему ангелъ, холодный потъ падалъ съ его лба, глаза его наливались кровью и въ это время онъ кричалъ, какъ молодой верблюдъ». Зейдъ Ибнъ Сабитъ, собиратель преда-

ній, къ этому прибавляетъ «когда пророкъ получалъ откровеніе, съ нимъ повторялось такое состояніе, какъ будто душа отъ него отлетала; онъ имѣлъ видъ обморочнаго и смотрѣлъ, какъ опьяненный» Абу Гурейра говоритъ, что «когда откровеніе сходило на Магомета, никто не осмѣливался смотрѣть на него». По другимъ извѣстіямъ, онъ гнѣвался, когда кто нибудь смотрѣлъ на него въ этотъ моментъ, на лицѣ его являлась пѣна, глаза плотно закрывались и иногда онъ кричалъ, какъ верблюдъ [7]).

Изъ всѣхъ этихъ преданій видно, что вдохновенія Магомета сопровождались болѣзненнымъ состояніемъ. Правда, что съ теченіемъ времени, когда онъ свыкся съ этимъ состояніемъ, нервное возбужденіе смягчалось; припадки не случались, на землю онъ не падалъ, а устремлялъ свои глаза вверхъ и въ такомъ положеніи оставался неподвижнымъ иногда до часу. На вопросъ, что съ нимъ бывало, онъ отвѣчалъ, что слышалъ какъ-бы звонъ колокольчика. Впослѣдствіи, когда онъ

[7]) Arnold «Islam, its history, Character, and Relation to Christianity» London 1874 г. 45—46 стр. Muir 2 т. 87 стр по Katib al Wackidi 37½ стр.

окончательно вошелъ въ роль пророка, онъ впалъ въ иллюзію, что все, о чемъ-бы онъ ни подумалъ и чего-бы онъ ни пожелалъ, возникаетъ въ немъ подъ вліяніемъ божественнаго воздѣйствія и должно быть закономъ для другихъ. Это послѣдняя пора его дѣятельности, когда онъ выступаетъ во главѣ многочисленнаго общества мусульманъ, скорѣе какъ политическій и честолюбивый законодатель, чѣмъ какъ религіозный реформаторъ. Въ это время онъ издавалъ подъ фирмой откровенныхъ стиховъ Корана обыденные отвѣты на такіе же вопросы и только въ рѣдкихъ случаямъ, когда заинтересовывалась вся его личность, напримѣръ, въ скандальномъ обвиненіи самой любимой изъ его женъ въ супружескомъ грѣхѣ, онъ впадалъ въ экстазъ. Но первоначальныя мнимооткровенія не обходились для него даромъ и это чувствовалъ самъ Магометъ.

«Ахъ, для тебя я пожертвовалъ-бы отцомъ и матерью: отчего это у тебя такъ рано побѣлѣли волосы»? сказалъ однажды Абу Бекръ, дружески обратившись въ мечети въ присутствіи Омара къ Магомету. «Пророкъ» погладилъ бороду и пристально поглядѣлъ на Абу

Бекра У того, будто-бы, явились слезы на глазахъ. «Да, отвѣтилъ онъ, Гудъ (11 глава Корана) и его сестры ускорили бѣлизну волосъ моихъ». «А какіе его сестры?» спросилъ Абу Бекръ. «Поражающій» (56 глава Корана) и «Поражающее» (101 глава Корана) суть его сестры» [8]). Въ предсмертныхъ страданіяхъ Магометъ тоже жаловался, что «страшныя» главы Корана много поколебали силы его организма

Такимъ образомъ, почва для галлюцинацій Магомета существовала. Какъ-бы ни называлась въ медицинѣ болѣзнь его, просто-ли особеннымъ видомъ сильной меланхоліи, или мускулярной истерикой (Шенлейнъ), для насъ важна моральная сторона первоначальныхъ страданій Магомета. Всѣ согласны въ томъ, что болѣзнь эта развиваетъ въ пораженномъ ею субъектѣ наклонность къ сосредоточеннымъ мечтаніямъ, сопровождается галлюцинаціями зрѣнія и слуха. Видѣнія и голоса представляются въ то время боль-

[8]) Эти главы корана вмѣстѣ съ 21, 69, 77, 78 и 81 называются у мусульманъ за нѣкоторые стихи «страшными». Всѣ онѣ даны въ Меккѣ и нѣкоторыя очень рано. Muir 2 т 88 стр. по Katib al Wackidi 84 стр.

ному: дѣйствительность до такой степени перемѣшивается съ созданіями фантазіи, что, по истеченіи нѣкотораго времени, такія люди, говорятъ, совершенно теряютъ способность различать истину отъ вымысла.

## IV.

## Воспитаніе Магомета, его сиротство, пастушество и бракъ съ Хадиджей.

Другія обстоятельства, подъ вліяніемъ которыхъ развивалось самосознаніе и вырабатывался характеръ Магомета, благопріятствовали его самообману, и если нельзя сказать, чтобы прямо вели его къ этому концу, то, по крайней мѣрѣ, подготовляли матеріалъ и развивали предрасположенность къ религіозно-реформаторской дѣятельности. Первые и самые впечатлительные годы своего отрочества, послѣ кормленія у бедуинскаго племени Бани Саадъ, Магометъ провелъ у своего набожнаго дѣда, хранителя или жреца Каабы, Абдалъ Мутталиба и послѣ смерти послѣдняго у дяди Абу Талиба. Старикъ любилъ Магомета больше своихъ сыновей и всякій разъ бралъ его съ собою въ Каабу, гдѣ позволялъ ему стоять съ собой на одномъ коврѣ и подъ

однимъ занавѣсомъ отъ жгучаго солнца. Нѣжный дядя тоже ласкалъ племянника и спалъ съ нимъ на одной постилкѣ. Эта патріархальная среда имѣла большое значеніе въ психической организаціи будущаго реформатора Аравіи. Здѣсь складывалась въ немъ религіозная настроенность, которая проходитъ черезъ всю его жизнь и съ точки зрѣнія которой онъ смотрѣлъ на свое прошлое и интересовался только извѣстной стороной наблюдаемой имъ дѣйствительности.

Раннее сиротство, отдававшее его изъ однихъ рукъ въ другія и потомъ предоставившее его самому себѣ, повліяло на разсудочное развитіе его. Можетъ быть, это обстоятельство и лежитъ въ основаніи его молчаливаго, скромнаго, вдумчиваго и, отчасти, мелахоличнаго характера. Онъ говорилъ мало, но говорилъ мѣтко и, смотря по обстоятельствамъ, остро и ядовито. Чаще онъ слушалъ другихъ въ кругу собесѣдниковъ и погружался въ самого себя наединѣ. Прошлое въ его-же собственной жизни бывало, между прочимъ, и темой его размышленій. Не даромъ онъ иногда и въ бесѣдахъ, и въ Коранѣ припоминалъ свое прошлое, находя въ немъ для себя нѣчто

особенное. «Поистинѣ, я самый совершенный изъ васъ арабъ: мое происхожденіе изъ племени корейшъ и мой языкъ есть языкъ Бани Саадъ», говаривалъ онъ, объясняя чистоту своего языка воспитаніемъ у бедуиновъ, языкъ которыхъ и доселѣ считается въ Аравіи образцовымъ.

Еще большее значеніе онъ придавалъ своему пастушеству. Занятіе это дѣйствительно не прошло безслѣдно для настроенія Магомета. Оно дало ему массу неизгладимыхъ впечатлѣній и тоже способствовало развитію въ немъ вдумчиваго и созерцательнаго характера. Кто знаетъ, какія картины рисовала фантазія, какія мысли роились въ душѣ впечатлительнаго юноши, когда онъ пасъ стада овецъ на тощихъ загородныхъ ложбинахъ мекканскихъ, покрытыхъ сожженною травой? Чудная безмолвная пустыня, съ ея ненарушимой тишиной, съ свѣжимъ благотворнымъ воздухомъ, съ голубымъ необъятнымъ небомъ, съ сверкающими особенной яркостью звѣздами и созвѣздіями должна была много говорить созерцательному уму его. Идея единаго божества, управляющаго всѣмъ этимъ горизонтомъ, можетъ быть, впервые роди-

лась у Магомета въ этой обстановкѣ. Глубокія убѣжденія и крѣпкія идеи, способныя наполнить всю жизнь человѣка, рѣдко вычитываются изъ книгъ. Большею частію ихъ внушаетъ жизнь, или-же мощною рукою ихъ влагаетъ въ душу сама природа, безъ анализа и синтеза, безъ разныхъ сложныхъ логическихъ процессовъ, прямо и непосредственно, какъ свою неизгладимую печать. Человѣкъ, подобный Магомету, всю жизнь и всецѣло поглощенный идеей великаго, единаго Бога, могъ и долженъ былъ развить ее въ себѣ этимъ путемъ. Самъ онъ чувствовалъ, что пастушескія впечатлѣнія имѣли громадное значеніе для его сознанія. Впослѣдствіи онъ хвастался этимъ занятіемъ и ставилъ себя въ аналогію съ Моисеемъ и Давидомъ, а однажды даже сказалъ такую фразу: «поистинѣ не было ни одного пророка, который-бы не проходилъ труда пастушескаго» [9]).

Магометъ пасъ овецъ, когда ему было двадцать лѣтъ. Унизительное въ глазахъ арабовъ занятіе это онъ принялъ на себя потому, что вынужденъ былъ

[9]) Muir 2 т. 12 стр. но Tabari 63 стр.

къ нему своею бѣдностью. Положеніе его однако-же скоро измѣнилось благодаря женитьбѣ на почетной и зажиточной вдовѣ Хадиджѣ. Бракъ этотъ составляетъ довольно интересную страничку въ жизни пророка Хадиджа была не молода; она достигла уже степеннаго возраста въ 40 лѣтъ и отъ первыхъ двухъ мужей имѣла трехъ дѣтей. Очевидно, Магомету она была не пара. Но для него было лестно сдѣлаться хозяиномъ того имѣнія и тѣхъ каравановъ, при которыхъ онъ былъ только поденьщикомъ. Потому, по разсказамъ арабскихъ писателей, Богъ долженъ былъ совершить чудо, чтобы воспламенить къ нему сердце вдовой купчихи. Она-же чувствовала, что не совсѣмъ состарилась для чувственныхъ пожеланій, и понимала, что чего не доставало ей въ юной прелести, то пополняло ея богатство. Магометъ казался ей интереснымъ молодымъ человѣкомъ и она не посмотрѣла на то, что отецъ ея слышать не хотѣлъ о бракѣ дочери съ этимъ бѣднякомъ; напоила старика до-пьяна, получила его согласіе и, прежде нежели онъ протрезвился, она уже была женою Магомета. Раздраженный коварствомъ дочери Ховайлидъ,—такъ назывался отецъ

хитрой невѣсты,—сдѣлалъ ей сильный упрекъ, взялся было за оружіе, чтобы отмстить за позоръ, но родственники жениха поспѣшили на помощь, и споръ былъ конченъ дружелюбно: Магометъ остался владѣтелемъ своей Хадиджи, на 15 лѣтъ его старѣйшей. Бракъ съ богатой и извѣстной въ Меккѣ вдовою выдвинулъ его впередъ во мнѣніи сограждан, освободилъ его отъ нужды и доставилъ ему обезпеченное положеніе. Ему ясно стало, что самъ Богъ устраиваетъ судьбу его и ведетъ его къ особенному назначенію. «Не сиротой ли онъ нашелъ тебя и пріютилъ»? спрашиваетъ онъ себя въ Коранѣ (93 гл. 6 ст.).

## V.

## Путешествія Магомета.

Еще будучи 12 лѣтъ, Магометъ упросилъ своего дядю Абу Талиба взять его съ собой въ путешествіе въ Сирію. Позднѣе, въ качествѣ приказчика, а потомъ и мужа богатой Хадиджи ему часто приходилось ѣздить съ караванами по разнымъ направленіямъ Аравіи и бывать на ярмаркѣ въ Окацѣ. Обстоятель-

ство это имѣло чрезвычайно важное значеніе для Магомета. Во первыхъ, онъ отлично ознакомился съ природой Аравіи и это знакомство дало ему богатый запасъ сравненій, противоположеній и образовъ, взятыхъ изъ природы, что такъ нравится арабамъ и съ чѣмъ мы такъ часто встрѣчаемся въ Коранѣ. Во вторыхъ, во время этихъ путешествій онъ все болѣе и болѣе проникался идеей единаго Виновника и этихъ чудныхъ, мерцающихъ созвѣздій, о которыхъ онъ съ такимъ восторгомъ замѣчаетъ въ Коранѣ, и этихъ опасныхъ вѣтровъ, которые «могутъ всѣхъ засыпать пескомъ», и этихъ облаковъ, которые «предвѣщаютъ живительную влагу» для изсушенныхъ солнцемъ растеній. Наконецъ, въ третьихъ, и это самое главное, во время путешествій Магометъ наслышался разныхъ религіозныхъ легендъ, познакомился съ іудействомъ и христіанствомъ и съ нѣкоторыми представителями этихъ вѣрованій.

Дорога ему лежала большею частію черезъ страны богатыя баснями и преданіями, разсказывать которыя во время вечерней стоянки было наслажденіемъ для арабовъ Обширныя, уединенныя пустыни, среди которыхъ этотъ кочевой на-

родъ проводилъ большую часть своей жизни, легко порождаютъ суевѣрныя мечты, а потому онъ населилъ ихъ добрыми и злыми духами, связалъ съ ними разсказы о чарахъ, перемѣшанныхъ съ чудесными событіями, которыя случались въ нихъ въ древнія времена. Во время такихъ вечернихъ привалов караванa Магометъ, безъ сомнѣнія, и самъ напитался подобными суевѣріями пустыни. По крайней мѣрѣ они и послѣ того всегда жили въ его памяти и имѣли сильное вліяніе на его воображеніе. Мы можемъ здѣсь указать въ особенности на двѣ легенды о развалинахъ городовъ—Геджарскаго, населеннаго племенемъ Ѳемудъ и Эйлы, лежавшаго близъ Краснаго моря—надъ которыми будто-бы проявилось божественное мщеніе за нечестіе. Обѣ эти легенды до десяти разъ приводятся въ Коранѣ, какъ примѣры божественнаго суда надъ идолопоклонниками, что ясно говоритъ о томъ, какимъ предметомъ былъ занятъ молодой умъ Магомета еще въ то время и какое впечатлѣніе онъ выносилъ изъ наблюденія этихъ развалинъ.

Въ Сиріи, куда часто онъ отправлялся съ караванами, ему пришлось лицомъ

къ лицу столкнуться съ исповѣдниками христіанства. До этого времени онъ только случайно встрѣчался съ нѣкоторыми лицами изъ христіанъ, какъ напр. съ монахомъ Багирой во время остановокъ близъ одного монастыря. Теперь онъ увидалъ полную жизнь христіанскаго общества, христіанскіе обряды и учрежденія, церкви съ ихъ иконами, живописью и другими выраженіями вѣры, частыя собранія на богослуженіе, церемоніи и религіозныя процессіи. Легко понять, какой контрастъ представляла эта картина съ грубымъ и безидейнымъ идолопоклонствомъ Мекки и какое впечатлѣніе выносилъ изъ этого контраста Магометъ съ каждымъ новымъ посѣщеніемъ Сиріи.

Большое значеніе для него имѣло и посѣщеніе ярмарки въ Окацѣ, гдѣ кромѣ торговыхъ оборотовъ происходили еще поэтическія состязанія между представителями разныхъ родовъ, племенъ и религій. Въ этихъ, своего рода олимпійскихъ, состязаніяхъ, въ которыхъ каждый старался отстоять первенство чести своего племени, развивалась въ Магометѣ жажда славы, поэтическіе задатки, сила діалектики и т. п. Здѣсь онъ

вынесъ еще одно очень важное впечатлѣніе. Христіанство здѣсь имѣло своего представителя въ лицѣ епископа Наджрана, Коссы, который, будучи краснорѣчивымъ ораторомъ, въ пламенныхъ рѣчахъ защищалъ свою вѣру. Здѣсь-же бывали и іудейскіе раввины, превосходившіе христіанъ численностью и тоже заявлявшіе себя въ публичныхъ рѣчахъ. Съ іудеями Магометъ былъ болѣе коротко знакомъ, чѣмъ съ христіанами, потому-что въ Мединѣ, родинѣ своей матери, онъ часто видалъ ихъ, слыхалъ богослуженіе въ синагогахъ, разсуждалъ съ ними о вѣрѣ и научился уважать ихъ какъ людей, «имѣющихъ писаніе». Но они непріязненно относились къ христіанамъ и въ Окацѣ, когда Косса обращался къ нимъ съ словами о Христѣ, они презрительно отворачивались отъ него. Съ своей стороны и христіане недружелюбно смотрѣли на іудеевъ, несмотря на несогласіе ихъ между собою. Могъ-ли онъ не замѣчать, что какъ тѣ, такъ и другіе одинаково третируютъ арабовъ язычниковъ, отвергаютъ идолопоклонство, какъ презрѣнный грѣхъ, признаютъ откровеніе, исповѣдуютъ вѣру въ Единаго Бога, воскресеніе и судъ, почитаютъ про-

роковъ и съ глубочайшимъ уваженіемъ произносятъ имя Авраама, котораго арабы язычники и, слѣдовательно, самъ Магометъ, почитали строителемъ храма Мекки и основателемъ обрядовъ его? У человѣка, занятаго религіозными размышленіями, естественно возникалъ вопросъ, что если во всѣхъ этихъ вѣрованіяхъ есть божественная истина, если не полная и чистая, то зараженная только частными предразсудками и заблужденіями? Нельзя-ли соединить всѣ эти разрозненные народы и племена въ одно цѣлое общество на почвѣ общихъ имъ истинъ? Такъ какъ всѣми ими почитается Авраамъ, то вѣра его, т. е. вѣра въ Единаго Бога, всеобщій судъ и воздаяніе должны быть обязательными для всѣхъ. Если христіане такъ настойчиво проповѣдуютъ о Христѣ, то личность Его дѣйствительно была необыкновенная... Что всѣ симпатіи Магомета подъ впечатлѣніемъ ежегодно посѣщаемаго зрѣлища въ Окацѣ клонились въ пользу откровенныхъ истинъ, это можно заключить изъ того, что на этихъ именно истинахъ онъ и настаивалъ, когда выступилъ пророкомъ. Это-же подтверждается и тѣмъ уваженіемъ, съ которымъ онъ

относился къ памяти епископа Коссы. Впослѣдствіи, когда онъ жилъ въ Мединѣ и когда депутація отъ племени Бани Бакръ предложила ему вопросъ: «знаетъ-ли онъ Коссу»?—онъ отвѣчалъ: «Косса не соплеменникъ вашъ; онъ былъ изъ племени Айадъ, онъ исповѣдывалъ истинную вѣру еще во дни невѣдѣнія (т. е., до начала ислама) и посѣщалъ Окацъ, когда происходили тамъ споры народовъ, и обращалъ ихъ словами, которыя запоминались съ его языка» [10]).

Такимъ образомъ, обстоятельства жизни Магомета мало по малу вели его къ тѣмъ-же результатамъ, къ которымъ пришли ханифы. Движеніе этихъ мыслителей пришлось ему какъ разъ по сердцу и онъ тѣмъ съ большей искренностью предался ихъ убѣжденіямъ, чѣмъ большею отличался отъ нихъ нервностью и впечатлительностью. Для него было недостаточно сознавать ложь суевѣрнаго идолопоклонства. Сознаніе это просилось наружу и темпераментъ влекъ его на площадь учить и убѣждать другихъ.

---

[10]) Арабскій текстъ этихъ словъ изъ Kitib al Wackidi 61½ ст. можно читать у Мюира 2 т. 10 стр.

## VI.

## Третейскій судъ Магомета и самообольщеніе его.

Чтобы понять личность Магомета, мы должны вспомнить еще одно обстоятельство въ его жизни, обстоятельство совершенно случайное и тѣмъ не менѣе несомнѣнно повліявшее на его самосознаніе. Въ 705 году, когда ему было 35 лѣтъ отъ роду, Кааба пострадала отъ огня и требовала починки, во время которой священный черный камень нужно было перенести на другое мѣсто. Между начальниками разныхъ племенъ возникъ споръ, кому изъ нихъ принадлежитъ честь выполненія столь священной обязанности. Послѣ долгихъ преній согласились предоставить рѣшеніе тому, кто первый войдетъ черезъ ворота Аль-харамъ Случилось, что первый вошедшій былъ Магометъ. По выслушаніи ихъ противорѣчивыхъ притязаній, онъ велѣлъ разостлать большой коверъ и положить на него камень; потомъ отъ каждаго племени по человѣку должны были взяться за края ковра Такимъ образомъ, священный камень былъ под-

нятъ всѣми спорщиками и какъ разъ въ уровень съ назначеннымъ ему мѣстомъ, гдѣ Магометъ своими руками и помѣстилъ его Рѣшеніе Магомета всѣмъ понравилось. Его послѣ этого стали называть «Аль Аминъ» т. е., справедливый. Послѣ этого великое довѣріе, питаемое къ разсудительности Магомета, было причиною того, что сограждане часто выбирали его посредникомъ въ своихъ спорахъ. Одинъ англійскій біографъ Магомета, который, нужно замѣтить, со свойственной англичанину проницательностью и анализомъ слѣдитъ за психологіей своего героя, полагаетъ, что это случайное обстоятельство навело Магомета на мысль, что ему не даромъ выпалъ счастливый жребій, что въ глазахъ Божіихъ онъ достойнѣйшій изъ гражданъ Мекки; кромѣ того ему понравилось быть третейскимъ судьею и у него явилась мысль построить на случайно предоставленной ему чести всегдашній свой авторитетъ. Почему англійскій ученый въ процессѣ самообольщенія Магомета находитъ и честолюбивый элементъ, хотя отводитъ ему второстепенное значеніе.

Убѣдившись, что идолопоклонство есть одно заблужденіе и извращеніе идеальной

вѣры патріарховъ и древнихъ пророковъ, Магометъ чѣмъ дальше, тѣмъ больше сталъ сосредоточиваться на этомъ убѣжденіи, не подозрѣвая, что оно внушено ему временемъ, средой, лицами и обстоятельствами. «Прежде пророки научали истинной вѣрѣ, думалъ онъ. Теперь міръ снова погрязъ въ слѣпоту идолопоклонства; теперь необходимо пришествіе другаго пророка, который бы былъ уполномоченъ повелѣніемъ свыше, направилъ-бы сыновъ человѣческихъ на правый путь и возстановилъ-бы поклоненіе въ Каабѣ въ томъ видѣ, въ какомъ оно существовало во дни Авраама» Мысль о вѣроятности пришествія такого пророка съ сопровождающими его преобразованіями совершенно овладѣла его умомъ, вызвала въ немъ наклонность къ мечтаніямъ и созерцаніямъ, къ уединенію на излюбленной горѣ Хира и подвергла его сновидѣніямъ, галлюцинаціямъ и экстазу. Если ханифъ Зейдъ молился о просвѣщеніи своего ума и о прощеніи своего невѣдѣнія, то Магометъ рѣшалъ свои вопросы. Онъ думалъ, «можетъ-ли милосердый Богъ оставаться невнимательнымъ въ воззванію, столь настойчиво къ Нему обращаемому о томъ, чтобы Онъ

снабдилъ кого нибудь изъ рабовъ своихъ полномочіемъ проповѣди. Кто-же достоинъ этого полномочія и въ чемъ оно состоитъ? Да откуда въ немъ самомъ это стремленіе къ вдохновенію, откуда эти истины о Единомъ Богѣ, о будущемъ воздаяніи, откуда эти экстатическіе моменты, откуда эти волненія сердца и неудержимая готовность выражать ихъ въ самой убѣдительной формѣ? Что если все это и составляетъ пророческое призваніе, божественную миссію? Древніе пророки имѣли-ли болѣе очевидное свидѣтельство своего вдохновенія? Итакъ идти къ народу и начать реформу? Молчаніе и неподвижность въ данномъ случаѣ были-бы упорствомъ противъ божественныхъ внушеній. Зачѣмъ колебаться произносить имя Божіе, идти и говорить, что тотъ самый Духъ, который руководилъ древнихъ пророковъ, влагаетъ слова и въ его уста? Вѣдь Богъ управляетъ всей природой до малѣйшихъ движеній и въ неразумныхъ тваряхъ. Внѣ этого управленія нѣтъ ничего. Всякая мысль человѣка возникаетъ и развивается подъ дѣйствіемъ того-же управленія и если Богъ пробудилъ въ комъ сознаніе, Онъ не допуститъ этому сознанію прой-

ти напрасно, не достигнувъ цѣли. Такъ можно-ли сомнватѣься въ себѣ и въ важности дѣла? Тогда не будутъ-ли царствовать въ Аравіи вѣра и благочестіе; Египетъ, Персія и Абиссинія не войдутъ-ли тогда въ царство арабовъ, подъ авторитетомъ которыхъ объединится весь міръ? Передъ такимъ дѣломъ всѣ препятствія ничтожны. Нужны будутъ знаменія, чудеса: ихъ можно ждать отъ Аллаха. Можетъ быть, Онъ пошлетъ Гавріила, который являлся Захаріи и Маріи (Коранъ 19 гл.). О, если-бы явился этотъ ангель»!—Въ такихъ экстатическихъ размышленіяхъ, въ уединеніи, въ пещерѣ на горѣ Хира Магомету, наконецъ, показалось, что онъ видитъ ангела въ образѣ человѣка, который, приближаясь издали, раскрылъ книгу и сказалъ: «Читай во имя Господа твоего, который создаетъ... создаетъ человѣка изъ сгустившейся крови; читай... всеблагій Господь твой, который научилъ тебя письменной трости, даетъ человѣку знаніе о томъ, о чемъ у него не было знанія (Коранъ 96 гл. 1—5 ст.).

Всѣ мусульманскіе толковники Корана и большинство европейскихъ изслѣдователей происхожденія ислама согласны въ

томъ, что это было первымъ откровеніемъ Магомету. Съ перваго взгляда такое начало Корана кажется темнымъ и страннымъ. Но смыслъ его будетъ понятенъ, если мы вспомнимъ, что содержаніе видѣній и галлюцинацій зависитъ отъ свойства мыслей, занимавшихъ человѣка въ обычное время, отъ характера понятій и предразсудковъ данной эпохи и общества. Магомету, который въ это время былъ напитанъ ханифскими представленіями, естественно, должны были показаться и ханифскія видѣнія. Ханифы-же учили о писанномъ откровеніи, о небесныхъ рукописяхъ, которые были ниспосланы Аврааму и которыя они пытались найти въ поискахъ за патріархальной вѣрой. Въ такомъ-же видѣ представлялъ откровеніе и Магометъ. По Корану, каждому пророку низводились съ неба отдѣлы писанія и самый Коранъ есть ничто иное, какъ копія рукописнаго оригинала, находящагося на седьмомъ небѣ. Вотъ вслѣдствіе такихъ-то представленій Магомета ему и повелѣвается въ первомъ откровеніи читать и говорится, что Богъ научилъ его письменной трости. Такъ начался рядъ мнимыхъ откровеній Корана.

## Магометъ въ Меккѣ.

### Начало тайной и публичной проповѣди Магомета.

Пришедши подъ вліяніемъ извѣстныхъ впечатлѣній къ мысли о своемъ божественномъ посланничествѣ и объявивши себя пророкомъ, Магометъ, естественно, встрѣтилъ сильное сопротивленіе со стороны своихъ соотечественниковъ—язычниковъ. Хотя религіозное состояніе современныхъ Магомету жителей Аравіи благопріятствовало появленію религіозной реформы среди арабовъ, тѣмъ не менѣе эта реформа не могла совершиться спокойно, какъ для самихъ арабовъ, такъ и для реформатора: новыя идеи являются въ обществѣ, какъ волны на морѣ, гдѣ поверхность ими колышется, а глубина бываетъ спокойна. Магометъ встрѣтился съ самой страшной силой, которую только могутъ и способны проявить люди. Онъ долженъ былъ бороться съ тѣмъ религіознымъ консерватизмомъ, отъ котораго погибало множество лицъ раньше и послѣ него и который привелъ ко Кресту даже Богочеловѣка. Естественно, говоримъ, поэтому, Магометъ вооружилъ противъ себя всѣ классы и сословія жителей Мекки—этого центра арабскаго идо-

лопоклонства Слѣпая къ качеству всякихъ нововведеній и самая стойкая въ дѣлахъ вѣры чернь вознегодовала на Магомета за его попытку разрушить то, что она считала самымъ святымъ для себя, въ чемъ одномъ она видѣла равенство свое съ высшими классами единовѣрцевъ. Высшее сословіе арабовъ, считавшее себя покровителями народныхъ вѣрованій и извлекавшее изъ этого себѣ пользу, почетъ и уваженіе, еще болѣе возстало на новатора, потому что онъ своею реформою задѣвалъ ихъ сословную гордость и подрывалъ ихъ авторитетъ и достоинство, и значеніе самой Мекки, какъ города святаго для всѣхъ арабовъ.

Предвидя со всѣхъ сторонъ противодѣйствіе своей проповѣди, Магометъ выступаетъ въ званіи проповѣдника очень робко и осторожно. Тайну своей души онъ открываетъ только самымъ близкимъ лицамъ. Преданная жена Хадиджа, усыновленный рабъ Зейдъ, пріемышъ и двоюродный братъ Али, Варака, родственникъ жены, и искренній другъ Абу Бекръ, названный за вѣрность вѣрнымъ и за нѣжность «вздыхающимъ», первые узнаютъ отъ Магомета, что ему показался ангелъ, повелѣвавшій ему начать проповѣдь. Съ

этой небольшой семьей и дѣлится Магометъ своими думами Они ему вѣрятъ, онъ имъ декламируетъ стихи о послѣднихъ судьбахъ міра Молодое общество тайно собирается отъ поры до времени то въ частномъ домѣ, а то и въ пещерѣ за городомъ. Тихій и медленный ростъ этого общества однако дѣлается извѣстнымъ въ городѣ. Одни встрѣчаютъ Магомета съ простодушной улыбкой, другіе съ злой и презрительной ироніей. Являлись и такіе, которые силой хотѣли разстроить подозрительный кружокъ. Во время одного собранія первыхъ мусульманъ въ пещеру ворвалась толпа такихъ людей; произошла драка, въ которой одинъ изъ напавшихъ былъ раненъ въ голову. Только черезъ три года послѣ начала тайной проповѣди, когда число послѣдователей этой проповѣди дошло до сорока человѣкъ, Магометъ рѣшился выступить публично.

Начало публичнаго учительства Магомета было очень неудачно. Онъ было хотѣлъ придать торжественный характеръ этому моменту и предупредить возможныя непріятности, велѣлъ послушному Али зарѣзать барана, приготовить молока и пригласить отъ своего имени

всѣхъ родственниковъ изъ рода Абдалъ Мутталиба, намѣреваясь послѣ угощенія объявить имъ тайну своей миссіи. Гостей собралось человѣкъ сорокъ. Между ними были Хамза, Аббасъ, Абу Талибъ, Абу Лахабъ и др. дяди Магомета. Хитрый Абу Лахабъ проникъ въ планы Магомета и тотчасъ послѣ обѣда, какъ тотъ хотѣлъ обратиться къ собранію съ рѣчью, онъ всталъ и дипломатично поблагодарилъ Магомета, сказавши гостямъ: «нашъ хозяинъ обворожилъ насъ своимъ угощеніемъ». Гости встали и ушли вслѣдъ за Абу Лахабомъ. Недовольный такимъ исходомъ своихъ хлопотъ Магометъ попросилъ Али устроить тоже на другой день и тутъ то поспѣшилъ обратиться къ собранію съ слѣдующими словами: «я не знаю между арабами ни одного человѣка, который-бы принесъ вамъ такія блага, какія я могу доставить вамъ. Я вамъ дамъ блага этой жизни и будущей. Всевышній Богъ повелѣлъ мнѣ призвать васъ къ Нему. И такъ кто хочетъ помочь мнѣ въ этомъ, стать моимъ братомъ, пособникомъ, единомышленникомъ?» Въ то время, какъ собраніе, озадаченное этой рѣчью, оставило ее безъ отвѣта, восторженный Али воскликнулъ: «я меж-

ду всѣми ими самый младшій по лѣтамъ и незначительный по виду человѣкъ и тѣмъ не менѣе я обѣщаюсь помогать тебѣ въ твоемъ дѣлѣ, пророкъ Божій!» Магометъ обнялъ юношу и сказалъ гостямъ»: вотъ мой братъ, мой повѣренный и уполномоченный: его слушайтесь и повинуйтесь»! Оскандализованное собраніе гостей тотчасъ встало и съ злостнымъ смѣхомъ разошлось по домамъ. Нѣкоторые замѣтили ядовито Абу-Талибу, что и ему де приказано слушаться и повиноваться своему сыну, такъ какъ Али былъ его сынъ [12]).

Слѣдствіемъ публичной проповѣди Магомета, въ которой онъ не воздержался отъ рѣзкаго обличенія арабовъ въ идолопоклонствѣ, былъ разрывъ и безъ того натянутыхъ отношеній между главными Корейшитскими фамиліями—Гашема и Абдъ-Шемса; а также разъединеніе въ родственной Магомету семьѣ Мутталебитовъ, потомковъ Гашема. Враждебные послѣднему роду Корейшиты въ числѣ человѣкъ десяти просили Абу-Талиба, какъ главу всѣхъ Хашемидовъ, запретить племяннику въ интересахъ общей вѣры и

[12]) Aboûlfeda, Vie de Mohammed, 15—16 стр.

культа вредное учительство. Черезъ нѣкоторое время послѣ благопріятнаго для нихъ отвѣта Абу Талиба тѣ же лица являются опять къ нему съ жалобой на Магомета; на этотъ разъ они выражаютъ ее гораздо рѣзче «Мы, говорятъ они Абу Талибу, уважаемъ твои лѣта, твою знатность и твое званіе. Но это уваженіе имѣетъ свои границы. Мы просили тебя заградить уста своему племяннику; ты этого не сдѣлалъ. Мы не будемъ вѣдь сносить оскорбленій, какія наноситъ онъ намъ, нашимъ отцамъ, старикамъ и богамъ нашимъ. Заставь его молчать или мы возьмемъ оружіе противъ него и противъ тебя самого; тогда рѣшится кому изъ насъ быть».

Послѣ такого рѣшительнаго заявленія Абу Талибъ попытался было уговорить Магомета оставить свои нововведенія и не навлекать бѣды на цѣлый родъ. «О дядя», воскликнулъ задѣтый за самое живое Магометъ, «если-бы противъ меня вооружили солнце по правую руку и луну по лѣвую, и предложили бы мнѣ на выборъ оставить свое призваніе или погибнуть, я предпочелъ бы послѣднее». Сказавши это, онъ прослезился и хотѣлъ было выйти. Но мягкое сердце дяди, по

раженное такою твердостью племянника, остановило его, успокоило и обѣщало поддержку противъ враговъ. [13]).

Между тѣмъ Корейшиты рѣшаются на послѣднюю попытку—убить Магомета. «Вотъ тебѣ Омара, сынъ Валида, сына Могейры, прекрасный молодой человѣкъ въ г. Меккѣ, возьми его, пусть онъ тебѣ будетъ сыномъ, а намъ въ замѣнъ отдай Магомета», сказали они Абу Талибу. Послѣдній, какъ благородный арабъ, пришелъ въ негодованіе отъ такого предложенія и съ презрѣніемъ отвѣчалъ: «какой торгъ вы мнѣ предлагаете? Вы хотите, чтобы я взялъ какого то вашего молодого человѣка и позволилъ вамъ убить племянника?—Нѣтъ, нѣтъ, никогда этому не бывать» [14]).

Наступившее время богомолья озаботило противниковъ Магомета вопросомъ, что сказать о немъ богомольцамъ? Дѣло причинило уже не мало шуму. Приходящіе богомольцы, конечно, будутъ спрашивать о личности, которая заявляетъ о

---

[13]) Abou'lfeda 16—17 стр. Perceval I т. 161—163 стр.

[14]) Perceval I т. 364 стр. по Siratertaçoul 39 л.

своемъ пророческомъ призваніи. Что отвѣчать имъ? Что-бы не возбудить въ арабахъ подозрѣнія своимъ разногласіемъ, Корейшиты пришли къ соглашенію называть Магомета не заклинателемъ, потому что языкъ его не заклинательный, не сумасшедшимъ, потому что такихъ признаковъ въ немъ нѣтъ, не поэтомъ, вдохновляемымъ демономъ, такъ какъ онъ выражается не въ стихахъ, а чародѣемъ, искусство котораго состоитъ во вкрадчивыхъ словахъ. Съ такимъ рѣшеніемъ нѣкоторые изъ Корейшитовъ выходили на встрѣчу пилигримамъ, предупреждали ихъ о Магометѣ, какъ опасномъ чародѣѣ и совѣтовали имъ избѣгать его. Въ такомъ видѣ репутація Магомета разнеслась по всей Аравіи.

Послѣ этого пилигримства Абу Талибъ объявилъ, что для защиты племянника дѣти родственниковъ его Хашема и Мутталіба готовы пожертвовать жизнію. Мединскій же поэтъ Абу Кайса уговорилъ жителей Мекки отнестись къ Магомету потерпимѣе. Тогда враги новой вѣры рѣшили оставить жизнь Магомета въ безопасности, но по возможности останавливать развитіе ереси ограниченіемъ правъ и стѣсненіями, какъ самого Магомета,

такъ и его послѣдователей. Съ этого времени (613) начинается для молодого общества мусульманъ рядъ преслѣдованій, которыя заставляютъ ихъ нѣсколько разъ выселяться изъ родины и самого Магомета вынуждаютъ бѣжать изъ родной ему Мекки.

## Преслѣдованія Магомета и обращеніе Хамзы.

Во время гоненія на первыхъ мусульманъ, больше всего, конечно, доставалось самому Магомету. Ему положительно нигдѣ не давали покою. Когда онъ располагался во дворѣ своего дома на молитву, или на полуденный отдыхъ, сосѣди его бросали въ него грязью и даже каменьями. Выходилъ онъ изъ дому, дорогу ему устилали колючилъ терновникомъ, къ дверямъ дома его бросали внутренности козла и подобныя гадости [15]) Являлся онъ въ Каабу и тутъ дѣлался жертвой всевозможныхъ оскорбленій. Однажды онъ совершалъ религіозный обходъ вокругъ языческаго святилища въ

[15]) Muir 2 т. 166 стр., Perceval I т. 370 по Sirat erraçoul

то время, какъ въ одной части его собралось много Корейшитовъ; всякій разъ, какъ проходилъ мимо ихъ Магометъ, они осыпали его колкими насмѣшками. «Я для васъ-жертва насмѣшекъ», замѣтилъ онъ толпѣ. «Иди, мы знаемъ, какъ цѣнить тебя» отвѣчали они ему. Но на другой день въ томъ же мѣстѣ тѣже лица упрекали себя за то, что потакаютъ твердости Магомета. Онъ явился. «А! ты говоришь, что наши отцы заблуждались, что наша вѣра ложная, что наши боги слабы?.. приступили къ нему Корейшиты. «Да, я говорю это», отвѣчалъ Магометъ. Тѣ осыпали его руганью, нѣкоторые подняли на него руки, а одинъ Окба сильно сдавилъ ему горло Къ счастію Магомета въ этотъ моментъ подбѣжалъ къ нему Абу Бекръ и цѣной оскорбленій, а также клочка волосъ бороды своей спасъ его [16]). Чѣмъ дальше шло время, чѣмъ больше онъ развивалъ главную идею новой вѣры, тѣмъ ему становилось хуже. На улицахъ ему не давали проходу. Отъ всѣхъ слышалъ онъ только насмѣшки, вездѣ встрѣчалъ толь-

---

[16]) Perceval I т. 371 стр. по Aghani 1, 5, и Siratter. 43 л.

ко проклятія. Даже мальчики и черный народъ Мекки сопровождали его ругательствомъ. Однажды, проведши день внѣ дома въ размышленіяхъ о дальнѣйшей судьбѣ своей вѣры, онъ возвращался домой вечеромъ,—и что-же? Онъ не встрѣтилъ ни одного мужчины и ни одной женщины, ни одного хозяина и ни одного раба, которые бы не обозвали его лжецомъ и и не отвергли съ презрѣніемъ его увѣщаній. Прискорбно стало Магомету. Онъ пришелъ домой, какъ въ лихорадкѣ, завернулся въ одежду съ головой и бросился на постель свою [17]). Изъ корана видно, что Магомета клеймили разными прозваніями, обзывали и поэгомъ, и обманщикомъ, и гадателемъ, чародѣемъ, изступленнымъ, очарованнымъ, бѣсную-щимся. Откровенности проповѣди его не признавалъ никто; это, говорили Мекканцы, одно пустословіе, путаница сновидѣній, сонный бредъ, очевидное чародѣйство, нелѣпая выдумка, давняя нелѣпость, сказки о прежнихъ людяхъ. Одни

---

[17]) Говорятъ, въ этотъ моментъ явился утѣшить его ангелъ и сказалъ: „О, закутавшійся въ одежду, встань и поучай“.. Кор. 74 гл.

обличали Магомета въ томъ, что онъ заимствуетъ эти сказки у христіанъ, чрезъ одного христіанина, занимавшагося въ Меккѣ издѣліемъ металлическихъ вещей; другіе приводили какіе нибудь легендарные разсказы, превосходившіе въ какомъ нибудь отношеніи рѣчи его и тѣмъ самымъ дискредитировали послѣднія. Не мало безпокоили Магомета и требованіемъ чудесъ въ подтвержденіе его посланничества; просили, напр чтобы онъ извелъ изъ земли источникъ воды, вызвалъ съ неба ангела, произвелъ садъ изъ пальмъ и виноградныхъ лозъ, спустилъ съ неба какой нибудь отломокъ, превратилъ холмъ Сафа въ золото, уравнялъ вокругъ Мекки горы и сдѣлалъ бы ихъ удобными для воздѣланія полей, воскресилъ бы изъ мертвыхъ знаменитаго предка корейшевъ Коссая, чтобы вѣтромъ переносилъ изъ Мекки караваны въ Сирію и обратно, чтобы упросилъ Бога Самого говорить съ корейшами [18]) и т. п. Въ тоже время Магомета донимали разными вопросами, которые и сами Корейшиты выдумывали, и отъ Евреевъ перенимали; спрашивали,

---

[18]) Коранъ, Асбабуль Нузуль на 2 гл. 102 и 112 ст.; 17 гл. 61 ст.

напримѣръ, его, откуда является духъ въ человѣкѣ, каковъ ангелъ грома и каковъ г лосъ его, какъ во чревѣ матери ребенокъ дѣлается мужскаго и какъ женскаго пола, когда онъ походитъ на отца и когда на мать и т. п. [19]). Впрочемъ, не всегда Корейшиты встрѣчали Магомета враждебно, съ насмѣшками и ругательствомъ. Иногда они старались склонить его въ пользу старой вѣры и кроткими предложеніями. Однажды Магометъ сидѣлъ въ притворѣ Каабы, не далеко отъ кружка враждебныхъ къ нему Корейшитовъ. Одинъ изъ нихъ Отба, младшій сынъ котораго принялъ вѣру Магомета, подошелъ къ нему, сѣлъ съ нимъ рядомъ и началъ говорить отъ лица всѣхъ другихъ: «сынъ друга моего! ты человѣкъ, надѣленный отъ природы прекрасными качествами; ты отличенъ и по знатности своего происхожденія. Но ты производишь переворотъ въ нашемъ отечествѣ, причиняешь раздѣленіе въ семействахъ, порицаешь нашихъ боговъ, обвиняешь въ нечестіи и заблужденіи нашихъ предковъ, нашихъ мудрецовъ.. Мы хотимъ принять нѣкоторыя предосто-

---

[19]) Асбабуль Нузуль на 2 гл. 91 ст.

рожности относительно тебя. Выслушай вотъ предложенія, какія я тебѣ сдѣлаю, подумай: не согласишься ли ты принять какое нибудь!—«Говори, сказалъ Магометъ, я тебя слушаю». «Сынъ друга моего, продолжалъ Отба, если цѣль твоего поведенія состоитъ въ томъ, чтобы добиться богатства, то мы снабдимъ тебя всѣмъ необходимымъ для того, чтобы обезпечить счастье твое лучше всякаго изъ Корейшитовъ. Если ты домогаешься почестей, мы сдѣлаемъ тебя нашимъ главнымъ начальникомъ и не предпримемъ никакого рѣшенія безъ твоего соизволенія. Если духъ, который тебѣ является, такъ овладѣлъ тобой, что ты уже не въ силахъ отдѣлаться отъ вліянія его, такъ мы найдемъ самыхъ искусныхъ лѣкарей и не пожалѣемъ золота, чтобы они излечили тебя. Но Магометъ отвѣтилъ Отбѣ стихами корана (41 гл.), что онъ посланъ Богомъ проповѣдывать о Немъ истину.

Нѣсколько времени спустя—тѣже меккансвіе вельможи повторили ему предложенія Отбы. Но Магометъ имъ отвѣтилъ, что онъ останется твердымъ въ своемъ образѣ поведенія: «Я не жаденъ до бо-

гатства, не ищу почестей и не одержанъ злымъ духомъ». [20]).

Твердость Магомета въ своемъ убѣжденіи лишь больше раздражила враговъ его. Они поклялись не уступать хашемитамъ, не признавать Магомета, не позволять ему и его послѣдователямъ читать и даже слушать коранъ. Людей, заподозрѣнныхъ въ расположеніи къ Магомету, они заставляли такъ или иначе публично выразить къ нему презрѣніе. Послѣ ихъ соглашенія уходить изъ Каабы, какъ только туда придетъ Магометъ, Окба, сынъ Абу Муйата, однажды заслушался было его чтенія. Одинъ изъ друзей Окбы, Обей, сынъ Халяфа, поклялся прервать съ нимъ за это всякія связи, если онъ не очиститъ себя отъ измѣны оскорбленіемъ Магомету, если не плюнетъ ему въ лице. Окба обѣщалъ сдѣлать по реценту Обея и исполнилъ свое обѣщаніе; только плевокъ его попалъ не въ самое лице Магомета [21]).

Иногда даже нѣкоторые изъ враговъ Магомета возмущались обидами, какія ему

---

[20]) Perceval I т. 374—377 стр. по Siraterr.. 44 листъ.

[21]) Тамъ же I т. 384 стр. по Siraterr.. 56 л.

приходилось переносить. Хамза, напр., сдѣлался другомъ его по слѣдующему случаю. Разъ Абу Джаль, встрѣтивши Магомета на холмѣ Сафа, обругалъ его самыми скверными словами; потомъ пришелъ къ Каабѣ. Тѣмъ временемъ Хамза возвращался съ охоты. По обыкновенію онъ совершилъ семикратный обходъ вокругъ Каабы и привѣтствовалъ сидѣвшихъ при входѣ въ нее корейшитовъ; одна женщина пересказала ему въ этотъ моментъ все, что наговорилъ Абу Джаль Магомету. Съ гнѣвомъ поспѣшилъ Хамза къ Каабѣ и направился прямо къ Абу Джалю, который разсказывалъ что то корейшитамъ. «Ты обезчестилъ Магомета»? говоритъ ему Хамза. «Такъ знай, что и я стою въ его вѣрѣ! Ну, дѣлай и мнѣ тоже»! Въ порывѣ гнѣва онъ даже бросился на Абу Джаля съ кулакомъ и нанесъ ему ударъ въ голову. Корейшиты хотѣли было мстить Хамзѣ за своего родственника, но послѣдній сознался предъ ними: «не трогайте его, сказалъ онъ своимъ защитникамъ, я дѣйствительно жестоко обошелся съ его племянникомъ».

## Гоненіе на первыхъ мусульманъ и обращеніе Омара.

Твердость Магомета въ проповѣданіи своихъ убѣжденій вызывала несправедливости со стороны Корейшитовъ; а насилія Корейшитовъ озлобляли мусульманъ и доводили ихъ до намѣреннаго озлобленія Корейшитовъ. Примиренія между этими партіями быть не могло. Но очевидно перевѣсъ силы былъ всецѣло на сторонѣ многочисленныхъ и богатыхъ Корейшитовъ Они обязали всякое семейство, въ интересахъ собственной репутаціи, подвергать наказаніямъ тѣхъ изъ своихъ членовъ, которые были расположены къ исламу, а тѣмъ болѣе приняли его. Только Магометъ самъ, благодаря покровительству Абу Талиба и другихъ родственниковъ, Абу Бекръ и еще немного лицъ, отличавшихся своею знатностью и связями съ знатью, были свободны отъ личныхъ насилій. Другіе же бросались въ заключеніе и подвергались ударамъ плетьми и палкой. Особенно много доставалось рабамъ. Ихъ выводили въ полдневную жару на раскаленный песокъ и здѣсь доведеннымъ до послѣдней степени изнеможенія отъ зноя, голода и жажды имъ

предлагали поч тать идоловъ. Многіе, разумѣется, отрекались отъ ислама и поклонялись идолу, а нѣкоторые показывали примѣръ удивительной твердости въ новой вѣрѣ. Таковъ, напримѣръ, былъ Беляль сынъ, Ріяха. Его хозяинъ Омейя, сынъ Халяфа, каждый день отводилъ его на равнину (Бафу) въ самые жаркіе часы. Тамъ этотъ хозяинъ клалъ своего раба обнаженною спиною къ раскаленному песку, а лицемъ къ солнцу; на грудь наваливалъ ему груду камней и говорилъ: «въ такомъ положеніи ты останешься до тѣхъ поръ, пока не умрешь, или пока не прославишь богинь Оззы и Латы. Беляль всетаки оставался твердымъ и повторялъ символъ ислама. Неизвѣстно, что съ нимъ случилось бы, если-бы Абу-Бекръ не вымѣнялъ его за своего раба идолопоклонника. Другой примѣръ твердости первыхъ мусульманъ представляютъ отецъ и мать Аммара, не выдержавшаго мученій и отрекшагося отъ Магомета. Оба они умерли за исламъ. Мать Аммара Соммія была привязана за ноги къ двумъ верблюдамъ и поражена копьемъ въ тайное мѣсто. [22]). Самъ Ма-

---

[22]) Perceval 1 т 386—388 стр. Muir 2 т.

гометъ бывалъ свидѣтелемъ такихъ сценъ и, говорятъ, поддерживалъ духъ своихъ послѣдователей обѣщаніемъ райскихъ утѣхъ. Абу-Бекръ, какъ человѣкъ болѣе нѣжной души, не могъ смотрѣть спокойно на мученія братьевъ по вѣрѣ. Онъ принимался уговаривать господъ истязателей и, говорятъ, выкупилъ на свои деньги одного раба и пять рабынь, давши имъ свободу.

Такое положеніе подвергало большимъ сомнѣніямъ все будущее ислама. Положимъ, въ теченіи шести лѣтъ у Магомета явилось послѣдователей до 100 человѣкъ. Но что это за цифра? Да постоянныя семейныя драмы и общественное настроеніе противъ мусульманъ могли и ихъ совратить къ старому. Чувство самосохраненія принадлежитъ, сколько отдѣльному человѣку, столько-же и обществу людей Молодые мусульмане стали искать убѣжища на чужбинѣ. Магометъ указалъ имъ на христіанскую Абиссинію. «Это, говорилъ онъ, страна чистая отъ идолопоклонства; царь ея благочестивъ, добръ и справедливъ, обиды не сдѣлаетъ

---

129—130 стр. по Siraterr.. 48 л. Katibal Wackidi 224 стр, Hishami 89 стр.

онъ никому изъ васъ; тамъ вы будете счастливѣе, чѣмъ въ отечествѣ». Сначала туда переправились 12 мужчинъ и 4 женщины, въ числѣ которыхъ находился зять Магомета съ дочерью его Рокайей. Вслѣдъ за этими первыми переселенцами (615 г.) потянулись, одинъ за другимъ вторые, такъ что всѣхъ друзей Магомета, бѣжавшихъ въ Абиссинію, арабскіе историки насчитываютъ 83 мужчины и 18 женщинъ.

Въ эти первые три года публичной проповѣди Магомета (613—616 г.) успѣли уже обозначиться главные враги его, именно: Абу Софіанъ, Абу Джаль, Абу Лахабъ, сатирики Амръ бинъ Аасъ, Валидъ бинъ Могейра, Ахнасъ бинъ Шорейка и др. Каждый изъ нихъ старался чѣмъ нибудь насолить пророку, а нѣкоторые пытались и сразу покончить съ нимъ. Покушеній на жизнь его въ это время, говорятъ, было нѣсколько. Изъ нихъ особенно замѣчательно одно, какъ по своимъ послѣдствіямъ въ дальнѣйшей судьбѣ новой вѣры, такъ и по личности, которая на него отважилась. Это былъ племянникъ Абу Джаля, оскорбленнаго Хамзой, Омаръ, человѣкъ 26 лѣтъ отъ роду, гигантскаго роста, страшной силы

и неодолимой храбрости. Его свирѣпый видъ устрашалъ смѣльчаковъ, а простая палка въ его рукахъ внушала больше ужаса, чѣмъ мечъ въ рукахъ иного человѣка. Мекканцы боялись этого вспыльчиваго и неустрашимаго согражданина. Вотъ онъ то, подстрекаемый дядею, вознамѣрился проникнуть въ убѣжище Магомета и вонзить кинжалъ въ его сердце. На дорогѣ ему сказали, что родная его сестра съ мужемъ тоже состоитъ въ ереси и что ему слѣдовало бы съ нихъ начать. Быстро побѣжалъ тогда Омаръ въ домъ зятя, повергъ его на землю, наступилъ ему ногой на грудь и окровавилъ лице своей сестры, читавшей предъ этимъ лоскутокъ Корана. Но какъ львы иногда скорѣе другихъ поддаются обману, такъ и люди рѣшительные иногда легче побѣждаются твердостью другихъ. «Врагъ Аллаховъ, закричала на Омара сестра, не за то ли ты такъ ударилъ меня, что я вѣрую въ единаго истиннаго Бога? Не смотря на тебя и на твою жестокость, я устою въ истинной вѣрѣ Да, нѣтъ Бога, кромѣ Бога, и Магометъ Его пророкъ! а теперь, Омаръ, доканчивай свое дѣло»! Слова женщины смутили храбреца. Онъ началъ извиняться, просить читанный

сестрою клочекъ Корана, пошелъ къ Магомету и сдѣлался мусульманиномъ. [23]).

Обращеніе Омара относится къ 6 году отъ начала проповѣди Магомета Оно имѣло чрезвычайно важное значеніе въ дѣлѣ развитія ислама. Не даромъ нѣкоторые ученые отводятъ Омару почти такое же мѣсто въ происхожденіи мусульманской религіи, какъ и самому Магомету. Для насъ пока важны ближайшія послѣдствія неожиданнаго обращенія Омара. Оно сразу принесло облегченіе пророку. До этого времени исповѣдники новой вѣры скрывались при отправленіи своихъ религіозныхъ обрядовъ и не имѣли достаточной смѣлости открыто заявлять о своемъ оставленіи обветшалаго культа. Омаръ даетъ имъ примѣръ смѣлаго публичнаго вѣроисповѣданія. Какъ ни было ненавистно корейшитамъ это ободреніе поклонниковъ самозваннаго пророка, они опасались принять какія либо мѣры противъ Омара, всегда готоваго обнажить саблю для защиты принятой имъ вѣры. Они скоро даже примирились съ Магометомъ, хотя не надолго.

---

[23]] Ирвингъ, 69—71 стр. Muir 2 т. 168—172 стр. Perceval 1 т 396—400 стр.

## Скандальная уступка Магомета многобожникамъ.

Почти одновременно съ обращеніемъ Омара съ Магометомъ случилась одна очень скандальная исторія Онъ призналъ трехъ языческихъ богинь дѣйствительными и божественными существами. Образованные мусульмане старательно умалчиваютъ объ этой исторіи, потому что она разрушительна для репутаціи ихъ пророка. Тѣмъ не менѣе она фактъ и заслуживаетъ особеннаго вниманія. Дѣло происходило такимъ образомъ

Въ одинъ день возлѣ Каабы собрались начальники Мекки поразсуждать о городскихъ дѣлахъ. Явился Магометъ. Рѣчь шла, какъ разъ, о немъ. Старѣйшины предложили ему руку примиренія со стороны всѣхъ его опасныхъ враговъ и обѣщали полную благосклонность въ отношеніи къ нему и его послѣдователямъ. Но за это они просили его признать только наиболѣе почитаемыхъ въ народѣ божествъ: Оззу, Лату и Манату достойными поклоненія. Магомету показалось выгоднымъ предложеніе корейшитовъ. «Я подожду откровенія объ этомъ» сказалъ онъ. Рѣшеніе его сво-

дилось къ такой дилеммѣ: или пожертвовать чистотою своихъ убѣжденій и выиграть внѣшнее благополучіе, или остаться вѣрнымъ себѣ и потерять все, до сихъ поръ пріобрѣтенное. Между тѣмъ положеніе его было самое критическое. Его послѣдователи съ нѣкоторыми изъ его же семейныхъ людей находились въ изгнаніи. Къ нему самому ненависть доходила, какъ показываетъ исторія обращенія Омара, до покушеній на жизнь его. Въ такомъ положеніи съ самой желѣзной волей человѣкъ задумается надъ собой. Не мудрено поэтому, что душевное состояніе его побуждало найти какую нибудь точку соприкосновенія въ своихъ убѣжденіяхъ съ требованіемъ меккапской знати и вотъ въ чемъ онъ ее нашелъ.

Въ торжественномъ собраніи корейшитовъ онъ началъ читать 53 главу Корана, начинавшуюся описаніемъ перваго явленія ему ангела Гавріила, и между прочимъ, провозгласилъ такія слова:

Размышляли-ли вы объ Аллатѣ, Уззѣ и Манатѣ, третьей особѣ? — Это суть существа женска-

го пола; по истинѣ, на ихъ ходатайство можно надѣяться [24]).

Позорный актъ компромисса удался, повидимому. Корейшиты, уваженные Магометомъ, на просьбу его почтить и его Бога, простерлись на землю; а Валидъ бинъ Могейра, не будучи въ состояніи вслѣдствіе преклоннаго возраста своего сдѣлать земной поклонъ, взялъ горсть земли и приложилъ ее ко лбу. «Теперь мы знаемъ, говорили пророку, что твой Господь даетъ жизнь и намъ и всему остальному, все творитъ и все поддерживаетъ. А это—наши богини, онѣ ходатаицы предъ Богомъ за насъ и, такъ какъ ты призналъ ихъ, мы согласны уважать тебя». Магометъ ободрился. Онъ уже послалъ въ Абиссинію извѣстіе объ обращеніи въ исламъ всѣхъ знатныхъ людей города и о возможности выселенцамъ возвратиться на родину. Но торжество его было непродолжительно. Мекканцы продолжали молиться идоламъ. Нѣкоторые изъ увѣровавшихъ въ него стали упрекать его за уступку много-

---

[24]) Арабскій текстъ этихъ словъ можно читать у Мюира 2 т. 149—158 стр. по Tabari 140 - 142 стр. и Katîb al Wackidi 39 стр.

божію. Ханифъ Варока послѣ этой уступки совсѣмъ отрекся отъ пророка. Скоро и самого его стало безпокоить раздумье, хорошо-ли онъ сдѣлалъ. Мученіе совѣсти его выразилось въ видѣніи ангела, предъ которымъ онъ сознался, что прочиталъ о Богѣ то, чего Онъ не открывалъ. Послѣ этого, говорятъ, Богъ сжалился надъ пророкомъ, возстановилъ въ немъ присутствіе духа и велѣлъ замѣнить прочитанныя слова такимъ чтеніемъ:

«Размышляли-ли вы объ Аллатѣ, Уззѣ и Манатѣ, третьей особѣ? Ужели у васъ дѣти мужескаго пола, а у Него дѣти женскаго пола? Это право невѣрный раздѣлъ! Онѣ только одни имена, какими наименовали ихъ вы и отцы ваши (Коранъ 53 гл. 19—23 ст.).

За то Корейшиты стали ещё съ большею жестокостью преслѣдовать и Магомета и его послѣдователей. Хотя пророкъ постарался скрыть слѣды свой уступки язычеству въ Коранѣ, но фактъ ея остается позорнымъ клеймомъ на его памяти и ставитъ въ большое затрудненіе мусульманскихъ толковниковъ. Боль-

шинство ихъ отрицаетъ дѣйствительность этого факта, какъ непримиримаго съ званіемъ пророка. Но онъ разсказывается такими авторитетами, которыми, можно сказать, держится самый исламъ, какъ напр, Табари, Ибнъ Саадъ, Багави, Вакиди, Ибнъ Исхакъ, Бейзовій, Яхія и Джаляледдинъ [25]) Подвергнуть скептицизму такихъ историковъ и толковниковъ Корана для мусульманина значитъ усумниться въ самомъ исламѣ. Поэтому другіе, не отвергая дѣйствительности этой исторіи, говорятъ, что нужно—де слѣдовать тѣмъ людямъ, по объясненію которыхъ сатана возбудилъ въ Магометѣ только желаніе прочитать постыдный стихъ, но что самаго чтенія не было. Но объясненіе это опровергается тѣмъ, что компромиссъ Магомета сопровождался перемиріемъ, вызовомъ изъ Абиссиніи переселенцевъ. возвращеніемъ нѣкоторыхъ изъ нихъ и отпаденіемъ нѣкоторыхъ отъ пророка Третьи придумываютъ еще болѣе любопытную комбинацію. Когда Магомету захотѣлось примириться съ корейшитами, говорятъ они, сатана

---

[25]) Muir, 1 т 73 стр. 2 т. 149—158 стр., Асбабуль Нузуль, Sprenger 2 т. 21 стр.

и произнесъ слова: «эти богини ходатаицы предъ Богомъ»., но произнесъ такъ, что ихъ слышали только корейшиты, а пророкъ узналъ о нихъ отъ ангела уже послѣ Но при такомъ объясненіи не понятно, въ чемъ-же Магометъ раскаявался предъ ангеломъ. Потомъ эта апологія Магомета дѣлаетъ его игрушкой то ангела, то сатаны и потому не достигаетъ своей цѣли. Самъ Магометъ можетъ быть противъ своей воли, оставилъ въ Коранѣ много стиховъ, важныхъ для насъ, какъ показателей его душевной борьбы и глубокаго раскаянія. Прежде всего онъ не разъ вспоминалъ о своей бесѣдѣ съ корейшитами и о впечатлѣніяхъ отъ этой бесѣды, напр.

«Когда напоминается, что Богъ есть единъ; тогда сердца невѣрующихъ въ будущую жизнь содрагаются; а когда упоминаются тѣ, которые не Онъ: вотъ они тогда радуются (Коранъ 39 гл. 46 ст). Едва они льстиво не отклонили тебя отъ того, что дали Мы въ откровеніи тебѣ, къ тому, чтобы ты выдумалъ что нибудь другое противъ Насъ. Тогда они непремѣнно считали бы

тебя своимъ другомъ. И если-бы Мы не укрѣпили тебя, то немного-бы еще и ты склонился бы на ихъ сторону. Тогда Мы подвергли бы тебя казни сугубой» (Коранъ 17 гл. 75—77 ст.).

Потомъ подъ впечатлѣніемъ собственнаго искушенія Магометъ подумалъ, что отъ него не освобождается ни одинъ пророкъ Всѣ они поддавались по его убѣжденію сатанинскимъ внушеніямъ. Въ Коранѣ мы читаемъ объ этомъ:

Прежде тебя, какого посланника и какого пророка ни посылали Мы, въ каждомъ изъ нихъ, когда онъ читалъ Писаніе, сатана возбуждалъ мечты; но Богъ устранялъ то, что возбуждалъ сатана (Коранъ 22 гл. 51 ст.).

Одинъ мусульманскій богословъ говоритъ, что приведенный стихъ Богъ послалъ Магомету для успокоенія, потому что онъ и послѣ своего раскаянія въ признаніи богинь не переставалъ печалиться. Вмѣстѣ съ этимъ успокоеніемъ пророкъ получилъ однако и вразумленіе. Ему не одинъ разъ повторялось, чтобы онъ былъ въ другой разъ поосторожнѣе. Напр.

Вмѣстѣ съ Богомъ не призывай никакого другаго Бога: только Онъ одинъ есть Богъ (Коранъ 28 г. 87—88 ст.).

Какъ скоро навождается тебѣ сатаною какое либо навожденіе, ищи у Бога убѣжища (Коранъ 41 гл. 36 ст.).

Когда станешь читать Коранъ, то у Бога попроси защиты отъ сатаны, прогоняемаго камнями (Кор 16 гл 100 ст; 6 гл. 67, 116 ст. и мн. др.).

И Магометъ дѣйствительно часто молился о томъ, чтобы Богъ защитилъ его отъ нечистой силы. «Господи! повторялъ онъ, у

Тебя ищу убѣжища отъ сатанинскихъ навожденій. У Тебя, Господи, ищу убѣжища, чтобы они не вредили мнѣ. (Коранъ 23 гл. 99—100 ст.).

Значитъ, сатанинскія навожденія дѣйствительно когда нибудь повредили Магомету при чтеніи Корана и, слѣдовательно, упоминаемый нѣкоторыми и тщательно скрываемый большинствомъ мусульманскихъ ученыхъ фактъ признанія

имъ богинь дѣйствителенъ и конфузенъ для пророка.

## Стѣсненіе родственниковъ Магомета, смерть его жены, дяди и бѣгство въ Таифъ.

Послѣ короткаго перемирія Мекканцевъ съ Магометомъ борьба противъ него приняла строго-гражданскій характеръ. Корейшиты поклялись между собою не вступать съ единомышленниками Магомета въ брачные и вообще родственныя связи, ничего имъ не продавать и у нихъ не покупать, словомъ, порвать съ ними всякія отношенія. Договоръ былъ положенъ въ Каабу, какъ жертва предъ Богами. Пораженные такой анафемой хашемиты и мутталибиты, какъ мусульмане, такъ и остававшіеся въ старой вѣрѣ, разсудили лучше оставить свои дома, разсѣянные по разнымъ концамъ города, и сконцетрироваться въ одномъ пунктѣ Они собрались въ кварталѣ Абу Талиба, ограниченномъ горнымъ ущельемъ и скалою. Ворота, соединявшія этотъ кварталъ съ остальнымъ міромъ, были такъ узки, что верблюдъ едва могъ проходить въ нихъ. Корейшиты

отрѣзали заключенныхъ отъ общенія съ посторонними людьми. Только въ періодъ богомолья обитатели квартала Абу Талиба могли запасать себѣ съѣстные пр - пасы и другія необходимости Въ остальное время корейшиты и сами съ ними ничѣмъ не обмѣнивались и проходящимъ купцамъ не позволяли ничѣмъ снабжать ихъ Своихъ караваповъ Абу Талибиты не имѣли. Нѣтъ, поэтому, ничего удивительнаго въ томъ, что они страдали по временамъ отъ голода. Крики голодныхъ дѣтей зачастую раздавались изъ этого квартала и пробуждали даже во врагахъ чувство сожалѣнія къ нимъ. Нѣкоторые изъ умѣренныхъ враговъ хашемитовъ воровски привозили ночью припасы къ этому замку Напримѣръ, одинъ знатный корейшитъ по имени Хишамъ с. Амръ время отъ времени навьючивалъ верблюда хлѣбомъ, подводилъ его къ узкимъ воротамъ квартала и удалялся, такъ что долго не знали отъ какого благодѣтеля получали хлѣбъ заключенные [26]).

Къ довершенію несчастія мусульманъ

---

[26]) Perceval I т 402 стр Muir 2 т 176 179 стр

въ этотъ тяжелый для нихъ періодъ возвратились изъ Абиссиніи нѣкоторые ихъ братья. Разсказываютъ, что послѣдніе съ твердостью раздѣляли печаль своихъ единовѣрцевъ. Въ такомъ положеніи мусульмане прожили въ кварталѣ Абу Талиба около трехъ лѣтъ (516—619 г.). Тѣмъ временемъ у многихъ корейшевъ явилось сожалѣніе и сочувствіе къ нимъ, въ справедливости этого заключенія многіе стали сомнѣваться. Наконецъ, Абу Талибъ явился предъ собраніемъ Корейшитовъ и высказалъ имъ несправедливость опалы, которой подвергли его родъ и, будто бы, въ подтвержденіе своихъ словъ сослался на тотъ фактъ, что пергаментъ съ договоромъ объ нихъ съѣденъ мышами. Пергаментъ дѣйствительно въ Каабѣ не уцѣлѣлъ. Народъ и корейшиты согласились съ Абу Талибомъ и мусульмане и Магометъ получили свободу

Въ этомъ освобожденномъ положеніи Магомета постигли новыя несчастія. У него умерла вѣрная его жена Хадиджа Разставаться съ ней для Магомета было очень тяжело. Въ лицѣ Хадиджи онъ лишался лучшаго совѣтника и вѣрнѣйшей опоры. Она первая повѣрила его видѣ-

ніямъ, все время поддерживала въ немъ самомъ увѣренность и, повидимому, чѣмъ болѣе другіе отталкивали отъ себя мнимаго пророка, тѣмъ сильнѣе она къ нему привязывалась, какъ къ пророку истинному. Двадцать пять лѣтъ онъ прожилъ съ ней безъ нужды матеріальной. Теперь, оставшись съ незамужней еще дочерью Фатимой, онъ почувствовалъ недостатокъ и съ этой стороны. Не прошло и двухъ мѣсяцевъ послѣ этой бѣды, Магометъ переноситъ новое испытаніе: умираетъ главный его покровитель, благородный и безкорыстный Абу Талибъ. Искра земной гордости не погасла еще въ груди умиравшаго патріарха. «О, сынъ брата моего, отвѣчалъ онъ на увѣщаніе Магомета произнесть символъ ислама, повтори я эти слова, корейшиты **сказали**-бы, что я поступилъ такъ изъ **страха** предъ смертію» [27]).

Скоро Магометъ почувствовалъ какую потерю понесъ онъ со смертію жены и дяди. Послѣ Абу Талиба некому было удерживать злобу Абу Софіана и Абу Джаля. На первыхъ порахъ Маго-

---

[27]) Ирвингъ 80—81 стр. Muir 2 т. 193—194 стр

мету оказалъ было покровительство Абу Лахабъ, совершенно добровольно смягчившій его печаль, но корейшиты перетянули Абу Лахаба опять на свою сторону. Для Магомета и его послѣдователей начались новыя притѣсненія, отъ которыхъ нѣсколько десятковъ мусульманъ снова отправляется въ Абиссинію, а самъ Магометъ ищетъ убѣжища въ Таифѣ, небольшомъ городкѣ, въ семидесяти миляхъ отъ Мекки (619 г.) Окруженный садами и виноградниками, городокъ этотъ принадлежалъ къ числу восхитительныхъ мѣстностей Аравіи. Здѣсь росли персики и сливы, дыни и гранатовыя яблоки, голубовато-зеленыя фиговыя деревья и пальмы съ своими зелено-золотистыми плодами. Его богатые луга и плодородные поля составляли такой контрастъ съ безплодіемъ окрестныхъ пустынь, что у арабовъ сложилось преданіе, будто мѣстность эта первоначально составляла часть Сиріи, оторванную и занесенную сюда во время потопа [28])

Но всѣми этими дарами природы какъ будто за то и былъ надѣленъ городъ Таифъ, чтобы воспламенить въ сердцѣ

---

[28]) Ирвингъ 83 и 84 стр.

Магомета желаніе остаться въ немъ и потомъ сильнѣе огорчить разочарованіе его, когда его выгнали отсюда Онъ представился собранію начальниковъ Таифскаго племени Бани Сякифъ, изложилъ предъ ними догматы своей вѣры, назвалъ себя посланникомъ Бога и обратился къ ихъ національной гордости съ просьбою защитить его отъ несправедливыхъ преслѣдованій Корейшитами. Несоотвѣтствіе жалкой безпомощности Магомета и его широкихъ претензій внушило таифскимъ вельможамъ только презрѣніе къ нему. «Или Богъ не нашелъ другаго человѣка, чтобы послать его намъ?» спросилъ его одинъ изъ нихъ «Я не хочу съ тобой и разговаривать» прибавилъ другой «Если бы ты былъ дѣйствительно посланникъ, то я не осмѣлился бы и говорить съ тобой: ты былъ-бы великимъ человѣкомъ; а если ты обманщикъ, то не заслуживаешь и того, чтобы говорили съ тобой», отвѣтили Магомету третьи. Даже дядя его Аль Аббасъ, на покровительство котораго онъ вполнѣ разсчитывалъ, не поддержалъ его. Около мѣсяца прожилъ Магометъ въ Таифѣ, тщетно стараясь пріобрѣсти прозелитовъ между его жителями. Когда онъ

пытался проповѣдывать, голосъ его заглушали криками. Наконецъ, народная ярость дошла до того, что его выгнали изъ города и, когда онъ бѣжалъ, уже внѣ стѣнъ города, рабы и мальчишки бросали въ него камнями. Кровь текла изъ ранъ обѣихъ его ногъ, но ему не давали возможности перевязать ихъ. Пріемышъ Зейдъ, сопровождавшій его въ этомъ злополучномъ путешествіи, даже былъ раненъ въ голову. Общее впечатлѣніе Магомета было крайне тяжело, какъ можно судить по той молитвѣ, въ которой оно вылилось. «Господи, взывалъ онъ, я возношу тебѣ моленіе о слабости силъ моихъ, о бѣдности средствъ и незначительности моей предъ родомъ человѣческимъ. О, Ты, премилосердый! Ты Господь слабыхъ, Ты Господь мой. Въ рукахъ кого Ты оставилъ меня? Въ рукахъ чужеземцевъ, чтобы обезпокоить душу мою? или въ рукахъ враговъ, которымъ Ты далъ господствовать надо мной? Если бы не было на мнѣ гнѣва Твоего, я не скорбѣлъ-бы. Окажи мнѣ Твое благословеніе! я ищу убѣжище во свѣтѣ милости Твоей, которою разсѣвается темнота и утверждается миръ въ семъ вѣкѣ и будущемъ. Да не будетъ на мнѣ

гнѣва Твоего, ни негодованія. Ты выражаешь гнѣвъ Твой, пока угодно Тебѣ; сила и помощь только въ Тебѣ». Внутренняя скорбь Магомета нашла себѣ еще другой выходъ—въ видѣніи геніевъ, показавшихся ему, когда онъ былъ въ долинѣ Наклахъ. Памятникомъ этого состоянія его остается 72 сура, въ которой мнимый посланникъ утѣшается тѣмъ, что геніи въ него увѣровали [29]).

Такъ позорно изгнанный изъ мѣста, гдѣ онъ надѣялся найти себѣ пріютъ, Магометъ не смѣлъ вернуться въ родной свой городъ, а остался въ пустынѣ, на той самой горѣ Хира, гдѣ часто онъ проводилъ ночи годовъ 10 тому назадъ. Наконецъ, нашелся одинъ человѣкъ, который согласился принять Магомета въ свой домъ, привелъ его съ собой въ Каабу, предварительно вооруживши своихъ людей, и заявилъ Корейшитамъ, что онъ поклялся оказать Магомету свое покровительство. Это былъ Мутимъ, содѣйствовавшій прежде освобожденію мусульманъ изъ заключенія въ кварталѣ Абу Талиба. Подъ защитой Мутима Ма-

[29]) Muir 2 т. 202—203 стр. Perceval 1 т. 406—407 стр.

гометъ доживаетъ послѣдніе дни своего тернистаго пребыванія на родинѣ Положеніе его въ это время было крайне затрудительно. Средства его были въ самомъ жалкомъ положеніи; что принадлежало женѣ Хадиджѣ, давно было поистрачено во время опалы въ замкѣ Абу Талиба. Къ тому же въ Меккѣ случился въ это время голодъ, хотя онъ объяснялъ этотъ голодъ наказаніемъ Божіимъ, посланнымъ Мекканцамъ за невѣріе въ него, но и самъ не менѣе своихъ соотечественниковъ и враговъ чувствовалъ тяжесть его. По одному преданію онъ просилъ однажды у еврея въ займы на нѣсколько мѣсяцевъ муки. Еврей безъ заклада не давалъ, а Магомету дать было нечего. Въ отчаяніи онъ воскликнулъ: Господи Боже мой, вѣдь я вѣрный и въ небесахъ и на землѣ!. [30]).

## Сношенія Магомета съ мединцами и бѣгство его изъ Мекки въ Медину.

Въ теченіи первыхъ 12 лѣтъ своей проповѣди Магометъ понялъ, что ждать ему чего либо въ Меккѣ было невозмож-

---

[30]) Асбабуль Нузуль на 20 гл. 131 ст.

но Если можно было упрочить дѣло ислама, то не въ Меккѣ, а гдѣ нибудь еще, между другими племенами. Въ такихъ соображеніяхъ Магометъ вступаетъ во время пилигримства въ близкія отношенія и переговоры съ Мединцами. «Вы какого племени»? спрашивалъ онъ заискивающимъ тономъ у нихъ. «Мы изъ племени Казраджитовъ» отвѣчали тѣ. «Ахъ, вы союзники Іудеевъ? нельзя-ли съ вами поговорить мнѣ немного»? Завязывалась бесѣда Иностранцамъ любопытно было послушать того, о комъ такъ много ходило молвы. Онъ излагалъ предъ ними свои убѣжденія, увѣрялъ въ своемъ божественномъ посланничествѣ, изображалъ свое невыносимое положеніе дома и просилъ ихъ оказать ему гостепріемство и покровительство въ Мединѣ. Слушатели совѣтовали ему возвратиться домой и ждать слѣдующаго богомолья, когда они, переговоривъ съ прочими гражданами города, извѣстятъ его объ окончательномъ своемъ рѣшеніи [31]).

Въ Мединѣ для ислама почва была лучше подготовлена, чѣмъ гдѣ нибудь.

---

[31]) Muir 2 т. 210 стр. по Katib al Wackidi 41 стр. Hishami 142 стр. Tabari 160 стр.

Многочисленныя и могущественныя племена, уже жившія въ самой Мединѣ и въ сосѣдствѣ съ нею, много содѣйствовали распространенію въ этомъ городѣ своихъ ожиданій пророка А когда Магометъ завелъ проповѣдь съ мединцами, послѣдніе между собою разсуждали, что онъ то и есть ожидаемый Евреями посланникъ, что имъ нужно поскорѣе и первыми соединиться съ нимъ [31]). Соціальное положеніе Медины, раздѣленной на Іудеевъ и арабовъ, двухъ несогласныхъ между собою племенъ Аусъ и Казраджитовъ, нуждалось въ такомъ лицѣ, которое бы могло соединить эти партіи Да Казраджиты не мало были заинтересованы судьбою агомета, такъ какъ онъ по матери происходилъ отъ одного знатнаго знатнаго рода ихъ племени. Не даромъ еще при первыхъ извѣстіяхъ поэтъ Абу Кайсъ обращался въ стихахъ къ Корейшитамъ и убѣждалъ ихъ къ нисходительному обращенію съ Магометомъ Послѣ этого неудивительно, что Магометъ имѣлъ большіе шансы разсчитывать на мединцевъ.

Съ сильнымъ безпокойствомъ и вол-

---

[32]) Тамъ-же.

неніемъ дождался онъ священнаго мѣсяца 621 года. Что принесутъ ему мединскіе пилигримы? Если они измѣнятъ? Куда тогда бѣжать, въ Сирію, Абиссинію, или къ христіанскимъ племенамъ сѣверной пустыни? Такіе вопросы тревожили въ данный моментъ Магомета. Но опасенія его разѣялись. Двѣнадцать мединцевъ поклялись въ Акабѣ Магомету не измѣнять ему, вѣровать только въ Единаго Бога, не воровать, не предаваться распутству и повиноваться ему. Онъ же имъ за все это обѣщалъ рай. Событіе это извѣстно подъ именемъ первой клятвы въ Акабѣ и происходило въ Апрѣлѣ 621 года [33]). Присягнувшіе Магомету мединцы возвратились домой, уже какъ его миссіонеры. Они же написали изъ Медины Магомету, чтобы онъ послалъ туда такого человѣка, который-бы умѣлъ читать Коранъ и могъ научить всякаго основаніямъ новой вѣры, для каковой цѣли и былъ посланъ въ Медину Музабъ, только что возвратившійся изъ Абиссиніи. Въ слѣдующемъ году произошло новое и болѣе важное для Магомета свиданіе съ мединцами, уст-

[33]) Muir 2 т. 215—216 стр.

роенное ночью и по окончаніи всѣхъ обрядовъ хаджа въ той же арабской долинѣ. Мединцевъ было 75 человѣкъ, въ томъ числѣ двѣ женщины, всѣ обратившіеся въ исламъ и всѣ прежде поклонившіеся Магомету Самъ Магометъ явился въ сопровожденіи дяди своего Аббаса, который, хотя не исповѣдывалъ ислама и былъ человѣкъ слабохарактерный, но, какъ сынъ Абу Талиба, вынесшій трехлѣтнее заключеніе въ замкѣ отца, пользовался большимъ довѣріемъ пророка и былъ расположенъ къ нему. Этотъ Аббасъ и началъ переговоры съ Мединцами. «Господа Казраджиты! началъ онъ, мой родственникъ живетъ въ почетѣ и благополучно у насъ. Родное племя хорошо защищаетъ его и въ лицѣ тѣхъ, которые обратились въ его вѣру и равно въ лицѣ придерживающихся старой вѣры. Но ему болѣе бы хотѣлось находиться подъ вашимъ покровительствомъ. Потому сами обсудите свое положеніе. Если вы согласны защитить его и способны,—хорошо, конечно; но если вы сомнѣваетесь въ своей правоспособности, то лучше оставьте свое намѣреніе». На это довольно искусное предложеніе Аббаса одинъ изъ Мединцевъ отвѣчалъ, что ихъ

жизнь готова къ услугамъ Магомета. Самъ Магометъ повторилъ свои требованія и условія, «чтобы жить по правиламъ Ислама, чтобы повиноваться ему и защищать своихъ женъ и дѣтей». Такова была вторая клятва въ Акабѣ, данная въ Мартѣ 622 года.

Какъ ни старался Магометъ скрыть это, его заподозрили въ противозаконныхъ сношеніяхъ съ Мединцами. Въ лагерь Мединцевъ явился начальникъ Мекки, высказалъ подозрѣнія въ благонадежности ихъ Большинство Мединцевъ, не зная, что нѣкоторые товарищи ихъ тайно снеслись съ Магометомъ, увѣряло, что корейшиты ошибались А начальникъ ихъ Абдаллахъ ибнъ Обей ручался, что ни одинъ изъ его народа не сдѣлаетъ безъ его согласія ни одного шага. Корейшитъ этимъ удовлетворился, повидимому, и простился съ ними Но дѣло еще не кончилось. Корейшиты удостовѣрились, что полуночное собраніе Мединцевъ не только дѣйствительный фактъ, но что многіе Мединцы поклялись защищать Магомета. Въ сильномъ негодованіи они пустились въ догонъ за Мединскимъ караваномъ въ надеждѣ захватить кого нибудь изъ виновныхъ. Поймали

двухъ и, какъ одинъ изъ пойманныхъ убѣжалъ, другаго они потащили въ Мекку за длинные волосы, перевязавъ ему за спину руки. Въ Меккѣ этого несчастнаго ожидало худшее обращеніе, но одинъ должникъ оказалъ ему покровительство.

Факты эти важны въ томъ отношеніи, что они показываютъ, какъ зорко Корейшиты слѣдили за развитіемъ ислама и какъ враждебно они къ нему относились. У нихъ явилось уже опасеніе, какъ бы мусульмане, вслѣдствіе переговоровъ съ мединцами, не отомстили имъ за ихъ репрессивныя мѣры. Они съ новой силой возобновили преслѣдованія, разсчитывая ими отвратить отъ ислама принявшихъ его или новымъ заключеніемъ предупредить ихъ выселеніе Но жестокости эти только ускорили рѣшеніе Магомета Онъ приказалъ готовиться къ выселенію въ Медину: «Господь, по истинѣ, далъ вамъ братьевъ въ этомъ городѣ и домъ, въ которомъ вы найдете убѣжище», говорилъ Магометъ. Приготовленія къ бѣгству дѣлались въ тайнѣ и въ теченіи двухъ мѣсяцевъ за исключеніемъ самаго Магомета, Абу-Бекра и Али, всѣ перебрались въ Медину. Бо-

рейшиты были поражены внезапнымъ опустѣніемъ цѣлыхъ кварталовъ и множества домовъ. Но дѣлать было нечего. Вниманіе ихъ теперь было остановлено на Магометѣ. Что съ нимъ слѣдуетъ сдѣлать? Заключить его въ темницу? — Но послѣдователи его могутъ придти съ вооруженіемъ на его освобожденіе. Выгнать? Но онъ можетъ привлечь къ себѣ другія племена и съ помощію ихъ овладѣть Меккой. Убить его? Но Хашемиты въ правѣ будутъ съ виновнаго взыскать кровь его. Можно вонзить ему по мечу представителямъ отъ каждаго рода Корейшитскаго, тогда сражайся Хашематы со всѣми! Но тогда съ Хашемитами соединятся Мединскіе послѣдователи и отомстятъ за него безжалостнымъ образомъ Нѣкоторые предлагали убить Магомета на дорогѣ въ Медину, рукой неизвѣстнаго человѣка; но это находили неудобнымъ тѣмъ, что Магометъ могъ убѣжать отъ смерти. Преданіе говоритъ, что Абу Джаль подъ вліяніемъ діавола настоялъ на убійствѣ Магомета. Но самъ Магометъ выражается объ этомъ послѣднемъ постановленіи неопредѣленно:

Вотъ, читаемъ въ Коранѣ, невѣрные ухищряются противъ те-

бя, чтобы заключить тебя въ оковы, или убить тебя, или изгнать тебя... (8, 30).

Во всякомъ случаѣ плохая участь ожидала Магомета. Абу-Бекръ предвидѣлъ печальный исходъ, ожидавшій Магомета въ послѣдніе часы его жизни въ Меккѣ; онъ уже приготовилъ въ путь 800 дирхемъ денегъ, двухъ быстрыхъ верблюдовъ и нанялъ опытнаго проводника. Когда Магометъ, предувѣдомленный объ опасности, сказалъ Абу Бекру, что онъ уже готовъ къ бѣгству, нѣжный другъ горько заплакалъ. Предусмотрительность не оставляла Магомета въ эти тяжелыя для него минуты. Онъ оставилъ въ своемъ домѣ одного Али, отдавши ему свою мантію и постель, а самъ скрылся въ другомъ домѣ, откуда и вышелъ съ Абу Бекромъ на Мединскую дорогу—не улицей, а за надворными строеніями и не на сѣверную дорогу, за которой преимущественно слѣдили Корейшиты, а на южную. Пройдя нѣсколько миль, путники остановились въ одной пещерѣ и переждали въ ней нѣсколько дней.

Работникъ Абу Бекра пригонялъ къ пещерѣ нѣсколько козъ, изъ которыхъ хозяинъ выдаивалъ молоко, а сынъ прино-

силъ ему отъ сестры печенье; онъ же днемъ узнавалъ настроеніе общественнаго мнѣнія въ Меккѣ, а ночью передавалъ обо всемъ отцу, такъ что Магометъ съ своимъ другомъ не могли ошибаться въ выборѣ момента, когда имъ можно было безопасно выдти изъ пещеры и продолжать свой путь, не попавши въ руки враговъ своихъ.

Мекка тѣмъ временемъ была сильно возбуждена исчезновеніемъ Магомета. Корейшиты приступили къ Али съ вопросомъ: куда дѣвался дядя? «Я не знаю; я развѣ господинъ его»! отвѣчалъ Али. Раздосадованные Корейшиты потащили было его къ Каабѣ, но большаго отъ него и тамъ не добились. Тогда отправились къ дочери Абу Бекра и, когда она отвѣчала, что не знаетъ, гдѣ отецъ, ее, говорятъ, такъ ударили, что она затряслась и упала Не узнавши въ городѣ, куда и какъ скрылся Магометъ, Корейшиты отправили пословъ по всѣмъ дорогамъ отыскивать его; но послы воротились съ неудачей Народъ волей неволей долженъ былъ успокоиться тѣмъ, что ушелъ, наконецъ, отъ нихъ нарушитель общественной тишины (622 г.).

## Нравственный характеръ Магомета и нравственныя понятія его въ Меккѣ.

Если жизнь Магомета въ Меккѣ была непрерывнымъ рядомъ преслѣдованій его и если проповѣдь довела его до изгнанія, то понятно, что онъ не могъ расчитывать на какія нибудь выгоды отъ этой проповѣди и, слѣдовательно, дѣйствовалъ подъ вліяніемъ воодушевлявшаго его вдохновенія и наплыва высшихъ идей. Это проявилось и въ его поведеніи и въ его ученіи за мекканскій періодъ (610—622 г).

Строгая нравственность, цѣломудріе и кротость были отличительными чертами Магомета въ это время. Онъ жилъ съ одной старой женой Хадиджей. Сильная любовь къ ней и воодушевлявшія его религіозныя чувства сдерживали въ немъ всякіе порывы восточнаго человѣка. Въ отношеніяхъ къ послѣдователямъ своимъ онъ былъ, какъ обыкновенный человѣкъ и открыто выражалъ, что онъ такой же смертный, какъ прочіе, что долгъ его состоитъ только въ томъ, чтобы возвѣстить людямъ религіозныя истины, что если онъ не сдѣлаетъ этого, то его постигнетъ кара Божія. Порою это обхо-

дилось ему цѣною невыразимыхъ внутреннихъ страданій. Послѣ первыхъ двухъ откровеній съ нимъ долго не повторялось вдохновенное состояніе. Тутъ самыя разнообразныя мысли, сомнѣнія и колебанія роились въ его головѣ. Онъ спрашивалъ жену, что значитъ это оставленіе его Аллахомъ и терзался разными вопросами. «Можетъ ли онъ исполнить воображаемую миссію? Не діаволъ ли ему внушилъ то, что считалъ онъ божественнымъ? Не сатана ли ему явился въ образѣ человѣка, а онъ не отличилъ обмана? Не прогнѣвалъ ли онъ Бога какимъ нибудь грѣхомъ?» Ходилъ, ходилъ онъ въ такихъ размышленіяхъ по горѣ Хиро и рѣшился покончить съ собой: броситься съ самаго высокаго утеса внизъ головою. [34]). Въ такомъ возбужденіи внутреннихъ силъ онъ вдругъ получилъ откровеніе, которое не имѣетъ другаго смысла, кромѣ субъективнаго успокоенія разочарованному пророку:

«Клянусь утреннимъ солнечнымъ
блескомъ, клянусь ночью, ког-

[34]) Muir 2 т. 71, 84—84 стр. по Katib al Wackidi 37½ с Tabari 90 с. Dictinary of islam, 124 с.

да она темнѣетъ: Господь твой не оставилъ тебя и не презрѣлъ. Будущее для тебя лучше настоящаго. Господь твой скоро ущедритъ тебя и ты будешь доволенъ (Коранъ. 93 гл.).

Такъ какъ причину мучительной продолжительности промежутковъ между откровеніями Магометъ, между прочимъ, отыскивалъ въ самомъ себѣ, то онъ на первыхъ порахъ зорко наблюдалъ за своимъ нравственнымъ поведеніемъ и обличалъ самого себя за допущенныя оплошности. Слѣды этого раскаянія и обличенія сохранились въ Коранѣ и прекрасно характеризуютъ самообольщеннаго автора его. Вотъ, напр., однажды въ бесѣдѣ съ знатными Корейшитами онъ прогналъ отъ себя слѣпца Абдаллаха Ибнъ Мактумъ, пришедшаго было послушать его Немного спустя онъ раскаялся и урезонилъ себя слѣдующими стихами Корана:

Онъ нахмурился и отвернулся, потому что къ нему пришелъ слѣпой. О, если бы что нибудь вразумило тебя. Кто богатъ, того ты принимаешь ласково... Кто же къ тебѣ приходитъ съ усер-

діемъ и будучи богобоязливъ, на того ты не обращаешь вниманія? не такъ. Это тебѣ предостереженіе! (Коранъ 80 гл. 1—11 ст).

Послѣ этого естественно ожидать, что предметъ ученія Магомета въ это время будутъ составлять тѣ истины, которыя онъ могъ позаимствовать изъ болѣе совершенныхъ религій, извѣстныхъ ему. Цѣль его проповѣди и психическое состояніе въ связи съ извѣстнымъ положеніемъ его опредѣляли ее въ этомъ именно направленіи. И дѣйствительно, мы видимъ, что Магометъ въ Мекканскій періодъ своей дѣятельности не сдѣлалъ ни какихъ обрядовыхъ постановленій, не издалъ ни одного гражданскаго закона. Богъ, душа человѣческая, загробная жизнь, вѣра и невѣріе—вотъ чѣмъ занятъ былъ умъ его.

Такъ какъ идея посланничества съ цѣлью возстановить древній монотеизмъ среди арабовъ возникла въ Магометѣ подъ вліяніемъ несостоятельности многобожія, то въ своемъ ученіи о Богѣ онъ, главнымъ образомъ, настаивалъ на такихъ свойствахъ Божіихъ, которыя исключаютъ возможность многихъ боговъ. Богъ единъ—вотъ что повторялъ онъ

особенно часто и что хотѣлось ему доказать арабамъ Въ подтвержденіе этой истины онъ указывалъ съ поэтическимъ оттѣнкомъ на всю природу, какъ свидѣтельницу о единомъ Творцѣ. Однако обстоятельства жизни пророка повліяли и на этотъ краеугольный камень его ученія въ Меккѣ. Будучи преслѣдуемъ, онъ не устоялъ противъ соблазна подать руку примиренія своимъ гонителемъ язычникамъ. Мы знаемъ, что онъ сдѣлалъ разъ уступку ихъ традиціямъ, признавъ богинь Оззу, Лату и Менату. Не могъ онъ отрѣшиться и отъ языческихъ понятій объ идолахъ. То онъ считаетъ ихъ пустымъ вымысломъ и нелѣпостью, то выражается о нихъ, какъ о дѣйствительныхъ существахъ, стремящихся приблизиться къ Богу и имѣющихъ быть осужденными вмѣстѣ съ вѣрующими въ нихъ людьми на всеобщемъ судѣ. И такихъ стиховъ въ Коранѣ много [35]). Что касается нравственнаго ученія Магомета въ Мекканскій періодъ, то оно представляется очень высокимъ. Иначе, собствен-

---

[35]) Напр. 17 гл. 59 ст. 19 гл. 84—85 ст. 21 гл. 98 ст. 25 гл. 18—19 ст. 28 гл. 62—64 ст. 46 гл 27 ст. и пр.

но говоря, и не могло быть. Во первыхъ, онъ выступилъ въ роли пророка по искреннему и невольному сознанію высшихъ идей, которыя пришлось узнать ему изъ сношеній съ христіанами. А во вторыхъ, если бы онъ проповѣдывалъ низкую мораль, то этимъ еще болѣе вооружилъ бы всѣхъ противъ себя. Да будучи гонимъ,, какъ могъ онъ не говорить о снисходительности, напримѣръ, кротости и пр?! Вотъ мы и видимъ, что любовь къ Богу и ближнимъ, милостыня, прощеніе обидъ, даже ненавистникамъ, вѣрность своему слову и клятвамъ, терпѣливость, помощь нуждающимся и призрѣніе несчастныхъ, воздержаніе отъ грубыхъ наклонностей, даже излишества въ словахъ, честность въ торговыхъ дѣлахъ—все это составляло честь и требованіе арабскаго пророка Судя по нѣкоторымъ стихамъ Корана, Магометъ далеко возвышался надъ утилитарными понятіями. Добродѣтельнымъ онъ считаетъ того, кто даетъ

> «милостыню не для того, что бы за то, что у него есть, получить въ награду какое нибудь благо, а по одному желанію лица

Господа своего Всевышняго» (Коранъ 92 гл. 17—20 ст).

Интересно также замѣтить слѣдующія наставленія Магомета въ Меккѣ:

Злобу отклоняй добротой (Коранъ 23 гл 98 ст). Если наказываете, то наказывайте соразмѣрно тому, что считается у васъ заслуживающимъ наказанія; но если вы будете снисходительны, то это будетъ лучше для снисходительныхъ (Коранъ 16 гл., 127 ст.).

О себѣ онъ говорилъ, что въ награду за свою проповѣдь онъ «проситъ только любви къ ближнимъ» (Коранъ 42 гл. 22 ст.). Все это говоритъ въ пользу Магомета. Но насколько самому ему принадлежитъ заслуга въ этомъ, было бы видно изъ сопоставленія этихъ идеаловъ съ тѣми, какіе проводилъ онъ въ Мединѣ.

## Ученіе Магомета о раѣ и адѣ.

Призывая всѣхъ къ самодѣятельному исполненію добродѣтели и къ принятію ислама, Магометъ ясно училъ, что злые люди будутъ наказаны за свое зло и

нечестіе, а добрые получатъ награду за свое добро. «Человѣку будетъ воздано не за что нибудь другое, а за его дѣла» «каждая душа понесетъ только ей свойственное бремя»; «для каждой души залогомъ за нее то, что она усвоила себѣ», вотъ что повторялъ онъ и очень часто въ Меккѣ. Изъ этихъ выраженій видно, что Магометъ въ это время далекъ былъ отъ мысли о фатализмѣ, т. е., о предназначеніи однихъ людей волею Бога къ невѣрію и загробному страданію, а другихъ къ вѣрѣ и блаженству, независимо отъ ихъ заслугъ. И понятно почему. Въ этой проповѣди объ отвѣтственности каждаго за себя заключались всѣ рессурсы гонимаго пророка. Какое другое средство могъ употребить онъ для привлеченія послѣдователей кромѣ настаиванія на той мысли, что невѣріе въ него и въ его Бога будетъ наказано «лютымъ наказаніемъ» и что вѣра, наоборотъ, будетъ награждена блаженствомъ. Запугиваніе муками ада и прельщеніе наслажденіями рая, подборъ и толкованіе какихъ нибудь производящихъ впечатлѣніе разсказовъ изъ легендъ и исторіи—вотъ все возможное для этого проповѣдника оружіе.

Арабы имѣли очень смутное и разнорѣчивое представленіе о загробной жизни. Одни вѣрили, что за гробомъ человѣку понадобятся верховыя животныя и потому привязывали къ могилѣ умершаго верблюда. Другіе думали, что по смерти человѣкъ превратится въ птицу. Нѣкоторые же говорили: » есть только настоящая жизнь,

воскрешены мы не будемъ» (Коранъ 6 гл. 29 ст.) [36]).

Магометъ часто касался этого больнаго мѣста арабскаго язычества. Изъ первыхъ 40 мекканскихъ главъ Корана 28 посвящены имъ почти исключительно проповѣди о всеобщемъ судѣ, воскресеніи, раѣ и адѣ. О послѣднихъ у него составились цѣлыя картины. Рай—это зеленѣющіе сады съ освѣжительной влагой, съ рѣками меду, вина, молока. Тутъ пальмы съ прохладительной тѣнью, высокія сѣдалища и постели, украшенныя золотомъ и камнями; тутъ пурпуроваго и зеленаго цвѣта шелковыя и атласныя одежды для вѣрующихъ, золотыя и жем-

---

[36]) Полнѣе можно читать въ Миссіонерскомъ противомусульманскомъ Сборникѣ, вып 16, стр. 520—546.

чужныя запястья и ожерелья, роскошные ковры, серебряные кубки, чаши и блюда; тутъ подаютъ все угодное юные отроки и, въ довершеніе всего, къ услугамъ магометанина «свѣтлоокія, бѣлолицыя, чернозенничныя гуріи», т. е., вѣчноюныя дѣвы, «съ которыми не сообщались ни люди, ни геніи [37]).

Лишенный этихъ аттрибутовъ адъ представляется мѣстомъ жаркаго огня. Въ немъ люди будутъ пить помои, гной и гноевидную воду, а ѣсть отвратительные плоды заккума и дзарига (деревья въ Аравіи); одежда тамъ будетъ изъ смолы и огня; съ обнаженными голенями, опаляемые огнемъ, обливаемые кипящимъ металломъ, въ цѣпяхъ и ошейникахъ, окруженные погонщиками и дьяволами, люди поднимутъ въ этой дымной атмосферѣ невыносимый крикъ и визгъ отъ побоевъ, наносимыхъ имъ.

Составивши такія описанія рая и ада, Магометъ думалъ ими запугать арабовъ, привлечь ихъ къ своей вѣрѣ и успокоить своихъ послѣдователей. Такая тенденція проглядываетъ у него очень ясно.

---

[37]) Болѣе полныя описанія рая находятся въ 37, 55, 56 и 76 главахъ Корана.

Изобразивши, напр., райскія наслажденія, онъ добавляетъ: «отрадная награда! Прекрасное мѣсто отдохновенія! таково будетъ вамъ воздаяніе!» Наоборотъ послѣ описанія геенны онъ замѣчаетъ: «мучительное питье, томительное отдохновеніе, наслаждайтесь, мы вамъ ничего не прибавимъ, кромѣ муки»!

Что дѣйствительно мысль о будущемъ состояніи служила въ рукахъ Магомета главнымъ орудіемъ устрашенія арабовъ, это лучше всего видно изъ предсказаній его своимъ врагамъ. Давши просторъ своей фантазіи въ необозримомъ мірѣ неизвѣстнаго будущаго, онъ каждому изъ своихъ враговъ обѣщалъ мученіе По адресу АбуЛахаба, напр., своего злѣйшаго дяди и жены его Оммъ Джемили, обливавшей его помоями, онъ сказалъ:

> «Да погибнутъ руки Абу Лахаба, да погибнетъ онъ! Ему не принесетъ пользы имущество его и то, что пріобрѣлъ онъ. Непремѣнно будетъ горѣть онъ въ пламенѣющемъ огнѣ; а его жена будетъ носить дрова для него; на шеѣ у ней будетъ вервь изъ пальмовыхъ волоконъ (Коранъ 111 гл.).

Абу-Джалю, побившему однажды пророка въ Каабѣ, онъ грозитъ въ трехъ мѣстахъ [38]) и, между прочимъ такъ: «Видишь ли, каковъ

> тотъ, который претитъ рабу Моему молиться? .. Да, если онъ не удержится, то Мы (говоритъ Богъ) схватимъ и увлечемъ его за передніе волосы, за передніе волосы его головы лживой, грѣшной. Тогда зови онъ своихъ сообщниковъ; мы призовемъ этихъ грозныхъ стражей геенны (Коранъ 96 гл. 6—18 ст.).
>
> Онъ не имѣлъ увѣренности и не молился, вѣрилъ лжи и удалился, ушелъ къ своимъ и развеличался! Горе тебѣ и еще горе! И за тѣмъ горе тебѣ и еще горе! Ужели человѣкъ думаетъ, что онъ остается безъ призора? (Кор 75 гл. 31 ст.).

Нельзя полагать, чтобы Магометъ расточалъ эти угрозы, какъ стрѣлы, только, какъ ловкій охотникъ и говорилъ, какъ

---

[38]) Асбабуль пузуль на 96 гл. 6—18 ст. и 75 гл. 31 ст. и Dictionary of Islam 8 стр. о 22 гл. 8—10 ст.

искусный риторъ Онъ самъ искренне вѣрилъ въ дѣйствительность этихъ угрозъ и мусульманскія догматики нисколько не ошибаются, понимая ихъ буквально. Въ этихъ безпощадныхъ стихахъ выражалось вполнѣ душевное состояніе пророка и выливалось вся боль сокрушеннаго его сердца Тутъ кромѣ обличенія враговъ было утѣшеніе для Магомета и облегченіе ею злобы и негодованія противъ невѣровавшихъ въ него. Потому то по мѣрѣ того, какъ арабы притѣсняли своего учителя, энергичнѣе и напряженнѣе становилась его собственная увѣренность въ неизбѣжности мукъ за невѣріе и въ необходимости благъ за вѣру Тогда полнѣе повторялись и описанія будущей судьбы человѣка и, если бы Магометъ былъ всемогущъ, онъ и рай и адъ устроилъ бы именно въ томъ видѣ, въ какомъ изобразилъ ихъ въ Коранѣ.

Что бы понять, какъ могли у Магомета составиться такія картины рая и ада, обратимъ вниманіе на нѣкоторыя частности перваго. Въ песчаной, голой, жаркой и безводной пустынѣ садъ и рѣки—необыкновенная рѣдкость и счастіе. И вотъ то и другое мыслится жи-

телемъ этой пустыни необходимой принадлежностью рая: какъ де не быть въ немъ плодамъ, тѣни и напиткамъ? Темпераментъ восточнаго человѣка извѣстенъ изъ литературы и потому нечего удивляться, если чувственныя удовольствія считаются имъ блаженствомъ и перенесены въ рай. Затѣмъ, мы знаемъ, что у Магомета была одна жена и на 15 лѣтъ старѣйшая въ сравненіи съ нимъ. Что-же мудренаго, если онъ когда нибудь мечталъ о дѣвицахъ и рѣшилъ, что онѣ должны быть въ раю? Вѣдь сказалъ же онъ, что

> «гуріи созданы Богомъ особеннымъ созданіемъ; Богъ положилъ имъ быть дѣвами, *мужьямъ милыми, по возрасту равными* (Коранъ 38 гл. 52 ст.).

Знаемъ мы также, что Хадиджа была вдовою и вышла за Магомета, похоронивши двухъ мужьевъ. Значитъ онъ могъ желать, чтобы въ раю то по крайней мѣрѣ были

> «скромныя взоромъ, добротныя, красивыя, укрытыя въ шатрахъ, *съ которыми прежде не сообщались ни люди, ни геніи* (Коранъ 55 гл. 56—74 ст.)

Вѣдь не говорилъ онъ ничего подобнаго, когда впослѣдствіи завелъ гаремъ и женился на дѣвицахъ и замужнихъ.

## Угрозы Магомета Мекканцамъ и терпимость его къ язычникамъ, христіанамъ и іудеямъ въ Меккѣ.

Мысль о необходимости райскаго блаженства вѣрующимъ и самой страшной муки за гробомъ людямъ не покорнымъ выродилась у Магомета въ форму угрозъ жителямъ Мекки наказаніемъ въ ближайшее время. «Они не вѣруютъ въ меня, думалъ онъ, и не увѣруютъ, должно быть, никогда Неужели Богъ попуститъ, чтобы его откровенія прошли безплодно. Нѣтъ Онъ не оставитъ невѣрныхъ безъ вразумленія, какъ не оставлялъ прежнихъ народовъ, не вѣровавшихъ въ посланниковъ Его». Желаніе такого вразумленія ассоціируетъ въ представленіи Магомета подходящія легенды, басни и исторіи, какія ему приходилось слышать во время путешествій отъ арабовъ и евреевъ. У него образовалось такимъ образомъ много примѣровъ суда Божія, напр исторія Ноя, Содома и Гоморры, легенды о Гадянахъ, Семудянахъ

и пр., которыя началъ онъ повторять по нѣсколько разъ мекканцамъ.

Смыслъ ихъ былъ таковъ: какъ прежде Богъ поражалъ истребленіемъ за невѣріе въ посланниковъ его, такъ и теперь на мекканцевъ должно обрушиться бѣдствіе за невниманіе къ откровеніямъ Съ ними непремѣнно, по убѣжденію Магомета, повторится судьба современниковъ Ноя или Лота, или Египтянъ при Моисеѣ и пр. Интересно было-бы прослѣдить постепенное развитіе этихъ угрозъ въ Коранѣ. Но достаточно отмѣтить то затрудненіе, въ которое поставилъ себя ими самъ Магометъ. Мекканцы сами стали требовать отъ него скорѣйшаго наступленія бѣдствія, если онъ пророкъ. Вмѣстѣ съ этимъ начались насмѣшки надъ нимъ, такъ что онъ долженъ былъ прибѣгнуть къ софизмамъ, еще болѣе разоблачавшимъ его. Однажонъ сказалъ, что Богъ умилосердился надъ мекканцами и потому не хочетъ ихъ наказывать:

> Они просятъ тебя, чтобы скорѣе наступило для нихъ злополучіе. Истинно, Господь твой готовъ прощать симъ людямъ, не

смотря на ихъ нечестіе (Коранъ 13 гл 7 ст.).

Въ другой разъ онъ употребилъ другую увертку: казнь-то, какъ-бы такъ говорилъ онъ соотечественникамъ, постигнетъ васъ, только въ будущемъ судѣ, въ геенне:

> Они просятъ тебя, чтобы скорѣе наступила казнь имъ. Истинно, геенна уже охватываетъ невѣрныхъ: будетъ день, когда эта казнь покроетъ ихъ и сверху и снизу и Онъ скажетъ: вкусите отъ дѣлъ вашихъ. (Коранъ 29 гл. 53 ст.)

Всѣ эти ужасныя угрозы и обѣщанія при всей своей топорности были нравственнымъ средствомъ для обращенія людей къ вѣрѣ; нравственнымъ, говоримъ, въ томъ смыслѣ, что они не были насиліемъ Магомета надъ арабами Правда онѣ показываютъ, что онъ игралъ воображеніемъ и чувствомъ ихъ и жестоко ихъ обманывалъ Но онѣ же показываютъ, что самого себя онъ больше всѣхъ обманывалъ. А главное изъ нихъ видно, что Магометъ далекъ былъ отъ принудительной системы. Правда, въ положеніи гонимаго пролетарія онъ не

имѣлъ и возможности примѣнить эту систему; но важно то, что онъ сознавалъ принципъ вѣротерпимости.

> «Въ религіи нѣтъ принужденія; истинный путь ясно отличается отъ заблужденія» (Коранъ 2 гл. 257 ст.),

вотъ что выработалъ Магометъ въ Меккѣ. Онъ полагался только на свое слово и поставилъ себѣ, повидимому за правило, призывать

> на путь Господа мудрыми и добрыми наставленіями и вести споры о томъ, что добро (Коранъ 16 гл. 126 ст.).

Благородство и вѣротерпимость его въ Меккѣ были таковы, что онъ запрещалъ себѣ непочтительное отношеніе къ предметамъ вѣры язычниковъ Не злословь, говоритъ онъ себѣ,

> тѣхъ, которыхъ призываютъ они опричь Бога, дабы и они по враждѣ не стали злословить Бога (Коранъ 6 гл. 108 ст.).

Своимъ послѣдователямъ онъ совѣтовалъ быть «снисходительнѣе къ тѣмъ, которые

> не ожидаютъ тѣхъ дней Бога, въ которые Онъ воздастъ людямъ

то, что усвоили они себѣ (Коранъ 45 гл. 13 ст.).

Если такъ терпимо Магометъ относился къ язычникамъ арабамъ, то отношенія его къ христіанамъ въ тоже время т. е. въ Меккѣ, покажутся дружелюбными Обстоятельства жизни его были таковы что онъ долженъ былъ съ ними подружиться и заплатить за эту дружбу имъ такую дань въ своихъ откровеніяхъ, отъ которой впослѣдствіи самъ отказался. Во первыхъ, подъ вліяніемъ нѣкоторыхъ христіанъ, напр. епископа Коссы, монаха Сергія и др., онъ сознавалъ превосходство вѣры въ единаго Бога. Во вторыхъ, въ числѣ первыхъ его послѣдователей были рабы изъ христіанъ, ждавшихъ отъ новой вѣры облегченія своей участи. Въ третьихъ, наконецъ, въ Меккѣ Магометъ долженъ былъ обратиться за покровительствомъ для своихъ агентовъ къ христіанскому царю Абиссиніи. Все это въ совокупности такъ подѣйствовало на Магомета, что онъ въ своихъ откровеніяхъ призналъ очень многое изъ христіанскаго ученія. Іисуса Христа онъ считалъ божественною личностью и выражался о Немъ подъ именемъ «Милостиваго», ко-

торый есть Господь неба и земли, предсказанъ пророками, будетъ производить всеобщій судъ, родился отъ сохранившей дѣвство Маріи и поставленъ знаменемъ для міровъ». [39]).

Мессія Іисусъ, сынъ Маріи, есть, сказано еще въ Коранѣ,

посланникъ Бога, есть слово Его, низведенное Имъ въ Марію, есть Духъ Его (Кор. 4 гл. 169 ст.).

Въ періодъ сношеній съ Абиссиніей Магометъ настолько охристіанился, что въ Меккѣ и врагами его и самимъ имъ интересы христіанъ отожествлялись съ интересами возникавшей религіи. Такъ, въ 619 г. корейшиты радовались тому обстоятельству, что язычники персы побѣдили христіанъ Римлянъ, завладѣли Сиріей и частью Египта: какъ будто пораженіе Римлянъ было пораженіемъ мусульманъ, а торжество Персовъ—торжествомъ многобожія. Магометъ опечалился, но утѣшилъ себя мыслію, что современное ему могущество побѣжденныхъ христіанъ скоро вознаградитъ себя на счетъ слабыхъ побѣдителей и отравилъ

---

[39]) Коранъ 21 гл. 91 ст.; 43 гл. 57 ст.; 25 гл. 27 ст.; 78 гл. 38 ст и мн. др.

торжество корейшитовъ произведенною на этотъ разъ 50-ю сурою:

> «Римляне побѣждены въ близкой отъ этой землѣ; но они послѣ того какъ побѣждены, сами побѣдятъ послѣ нѣсколькихъ годовъ (Коранъ 30 гл. 1—3 ст.).

Въ тоже время Магометъ почтительно отзывался о христіанскихъ мученикахъ, предсказывалъ имъ райскіе сады, а мучителей осуждалъ на вѣчную геенну.

Не меньшее расположеніе выразилъ Магометъ въ Меккѣ и къ іудеямъ. Онъ призналъ ихъ Писанія подлинными, Іерусалимъ почелъ центромъ вѣрующихъ и назначилъ его киблою, т. е, мѣстомъ, куда мусульмане должны обращаться лицомъ во время молитвы.

> Мы вѣруемъ, сказалъ онъ, въ книги, которыя посланы Намъ, а также и въ тѣ, которыя посланы вамъ. Нашъ Богъ и вашъ одинъ и тотъ-же (Коранъ 29 гл 45 ст.).

Къ іудеямъ онъ обращался за разрѣшеніемъ своихъ сомнѣній, какъ видно изъ словъ Корана:

> если ты сомнѣваешься о томъ, что ниспослали Мы тебѣ, то спроси

тѣхъ, которые читаютъ Писаніе (10 гл. 94 ст.)

Наконецъ, замѣтимъ, что въ Меккѣ Магометъ признавалъ всѣ религіи спасительными: Истинно, читаемъ въ Коранѣ, вѣрующимъ и іудействующимъ, христіанамъ и сабеямъ, тѣмъ, которые вѣруютъ въ Бога и въ послѣдній день и дѣлаютъ доброе,— имъ награда у Господа ихъ: имъ не будетъ страха и они не останутся въ печали (Коранъ 2 гл. 59 ст.)

Такъ симпатиченъ былъ взглядъ Магомета на людей разныхъ религій въ первую половину его жизни.

Мусульманскіе апологеты послѣдняго времени, вкусившіе европейской науки, указываютъ на эти мѣста Корана, какъ на выраженіе той терпимости, которой училъ Магометъ въ продолженіе всей своей жизни [40]). Но мы знаемъ, что богословская наука мусульманъ лишаетъ приведенные стихи Корана примѣненія.

---

[40]) Такъ разсуждаетъ, напр., С.-П—ій мулла Баязитовъ въ кн. Отношеніе ислама къ наукѣ и къ иновѣрцамъ»; Дивлетъ Кильдѣевъ въ брош. «Магометъ, какъ пророкъ»; Шейхъ Адуль Гудъ въ С.-П Вѣд. 1882 г. № 166.

Съ перемѣной жизни Магомета въ Мединѣ измѣнились и его отношенія къ иновѣрцамъ, измѣнились и взгляды его. Тогда онъ уполномочилъ своихъ послѣдователей зачеркнуть, что говорилъ онъ въ Меккѣ, какъ навѣянное обстоятельствами, что мусульманскіе ученые и исполнили.

## Отказы Магомета отъ чуда и краснорѣчіе Корана.

Мусульмане глубоко вѣруютъ, что ихъ пророкъ совершалъ чудеса и въ примѣръ послѣднихъ приводятъ разсказы о путешествіи его по небесамъ, о раздѣленіи имъ луны на двѣ половины, о разговорѣ его съ жаренымъ козленкомъ и т. п. Но всѣ эти разсказы не только не имѣютъ для себя основанія въ кораническихъ словахъ самого Магомета, но и противорѣчатъ имъ. Онъ самъ отказывался отъ совершенія чуда, когда его просили. Разберемъ эти отказы его въ хронологическомъ порядкѣ. Софизмы его въ данномъ случаѣ показываютъ, что онъ никогда не приписывалъ себѣ силы чудотворца Интересны они и для характеристики его.

На предъявляемыя требованія Маго-

метъ сначала отвѣчалъ опроверженіемъ ихъ: какъ будто они были не цѣлесообразны. «Что бы тебѣ, говорили мекканцы, не придти съ ангеломъ?» «Ангеловъ Богъ посылаетъ только для неотложныхъ требъ», отвѣчалъ Магометъ. [41]). Къ нему приходятъ въ другой разъ и говорятъ: «что ты за посланникъ? если бы съ тобой былъ посланъ ангелъ, или бы у тебя открылись сокровища съ какими нибудь драгоцѣнностями, или бы у тебя явились сады, изъ которыхъ ты получалъ бы снѣди?» Магометъ, по видимому, не отрицаетъ возможности такого чуда, но отказывается отъ него именно теперь. «Зачѣмъ вы, спрашиваетъ онъ въ отвѣтъ, называете меня человѣкомъ, находящимся надъ очарованіемъ? Если бы вы не отвергали Милостиваго, мы для домовъ вашихъ устроили бы изъ серебра кровли и лѣстницы». [42]).

Но вотъ многобожники говорятъ: «клянемся, если придетъ тебѣ какое нибудь знаменіе, мы повѣримъ тебѣ; но до тѣхъ поръ, пока не будетъ доставлено намъ

---

[41]) Коранъ 15 гл. 6—8 ст.

[42]) Коранъ 25 гл. 9—10 ст и 43 гл. 32—33 ст.

подобное тому, что было доставлено прежнимъ посланникамъ, не повѣримъ» [43]). Кажется, въ этихъ заявленіяхъ для Магомета было достаточно побужденій сотворить чудо. Но онъ и тутъ отказывается и почему же? «Богъ, отвѣчалъ онъ, могущъ, но изъ васъ многіе невѣжды; тайное находится во власти Бога; Богъ лучше знаетъ, когда послать чудо; да повѣрите ли вы мнѣ? Истинно не повѣрите, хотя бы пришли всѣ знаменія, не повѣрите, пока не увидите лютой муки». [44]).

Слѣдующіе софизмы Магомета, поколебавшагося въ своей способности сотворить чудо, обнаруживаютъ въ немъ еще болѣе изворотливости. Чаще всего ему выражали желаніе видѣть въ посланникѣ, или съ посланникомъ ангела. Онъ отвѣчалъ что если бы люди были ангелами, то Богъ и послалъ бы ангела. Да явленіе ангела для нихъ самихъ было бы тежелѣе, потому что тогда имъ не было бы дано никакой отсрочки; въ крайнемъ случаѣ оно было бы безполезно, такъ

---

[43]] Коранъ 10 гл. 21 ст 6 гл. 103 ст.

[44]) Коранъ 10 гл. 21, 96—97 ст; 6 гл. 109—124 ст.

какъ ангелъ можетъ явиться людямъ только въ образѣ человѣка и, слѣдовательно, они усумнились бы въ достоинствѣ небожителя. [45]) Когда же Мекканцы, какъ бы, соглашаясь съ Магометомъ относительно ангела, требовали, что бы онъ низвелъ съ неба свитки Писанія, онъ отвѣчалъ, что, хотя это не представило бы ничего опаснаго, но опять было бы безполезно, потому что ощупавши свитки, они сказали бы: «это очевидное волшебство». [46]).

Наконецъ у арабскаго пророка истощилась изобрѣтательность и находчивость на отвѣты мекканцамъ и онъ долженъ былъ откровенно сознаться въ своемъ безсиліи сотворить чудо. Когда, напримѣръ, отъ него потребовали низвести въ доказательство правдивости своихъ словъ каменный дождь, онъ сказалъ, что это находится во власти Бога, что если бы это зависѣло отъ него, онъ давно положилъ бы конецъ враждѣ противъ него. Но вотъ однажды, послѣ долгихъ переговоровъ съ Корейшитами, когда Магометъ отвергъ всѣ ихъ условія

[45]) Коранъ 6 гл. 8 ст.

[46]) Коранъ 6 гл. 7 ст.

примиренія, Абдулла, выражая мнѣніе всѣхъ Корейшитовъ, сказалъ ему: «и такъ тебѣ предлагали все, ты не принялъ. просили чуда, ты не сдѣлалъ, просили пагубы, ты не послалъ; клянусь, не повѣримъ тебѣ дотолѣ, покуда ты не источишь для насъ изъ земли источника, или не будетъ у тебя сада изъ пальмъ и виноградныхъ лозъ» Тогда Магометъ отвѣтилъ;

Не человѣкъ ли только я, избранный въ посланника? (Коранъ 17 гл 92—95 ст.). [47]

Такимъ образомъ, Магометъ ни разу не заикнулся въ Коранѣ, что онъ совершилъ когда нибудь чудо и магометане уже отъ себя навязываютъ ему способность чудотворенія. Здѣсь намъ приходиться удивляться только тому, какъ съ совершенной искренностью можетъ соединяться въ человѣкѣ искусная и тонкая изворотливость Здѣсь же мы видимъ и доказательство той истины, что никто не способенъ впадать столь часто въ противорѣчія съ самимъ собою, какъ такіе искренно обольщенные субъекты.

Однако Магометъ не совсѣмъ отрѣ-

---

[47]) Асбабуль Нузуль.

пился отъ первоначальной ошибки самознанія и перенесъ ее на Коранъ, который объявилъ чудомъ. Какимъ образомъ?

Мы знаемъ, что пророкомъ онъ сталъ выдавать себя уже тогда, когда переполнившія его религіозныя волненія съ неудержимою силою просились наружу. Упорство, насмѣшки и поруганіе, встрѣченныя имъ, еще болѣе возбуждали его энтузіазмъ. Чувства въ немъ совершенно перевѣшивали разсудочную дѣятельность. Въ такомъ состояніи человѣкъ способенъ бываетъ совершить нѣчто выше обыкновеннаго. Онъ можетъ проявить чудеса мужества и силы физической, примѣръ чего мы видимъ въ ЖаннѢ' Аркъ. Онъ можетъ обнаружить необыкновенное терпѣніе, сдѣлаться извергомъ рода человѣческаго и перерѣзать тысячи людей, примѣръ чего даютъ религіозные мученики и фанатики. Способы обнаруженія такой внутренней силы указываются обстоятельствами. Если теперь мы посмотримъ на Магомета, то увидимъ, что все, въ чемъ могло выразиться бурное море пересилившихъ его чувствованій, заключалось въ его словѣ. На слово должны были перейти силы другихъ способностей его. Обстоятельства

благопріятствовали дару его языка Онъ выросъ среди бедуиновъ, языкъ которыхъ и теперь считается въ Аравіи образцовымъ. Въ молодые годы онъ часто бывалъ въ Окацѣ, гдѣ прислушивался къ состязательнымъ рѣчамъ арабскихъ Фуки дидовъ и Гомеровъ Пора жизни его была молодая. Воображеніе живо изобрѣтало картины и образы; сердце кипѣло огнемъ вѣры. Естественно поэтому ожидать, что нѣчто величественное будутъ представлять его мекканскія мнимыя откровенія со стороны своей внѣшней формы, языка, изобразительности и впечатлительности Дѣйствительно мы видимъ, что полныя отпечатка свѣжаго вдохновенія слова Магомета по временамъ бѣгутъ, какъ горный потокъ, шумный и порывистый, порой падаютъ, какъ неожиданный водопадъ и порой льются струей нѣжной элегіи Безконечно чувствительные къ прелести хорошаго языка арабы удивлялись рѣчамъ своего самозванца. Въ сиротѣ, напр., разсказывается такой случай. Когда Отба въ отвѣтъ на мирныя предложенія Корейшитовъ услыхалъ 41 главу Корана, то возвратившись къ собратіямъ, сказалъ.: Мой Богъ! я слышалъ отъ него такую рѣчь, подоб-

ную которой никогда не слыхалъ. Это не простая поэзія, не просто очаровательный языкъ, но что то было потрясающее [48]) Врагъ Магомета Валибъ бинъ Могейра, укоряемый за то, что слушалъ его, сказалъ: «клянусь Богомъ, его слова не похожи на наши стихотворенія, потому что въ нихъ какая то сладость и полнота, трогающая сердце». [48]) А поэтъ Лябитъ, поэма котораго была выставлена, какъ образецъ поэзіи въ Каабѣ снялъ ее съ показнаго мѣста, когда услыхалъ Магомета. Послѣ этого могъ ли Магометъ смотрѣть на стиль своего Корана естественнымъ образомъ? Онъ самъ больше другихъ былъ удивленъ тѣмъ, что съ его языка льются такія складныя композиціи и вотъ онъ выдалъ Коранъ за чудо;

> «Дѣйствительно, сказалъ онъ, если люди и геніи соберутся для того, чтобы произвести что нибудь подобное сему Корану, то не произведутъ ничего подобнаго,

---

[48]) Perceval 1 т. 174 - 177 стр. по Sirater-raçoul 44 л.

[48]) Асбабуль Нузуль на 74 гл. 11 ст.

хотя бы они одни другимъ были помощниками (Коранъ 17 гл. 90 ст.).

Въ мусульманскихъ догматикахъ досихъ поръ божественность Корана доказывается его неподражаемымъ краснорѣчіемъ. Прочно-ли это доказательство? Помимо психологическаго объясненія, сдѣланнаго нами, замѣтимъ слѣдующее. Во первыхъ, всѣ ; оріенталисты замѣчаютъ, что чѣмъ дальше шло время, тѣмъ больше погасало и краснорѣчіе Корана, такъ что нѣкоторые изъ нихъ по степени красоты языка главъ Корана очень удачно опредѣляли ихъ хронологическое мѣсто. Въ божественномъ творчествѣ этого быть не могло-бы Во вторыхъ, подъ конецъ меккансkаго періода Магометъ просиживалъ цѣлыя ночи надъ обработкой Корана, какъ это видно изъ него же (73 гл 1—7 ст.) Въ третьихъ, современники представляли ему и превосходившую его Коранъ поэзію. Вотъ почему въ одинъ разъ онъ требовалъ, чтобы ему представили хоть одну статью, равную по красотѣ Корану, а въ другой десять [50]).

---

[50]) Коранъ 10 гл. 39 ст. и 11 гл. 16 ст.

Но самое главное опроверженіе догматикъ мусульманскихъ даютъ мединскія главы Корана, столь-же сухія и скучныя, какъ суха и скучна пустыня.

---

## Магометъ въ Мединѣ.

### XVII.

### Прибытіе Магомета въ Медину, встрѣча его и положеніе въ этомъ городѣ.

Перенесемся на минуту мыслію своею въ Аравійскую пустыню. Здѣсь на дорогѣ, соединяющей Мекку съ Мединой продолжаетъ свой путь Магометъ съ нареченнымъ тестемъ и другомъ Абу Бекромъ. Гонцы, посланные корейшитами отыскивать его воротились. Вотъ съ вершины горы онъ увидалъ чудную Медину, окруженную пальмами и утопавшую въ садахъ и рощахъ. Можетъ быть, Магометъ вспомнилъ, что въ дѣтскіе годы онъ бывалъ съ своей матерью въ этомъ восхитительномъ городѣ. Но его больше тревожилъ вопросъ, не повторится-ли на родинѣ матери таифская исторія, не придется-ли и изъ Медины спасаться, какъ изъ Мекки. Въ неразрѣшимыхъ сомнѣніяхъ онъ не хочетъ идти прямо къ цѣ-

ли, а направляется въ сосѣднюю съ городомъ деревню Кобу; самъ помѣщается въ домѣ Кольтуна, а тесть останавливается у Кариджи, на дочери котораго женится въ знакъ расположенія къ хозяину. На другой день по улицамъ уже бѣгали дѣти съ радостнымъ крикомъ: «пророкъ здѣсь» Пріемъ, оказанный пророку въ этомъ селеніи, предвѣщалъ ему полное благополучіе въ Мединѣ [51]).

Тамъ ждали его мусульмане съ нетерпѣніемъ, потому что знали, что онъ вышелъ изъ Мекки. Нѣкоторые каждый день выходили на Мекккскую дорогу и просиживали тамъ до восхода палящаго солнца въ ожиданіи Магомета. Но вотъ одинъ еврей говоритъ имъ, что онъ видѣлъ Магомета въ Кобѣ. Радость и ликованіе послышались въ крикахъ: «онъ пришелъ, онъ пришелъ». Къ пророку являются съ визитомъ и выражаютъ ему чувства своей преданности. Съ неподдѣльнымъ смиреніемъ призываетъ онъ всѣхъ къ добродѣтели. «Народъ, говорилъ онъ, выражайте свою радость въ даровании сосѣдямъ утѣшительнаго мира; удѣляйте бѣднымъ отъ дѣлъ своихъ; молитесь Богу

---

[51]) Muir 3 т. 1—7 стр.

предъ сномъ; вамъ будетъ за это рай» [52]).

Пробывши въ Кобѣ четыре дня и основавши здѣсь мечеть, о которой онъ впослѣдствіи сказалъ, что она основана на благоволеніи къ Богу (Кор. 9 гл. 110 ст.), онъ, наконецъ, принимаетъ приглашеніе поселиться въ Мединѣ.

Въѣздъ Магомета въ этотъ городъ былъ неожиданнымъ тріумфомъ для него. Многочисленная толпа народа окружала его и, если вѣрить арабскимъ біографамъ, своими восклицаніями: «пророкъ! пророкъ»! придавала какой то торжественный характеръ этому шествію. Начальники города расчищали въ этой массѣ дорогу Магомету, а народъ бросалъ на нее вѣтви, хотя еще не зналъ и не смѣлъ спросить, который изъ двухъ пророкъ, такъ какъ Абу Бекръ въ эту минуту имѣлъ не менѣе величественный видъ, чѣмъ будущій зять его. Только тогда, какъ этотъ другъ Магомета догадался поднять надъ головой его свою мантію для защиты его отъ лучей солнца, народъ отличилъ главнаго винов-

---

[52]) Muir 3 т. 7 стр. по Wackidl 45 с. Hishami 172.

ника торжества[53]). Къ довершенію торжества на скорую руку сдѣлали знамя для Магомета. «О, апостолъ Божій! воскликнулъ Борейда, не подобаетъ тебѣ вступать въ Медину безъ знамени», при этихъ словахъ онъ развернулъ свою чалму и, прикрѣпивъ одинъ конецъ ея на остріѣ копья, понесъ ее предъ пророкомъ [54]). Въ самомъ городѣ главы нѣкоторыхъ семействъ гостепріимно предлагали Магомету свой кровъ: «Сойди здѣсь, пророкъ Божій! будь нашимъ гостемъ; мы богаты, знатны и преданы тебѣ», говорили они ему. Счастіе принять гостя выпало на долю Абу Айяба. Магометъ предпочелъ расположиться въ нижнемъ этажѣ его дома. Самъ хозяинъ не переставалъ услуживать ему; другіе изъ разныхъ домовъ несли Магомету съѣстные припасы: мясо, молоко, финики и т. п. [55]).

Такимъ образомъ, Магометъ, не такъ давно еще бывшій бѣглецомъ изъ роднаго города, гдѣ назначена была цѣна за его голову, вступилъ теперь въ Ме-

---

[53]) Perceval 3 т. 16 стр.

[54]) Ирвингъ 110 стр.

[55]) Perceval 3 т. 20 стр. Siratterraçoul 84 с. и Muir 3 т. 12 стр.

дину скорѣе, какъ побѣдитель, чѣмъ какъ изгнанникъ, ищущій убѣжища. Теперь положеніе его, такъ встрѣченнаго, совершенно измѣняется. Въ Меккѣ ему не давали покою; тамъ онъ долженъ былъ искать покровительства и крова у другихъ, былъ заключаемъ въ кварталѣ Абу Талиба въ безвыходномъ положеніи, принужденъ былъ убѣжать изъ города. Въ Мединѣ-же, скоро по прибытіи, онъ покупаетъ на деньги Абу Бекра усадьбу, которую еще предлагали ему взять даромъ, и строитъ нѣсколько обычныхъ у арабовъ хижинъ для своего семейства. Тамъ ему не давали спокойно помолиться въ Каабѣ. Здѣсь онъ кладетъ основаніе рядомъ съ своимъ помѣщеніемъ, мечети которую съ энтузіазмомъ воздвигаютъ вѣрующіе въ него, въ которой для него ставятъ особую каѳедру. Здѣсь съ каждымъ днемъ росло число его послѣдователей, такъ что считать ихъ онъ могъ не десятками, а сотнями и тысячами. Вся эта масса была предана своему «пророку» до самопожертвованія. Когда, напримѣръ, Магометъ обращался къ нимъ со словомъ съ каѳедры въ мечети, его привѣтствовали выраженіемъ вѣры въ него и готовности жертвовать

за него своимъ состояніемъ и жизнію[56]).

Точно также въ критическую минуту его положенія успокоиваютъ его клятвой защищать его и его вѣру, хотя бы за это пришлось умереть какъ это было выражено, напримѣръ, въ извѣстной клятвѣ «подъ дубомъ» [57]). Преданность мединцевъ Магомету доходила даже до ревности, такъ что онъ долженъ былъ ихъ увѣрить клятвой, что будетъ жить съ ними до смерти Вотъ еще характерные въ томъ-же отношеніи факты. Во время Хейбарскаго похода Магометъ женился на супругѣ замученнаго начальника непріятелей, евреевъ Сафіи. Одинъ изъ ревностныхъ учениковъ его всю ночь ходилъ на караулѣ вокругъ раскинутой палатки. «Ты зачѣмъ здѣсь съ мечомъ» спросилъ его утромъ Магометъ. «А я» отвѣтилъ онъ, «боялся, какъ-бы съ тобой не случилось бѣды». Послѣ Оходскаго пораженія мусульманъ одной женщинѣ сообщили печальную вѣсть о смерти ея отца, мужа и брата. «А что случилось съ пророкомъ»? спросила она. «Онъ живъ и здоровъ» отвѣтили ей.

---

[56]) Scholl, 125.

[57]) Muir 4 т. 32.

«Гдѣ онъ, что бы я могла видѣть» переспросила женщина и, увидавши Магомета, сказала: «когда онъ живъ, то всѣ несчастія—ничего не значатъ» [58]) Какъ будто потеря отца, мужа и брата дѣйствительно ничего не значили! Въ обыкновенной жизни услужливость Магомету со стороны его почитателей доходила до раболѣпства, а уваженіе до обожанія. Вода, напримѣръ, которую онъ совершалъ свои омовенія, считалась священною, обрѣзки отъ ногтей, брошенные имъ, подбирались вѣрующими и хранились, какъ драгоцѣнности; волосы, падавшіе съ его головы и подрѣзывавшіеся имъ, тщательно также собирались его учениками, раздѣлялись поровну между ними и сохранялись, какъ священные предметы. Нѣкоторые изъ его послѣдователей всегда носили эти волосочки на чалмахъ своихъ и вѣрили, что они дадутъ имъ сверхъестественную силу въ битвахъ со врагами. Вообще почтеніе, оказываемое Магомету его послѣдователями, было удивительно. Одинъ Корейшитъ, которому пришлось наблюдать это

[58]) Perceval 3 т. 111 стр. по Sirat-errâçeul 153 стр.

почтеніе, въ донесеніи своимъ собратьямъ такъ выражается о немъ: «Я видѣлъ царя Персіи и императора въ Константинополѣ, но никогда еще не случалось мнѣ видѣть государя, который бы такъ уважаемъ былъ своими подданными, какъ Магометъ своими послѣдователями» [59]).

Если съ каждымъ годомъ число такихъ послѣдователей все болѣе и болѣе росло, то, наоборотъ, враговъ у него постепенно становилось меньше, да и оставшіеся противниками были ему не опасны. Съ умноженіемъ мусульманъ увеличивались и матеріальныя средства Магомета. Въ послѣднемъ отношеніи онъ не только считалъ себя обезпеченнымъ, но и вообще ко всѣмъ мединцамъ считалъ себя въ правѣ обратиться съ такими словами: «не были-ли вы бѣдны и не я-ли сдѣлалъ васъ богатыми»? Въ многочисленномъ обществѣ мусульманъ онъ былъ главою, неограниченнымъ судьею, царемъ и диктаторомъ своего рода. Къ нему обращались не только за совѣтами, а и съ жалобами во всѣхъ не-

---

[59]) Ирвингъ 176—177 и 256 стр.

доумѣнныхъ случаяхъ жизни сейменой и общественной. Онъ назначалъ полководцевъ въ различные походы, самъ опредѣлялъ войну, или условія мира и назначалъ въ свое отсутствіе намѣстниковъ своихъ въ Мединѣ. Подъ конецъ своей жизни онъ составилъ планъ распространить исламъ не только во всей Аравіи, но и во всѣхъ извѣстныхъ странахъ.

Исламъ въ Мединѣ становится не только его религіею, но и его государствомъ. Онъ обзаводится серебряной печатью «посланника Бога» и отправляетъ посольства къ различнымъ царямъ съ приглашеніемъ ихъ въ свою вѣру и въ свое подданство. Такъ измѣнились обстоятельства жизни Магомета съ переселеніемъ его въ Медину. «Смотрите! говорилъ онъ самъ Мединцамъ о своемъ положеніи, я явился къ вамъ заклейменный названіемъ обманщика, но вы увѣровали въ меня, угнетенный, но вы защищали меня, какъ бѣглецъ, но вы дали мнѣ пріютъ,— безпомощный, и вы оказали мнѣ помощь»! [60]).

---

[60]) Ирвингъ 226 стр.

## XVIII.

## Перемѣна въ понятіяхъ Магомета о самомъ себѣ.

Встрѣча, оказанная Магомету въ Мединѣ, освобожденіе отъ опасныхъ враговъ, довѣріе къ нему и послушаніе мединцевъ совсѣмъ вскружили ему голову. Въ немъ заговорили новыя, до этого времени подавленныя тяжестію обстоятельствъ, страсти. Какъ бѣднякъ съ мелкою душой, сдѣлавшійся вдругъ богатымъ, какъ низкопоклонный слуга и подчиненный, неожиданно ставшій господиномъ и начальникомъ, Магометъ сталъ измѣнять съ переселеніемъ въ Медину свой тонъ, обращеніе, взглядъ и образъ жизни. Въ Меккѣ, какъ мы видѣли, онъ самъ строго наблюдалъ за собой, упрекалъ себя за случайныя оплошности и велъ жизнь сколько простую, столько и цѣломудренную. Въ Мединѣ его подозрѣвали другіе въ разныхъ преступленіяхъ, между прочимъ въ утайкѣ позолоченыхъ сѣделъ, красныхъ одеждъ и красивыхъ плѣнницъ, въ несправедливомъ разбирательствѣ спорныхъ дѣлъ и т. п. Въ его сознаніи съ особенной силой стала господствовать теперь фальшивая мысль, что онъ любимецъ небесъ и избранникъ Божій. Въ сос-

тоянiи этой фикцiи онъ постепенно предъявлялъ все большiя и большiя претензiи на власть, честь и уваженiе, какъ только онѣ понимались въ его время арабами. Онъ требовалъ, что бы къ нему обращались для суда и разбирательства спорныхъ дѣлъ.

> «Если между вами откроются споры о чемъ нибудь, предоставляйте ихъ суду Бога и посланника: это есть самый лучшiй, самый прекрасный способъ для разрѣшенiя ихъ» (Кор. 4 гл 62 ст.).

Въ тоже время онъ запрещалъ безпокоить себя неважными вопросами. Когда, напр., одинъ незаконнорожденный мусульманинъ спросилъ его: «кто мой отецъ»? Онъ, можетъ быть, потому, что не могъ отвѣтить, сказалъ по этому поводу въ Коранѣ:

> «Вѣрующiе! не спрашивайте о такихъ вещахъ, которыя, если открыты будутъ вамъ, огорчатъ васъ. Прежде васъ бывшiе люди давали такiе вопросы; но остались невѣрующими въ то, о чемъ спрашивали». (5 гл. 101 ст.).

Онъ попытался даже узаконить таксу за бесѣду съ собой:

«Вѣрующіе! когда вы будете наединѣ бесѣдовать съ посланникомъ, тогда, прежде бесѣды съ нимъ, подайте какую либо милостыню; за это вамъ будетъ хорошо, и при томъ это весьма благовидно» (Коранъ 58 гл. 13.).

Но мусульманамъ эта милостыня, собиравшаяся, какъ подать, показалась тяжелою. Они стали роптать и онъ поспѣшилъ освободить ихъ отъ нея, сказавши: «Можетъ быть, вы прежде бесѣды вашей съ нимъ *побоялись* подать милостыню?— *Богъ благопреклоненъ къ вамъ* (14 ст.)

Прежде звали Магомета, какъ всякаго араба, по имени сына его Касима, Абуль-Касимомъ Теперь онъ счелъ унизительнымъ для себя такое названіе и запретилъ его особымъ стихомъ корана:

«Не зовите пророка такъ, какъ вы между собой зовете одинъ другаго» (Коранъ 24 гл. 63 ст ).

При его появленіи въ собраніи арабы должны были, по предписанію Корана, давать ему мѣсто, подходить къ нему почтительно, говорить нѣжно, не громко, безъ возраженій и не тѣснясь около него

«Вѣрующіе! не возвышайте голоса вашего выше голоса проро-

ка, не произносите громко словъ къ нему, какъ громко произноси те между собою, чтобы не оста лись тщетными дѣла ваши, когда вы того и не узнаете. Понижающіе свой голосъ предъ посланникомъ Божіимъ—это тѣ, которыхъ сердца Богъ расположилъ къ благочестію: имъ прощеніе и великая награда Изъ тѣхъ, которые громко называютъ тебя изъ внутреннихъ комнатъ—очень многіе неблагоразсудительны» (Коранъ 48 гл. 2—4 ст.).

Если прежде Магометъ держалъ себя со всѣми арабами просто, то теперь онъ сталъ позволять входить въ свой домъ только тѣмъ, кого самъ приглашалъ, да и этимъ онъ запретилъ засиживаться у себя, приказавши имъ расходиться безъ замедленія:

«Вѣрующіе! въ домы пророка входите только тогда, когда вамъ сдѣлано будетъ приглашеніе къ трапезѣ и ко времени ея будутъ ждать васъ. Когда будете позваны, тогда придете; и когда покушаете, расходитесь и не медлите тамъ для какого либо дѣла: это

стѣсняетъ пророка. Онъ стыдится сказать вамъ это; но Богъ не стыдится указать вамъ должное» (Коранъ 33 гл. 53 ст.)

Послѣ удачныхъ войнъ онъ присвоилъ себѣ право распоряжаться добычей и брать изъ нея себѣ львиную долю, которую онъ опредѣлялъ по собственному опредѣленію.

«Знайте, что изъ всего, что ни берете вы въ добычу, пятая часть Богу, посланнику и родственникамъ его. (Кор. 8 гл. 42 ст).

Въ самоуслажденіи своими претензіями и правилами Магометъ дошелъ до такого абсурда, что не только эти права считалъ исходящими къ нему отъ Бога, но думалъ что и все, чего бы онъ ни пожелалъ, освѣщалось на небѣ. Въ такомъ чрезмѣрномъ самообольщеніи онъ присвоялъ себѣ срамныя права и привилегіи въ супружеской жизни, сообщая имъ авторитетъ Божественнаго полномочія Для него стало недостаточно довольствоваться одною женою. Онъ заводитъ цѣлый гаремъ для вознагражденія себѣ въ старости за цѣломудріе молодости. Мусульманскіе біографы его свидѣтельствуютъ, что онъ имѣлъ кромѣ наложницъ 15 женъ и одновременно содержалъ 11 женщинъ въ

своимъ гаремѣ. А такъ какъ такая почтенная цыфра выходила изъ границъ приличія простаго араба и того времени, то Магометъ не устыдился освятить свои права на сладострастіе особымъ откровеніемъ, позволявшимъ ему не въ примѣръ прочимъ имѣть столько женъ, сколько онъ захочетъ:

«Пророкъ! Мы разрѣшили тебѣ брать въ супруги тѣхъ, которымъ дашь ты брачные дары; невольницъ, какими владѣетъ рука твоя изъ той добычи, какую доставилъ тебѣ Богъ, дочерей дядей твоихъ и дочерей тетокъ твоихъ по отцу; дочерей дядей твоихъ и дочерей тетокъ твоихъ по матери; тѣхъ, которыя вмѣстѣ съ тобой переселились сюда, и всякую вѣрующую женщину, если она отдастъ себя пророку, если пророкъ захочетъ жениться на ней: это твое особенное право, а не всѣхъ вѣрующихъ» (Кор 33 гл. 49 ст).

Ослѣпленный до потери различія добродѣтели отъ страсти Магометъ и своимъ женамъ усвоялъ особое значеніе:

«Пророкъ ближе къ вѣрующимъ, нежели сколько близки они

къ себѣ самимъ и супруги его матери вѣрующихъ» (Коранъ 33 гл. 6 ст.). «Жены пророка! вы не то, что всѣ другія жены» (32 ст.)

Говорить съ ними кому нибудь можно было только чрезъ занавѣсъ, по смерти Магомета жениться на нихъ никто не имѣлъ права:

«Вѣрующіе! когда вы *у нихъ* будете просить, какой либо домашней вещи, то спрашивайте у нихъ чрезъ занавѣсъ; такъ лучше сохранится чистота вашихъ сердецъ и ихъ сердецъ· никогда не должно вамъ жениться на женахъ его послѣ него; это дѣло великое предъ Богомъ» (Коранъ 33 гл. 53 ст.).

Съ величайшей надменностью и самоувѣренностью Магометъ ставилъ теперь себя наравнѣ съ Богомъ, свои мысли и приказанія онъ отожествлялъ съ Божественными. Выраженіе:

«Кто повинуется посланнику сему, тотъ повинуется Богу» (Коранъ),

теперь стало въ его устахъ обычнымъ. Самообольщеніе и упоеніе своимъ вліяніемъ у него дошло до того, что онъ

сталъ хвастаться своими недостатками и выводить изъ нихъ даже доказательства особенной къ себѣ благости Бога. Вотъ какъ, напримѣръ, онъ смотрѣлъ на свое невѣжество, доходившее до безграмотности:

> «Онъ изъ среди безграмотныхъ воздвигъ посланника, поучающаго ихъ писанію и мудрости: такова благость Бога» (Коранъ 62 гл. 2—3 ст.).

Но гдѣ болѣе всего обнаружилась нравственная порча Магомета подъ вліяніемъ перемѣны его обстоятельствъ, такъ это въ его отношеніи къ врагамъ своимъ и ко всѣмъ иновѣрцамъ.

## XXIX.

## Развитіе нетерпимости Магомета и дѣло въ Нахлѣ.

Въ Меккѣ обстоятельства жизни Магомета привели его къ наставленію поснисходительнѣе относиться къ невѣрнымъ; выражать же нетерпимость къ нимъ онъ не имѣлъ возможности. Но это не значитъ, чтобы онъ былъ тогда совершенно чуждъ задатковъ того фанатизма, который онъ проявилъ въ Мединѣ. Не смѣя

открыто высказать народу своему правило о мести врагамъ своимъ, онъ таилъ тогда въ глубинѣ души своей сильнѣйшую злобу и ненависть къ нимъ. Подъ вліяніемъ этой злобы онъ, напр., считалъ вполнѣ справедливымъ подвергнуть ихъ мукамъ ада и бѣдствіямъ въ этой жизни Подъ вліяніемъ той-же злобы у него вырывались въ откровеніяхъ такія слова, которыя были ничѣмъ другимъ, какъ бранью и злорадствомъ по отношенію къ противникамъ. Только изъ этого грязнаго источника могло произойти то, что онъ обзывалъ ихъ въ коранѣ такими словами, какъ «незаконнорожденный, ненавистникъ, беззаконникъ», и извѣщалъ объ ожидающей ихъ мукѣ такими фразами, какъ: «насладись ты, силенъ, знатенъ», «обрадуй вѣстью о лютомъ наказаніи и проч. Теперь, въ Мединѣ, когда эти враги стали не страшны, скрытая и затаенная ненависть къ нимъ должна была всплыть наружу. Его натура, воспитанная среди языческихъ правилъ мести, не могла вынести христіанскаго смиренія. Онъ не имѣлъ силы успокоиться; онъ считалъ бы себя несчастнымъ, если-бы не постарался смыть позоръ съ своего прошлаго подчи-

нить себѣ заклятыхъ враговъ своихъ и такимъ образомъ утолить своей жаждѣ мести. Онъ жаждетъ этой мести, онъ ищетъ случая только повредить своимъ соотечественникамъ, потому что это доставляетъ ему непонятное для насъ наслажденіе. Съ цѣлію этого самоуслажденія онъ начинаетъ снаряжать отряды для ограбленія мекскихъ караванновъ, самъ принимаетъ участіе въ грабительскихъ походахъ, самъ командуетъ ими на полѣ сраженій съ прежними врагами и подсылаетъ убійцъ къ прежнимъ врагамъ своимъ.

Разъ измѣнивши самому себѣ и заблудившись съ прежней дороги мирнаго «обличителя и благовѣстителя», Магометъ уже не могъ снова возвратиться на нее. Война съ Мекскими врагами, начатая по одному чувству мести, осложняется все большими и большими мотивами. Къ страсти мести, двигавшей пророка ислама во всѣ походы и войны противъ враговъ, присоединилась другая, не менѣе сильная и одинаково недостойная религіознаго проповѣдника страсть—къ легкой наживѣ, къ грабежу каравановъ и захвату военной добычи. Нѣсколько по-

ходовъ, въ первое преимущественно время, было предпринимаемо противъ торговыхъ каравановъ Мекканцевъ и изъ за этого побужденія. Нѣкоторыя битвы и проиграны были Магометомъ потому, что его разбойники съ чрезмѣрной жадностью бросались на добычу. Каждый походъ Магомета, вытекая изъ этихъ низкихъ побужденій, самъ служилъ къ развитію этихъ-же побужденій и въ свою очередь являлся поводомъ къ новымъ враждебнымъ дѣйствіямъ противъ многобожныхъ арабовъ. Если онъ кончался удачно для мусульманъ, то возбуждалъ въ нихъ грубое чувство силы и самодовольства и увлекалъ къ опытамъ новаго геройства и торжества надъ врагами. Если походъ сопровождался большими потерями для Магомета, то онъ вызывалъ сильнѣйшее озлобленіе въ немъ и сильнѣйшую потребность мести. Наоборотъ, враги его въ первомъ случаѣ сами старались мстить ему, во второмъ— ликовали; но въ томъ и другомъ случаѣ разжигали въ пророкѣ лишь кровожадные инстинкты. Такимъ образомъ, начавшаяся борьба должна была тянуться безпрерывно и безъ конца, до совершеннаго торжества какой либо одной изъ враждующихъ сторонъ. Ес-

ли такимъ образомъ, жизнь Магомета въ Меккѣ была для него непрерывнымъ рядомъ оскорбленій, обидъ и преслѣдованій, то въ Мединѣ она представляла непрерывный-же рядъ его собственныхъ преслѣдованій, его постоянныхъ походовъ, сначала грабительскихъ, съ цѣлью мщенія, потомъ военныхъ и религіозныхъ, съ цѣлью захвата добычи, вліянія и распространенія ислама. Теперь въ экзальтаціи своего восторженнаго духа онъ старается убѣдить себя и дѣйствительно былъ убѣжденъ что власть, доставшаяся ему, дарована ему, какъ средство для выполненія его великихъ намѣреній и что волею самаго Бога онъ призванъ воспользоваться этой властью. Таковъ, по крайней мѣрѣ, былъ смыслъ достопамятнаго манифеста, изданнаго имъ въ ту эпоху и измѣнившаго весь характеръ и судьбы его вѣроученія.

«Равные пророки, говорилъ онъ, посылались Богомъ, чтобы показать различныя Его свойства: Моисей Его промыслъ и милосердіе, Соломонъ—Его мудрость, величіе и славу; Іисусъ Христосъ Его правду, всевѣдѣніе и могущество. Но ни одного изъ этихъ свойствъ недостаточно

было для убѣжденія людей; даже къ чудесамъ Моисея и Іисуса они относились съ невѣріемъ. А потому я, послѣдній изъ пророковъ, посланъ съ мечемъ Пусть-же тѣ, которые проповѣдуютъ мою вѣру, не прибѣгаютъ ни къ доводамъ, ни къ разсужденіямъ, а убиваютъ всѣхъ, отказывающихся повиноваться закону. Всякій, кто сражается за правую вѣру, падетъ-ли онъ, или побѣдитъ, навѣрное получитъ славную награду» [61]). Такъ Магометъ пришелъ изъ мысли о необходимости обращать людей въ исламъ не мирною проповѣдью, а силою оружія.

Всѣхъ войнъ, битвъ и сраженій, которыя велъ Магометъ самъ или чрезъ своихъ полководцевъ, было больше сотни. Чтобы видѣть, какъ характеризуютъ его эти военные подвиги и какъ они вліяли на Коранъ, достаточно остановиться на нѣкоторыхъ изъ нихъ.

Свои враждебныя дѣйствія противъ иновѣрцевъ Магометъ началъ съ Мекканцевъ въ 7-й мѣсяцъ по прибытіи въ Медину. Онъ посылалъ одну за другой три шайки разбойниковъ грабить караваны

[61]) Ирвингъ 124 стр.

Мекканцевъ; потомъ, 3 раза самъ водилъ тѣхъ-же разбойниковъ. Всѣ эти походы предпринимались, какъ бы съ сознаніемъ гнусности ихъ и Магометъ остерегался освятить ихъ откровеніемъ. Но само собою понятно, что онъ былъ недалекъ отъ такого шага. Нужно было только представиться благопріятному случаю, который-бы вынудилъ его оправдать начатый имъ образъ дѣйствія. Такой случай незамедлилъ явиться. Это было извѣстное и надѣлавшее много шуму дѣло въ Нахлѣ.

Въ одно время онъ узнаетъ, что изъ Сиріи въ Мекку направляется караванъ, можетъ быть, небольшой, но съ незначительнымъ конвоемъ. Захватить его было не легко; но время было священное—мѣсяцъ Раджебъ, никогда не осквернявшійся у арабовъ насиліемъ и кровопролитіемъ. Пророкъ употребляетъ очень хитрый способъ избѣжать обвиненія за нарушеніе гуманнаго обычая. Онъ вручаетъ Абдаллаху ибнъ-Джасъ записку съ секретнымъ содержаніемъ, которое тотъ долженъ узнать не раньше, какъ придетъ въ долину Маллалъ, на два дня пути по дорогѣ въ Мекку. Въ письмѣ было сказано: «Иди въ Нахлу во имя Бога и съ Его благословеніемъ! не бери

съ собой никого противъ воли. Иди только съ тѣми, которые тебя будутъ сопровождать охотно и, когда придешь въ долину Нахлу, здѣсь остановись въ ожиданіи каравана Корейшитовъ».

Съ семью смѣлыми мусульманами Абдаллахъ прибылъ въ долину Нахлу, двухъ изъ нихъ оставилъ стеречь верблюдовъ, а съ остальными развѣдывалъ о караванѣ. Караванъ дѣйствительно шелъ и только съ 4 проводниками. Чтобы не возбудить въ нихъ подозрѣванія одинъ изъ шайки Абдаллаха переодѣлся богомольцемъ, поравнялся съ караваномъ и посовѣтывалъ хозяевамъ его остановиться на травѣ. Въ тотъ моментъ, какъ караванщики приготовились закусывать, на нихъ бросились разбойники Абдаллаха, одного убили, двухъ связали и вмѣстѣ съ добычей привели къ Магомету плѣнниками; четвертый убѣжалъ. Вся Медина была оскандализована этимъ нарушеніемъ священнаго мѣсяца. Магометъ, чувствуя, что зашелъ слишкомъ далеко, показывалъ видъ, будто сердится на Абдаллаха и отвергъ предложенную ему часть добычи. Полагаясь на неясность своихъ инструкцій, онъ утверждалъ, что не приказы-

валъ Абдаллаху проливать кровь и совершать какое либо насиліе. Ропотъ тѣмъ не менѣе не умолкалъ и изъ Мекки ему вторили эхомъ корейшиты. Такимъ образомъ, обнажилось безчестіе пророка. Чѣмъ было оправдаться? «Чго-же, думаетъ онъ, если война въ такое время грѣхъ, то невѣріе есть еще большій грѣхъ»; и такой силлогизмъ выдаетъ за откровеніе.

> «Спрашиваютъ тебя о запретномъ мѣсяцѣ, говорилъ онъ въ Коранѣ,—о войнѣ во время него, скажи: война во время него великій грѣхъ, но уклоняться отъ пути Бога, не вѣровать въ Него и въ запретную мечеть, изгонять изъ нея посѣщающихъ ее еще большій грѣхъ предъ Богомъ. Дѣйствительно тѣ, которые увѣровали, оставили родину и ревностно подвизаются въ войнахъ съ невѣрными, тѣ ждуть милости отъ Бога, а Богъ прощающій милосердъ». (Коранъ 2, 214—215 ст.).

Послѣ этого откровенія Магометъ раздѣлилъ добычу, давши Абдаллаху изъ нея пятую часть.

## XX.

## Бедрская битва.

Въ первое время, по прибытіи Магомета въ Медину, въ грабительскихъ походахъ его участвовали только тѣ, которые убѣжали съ нимъ изъ Мекки. Скоро и Мединцы были вовлечены имъ въ военныя предпріятія Въ первый разъ они подали помощь ему изъ корыстныхъ побужденій въ сраженіи при Бедрѣ [63])

Вина за это сраженіе всецѣло падаетъ на Магомета. Узнавши отъ лазутчиковъ о возвращеніи изъ Сиріи того самаго каравана, который сопровождалъ Абу Софіанъ и который не удалось захватить когда онъ шелъ въ Сирію, Магометъ сдѣлалъ приказаніе мусульманамъ готовиться къ походу. «Здѣсь идетъ, говорилъ онъ, караванъ Корейшитовъ, съ несмѣтнымъ богатствомъ. Идите! можетъ быть, Богъ обогатить васъ имъ». На этотъ призывъ отозвалось 305 человѣкъ.

Абу-Софіанъ, предупрежденный объ опасности, отправилъ гонца въ Мекку съ просьбой выслать ему немедленно необходимую помощь. Озлобленіе за при-

[63]) Muir 3 т. 93—140 ст. по Wackidi и Hichami. Perceval 3 т. 90 108 стр по Siratorraçoul.

чиненныя уже тревоги, чувство мести за убитаго въ Нахлѣ и опасеніе за сохранность каравана, въ которомъ были товары многихъ Корейшитовъ, скоро собрали многочисленный отрядъ. Подъ предводительствомъ Абу Джаля, теперь уже шестидесатилѣтняго старика, испытаннаго воина степи, до сихъ поръ сохранившаго пылкость и почти юношескую силу и дѣятельность, соединенныя съ старческимъ злопамятствомъ, мекканцы быстро двигались на встрѣчу своего каравана. Тѣмъ временемъ Абу Софіанъ, узнавши путь, по которому шолъ Магометъ, своротилъ на другую линію и ускореннымъ шагомъ спасъ караванъ отъ опасности, о чемъ и извѣстилъ Абу Джаля. Теперь въ лагерѣ послѣдняго поставленъ былъ вопросъ о томъ, что дѣлать; большинство совѣтовало воротиться во свояси и не вступать въ битву со врагомъ, мотивируя свое рѣшеніе, между прочимъ, тѣмъ, что пришлось-бы сражаться съ своими единоплеменниками и даже родственниками. Два племени по этимъ побужденіямъ уже воротились домой. Другіе разсуждали иначе. «До какихъ-же поръ, говорили они, мы будемъ находиться въ опасности? Когда будутъ ходить благополучно наши кара-

ваны? Когда Аравія освободится отъ своего злодѣя? Ножно-же когда нибудь положить конецъ этимъ грабежамъ»! Для предупрежденія этого зла мекканцы рѣшили не уходить съ поля раньше своего врага. Въ лагерѣ Магомета тоже происходили разсужденія. Если Корейшиты колебались относительно того, слѣдуетъ-ли продолжать свой походъ, то мусульмане рѣшили сразу такой-же вопросъ въ положительномъ смыслѣ. «Пророкъ Божій, сказалъ отъ лица всѣхъ Садъ ибнъ Муадзъ, иди, куда хочешь, воюй, или заключай миръ; мы идемъ съ тобой на край свѣта и клянемся Тѣмъ, Который послалъ тебя, мы не останемся сзади тебя, если не подохнутъ наши верблюды». О племенныхъ и родственныхъ связяхъ съ тѣми, противъ кого водилъ ихъ озлобленный пророкъ, они и не думали. Безъ угрызенія совѣсти, ради одного злопамятства, сдѣлавшаго новую вѣру истребительной, они готовы были облить кровью все, что внѣ ислама. Характерна и молитва въ этомъ случаѣ самого Магомета: «Господи не попусти убѣжать Абу Джалю, Фараону народа Твоего! Господи! положи истекать слезамъ изъ глазъ братьевъ нашихъ и покрой ихъ слѣпотою».

Такъ различными путями и по различнымъ побужденіямъ обѣ враждебныя стороны пришли къ одному рѣшенію: сразиться на полѣ битвы, которая и произошла въ Бедрѣ въ Январѣ 624 года.

Ослабленные числомъ, утомленные быстрымъ движеніемъ, безъ отдыху, отрѣзанные отъ воды и поставленные въ невыгодную позицію—въ ущельѣ, подъ горою, на которой стояли мусульмане, менканцы потерпѣли пораженіе. Семьдесятъ человѣкъ, въ томъ числѣ и Абу Джаль, были убиты; столько же было взято плѣнниками, которые обѣщали хорошій выкупъ Магомету и вмѣстѣ съ верблюдами и оружіемъ доставили ему неожиданную и богатую добычу, предъ которой 17 собственныхъ жертвъ, павшихъ въ битвѣ, для него ничего не значили.

Для ислама это была своего рода Марафонская побѣда [64]). На нее смотрѣли, какъ на доказательство истинной вѣры, какъ на побѣду надъ заблужденіемъ. Въ Мединѣ послѣ нея почти всѣ увѣровали въ Магомета и, охотно присоединяясь къ нему ради добычи отъ грабежа, способствовали ряду слѣду-

[64]) Потому-то мусульманскіе біографы Магомета отводятъ описанію ея цѣлыя сотни страницъ.

щихъ побѣдъ его. Его значеніе сразу поднялось въ глазахъ склонныхъ къ грабежамъ арабовъ. Для мекканцевъ этотъ изгнанникъ и бѣглецъ сталъ опаснымъ соперникомъ. Можно представить торжество его и упоеніе чувствомъ мести. Удовлетворенная злоба его доходила до неистовства. «Отба, Шейба, Омейя, Абу Джаль! прокричалъ онъ, когда труппы ихъ свалили пренебрежительно въ одну кучу,—покажите теперь мнѣ основанія, что богъ вашъ обѣщалъ вамъ истину; что обѣщалъ мнѣ мой Богъ, на это я имѣю теперь доказательство! Горе этимъ людямъ. Вы отвергли меня, пророка вашего! Вы меня выгнали и другіе дали мнѣ убѣжище; вы противъ меня строили козни и другіе оказали мнѣ помощь»! «Зачѣмъ, пророкъ, ты говоришь это мертвымъ» спросилъ его знаменщикъ. «Да, поистинѣ, они отлично теперь знаютъ, что обѣщаніе Господа моего теперь исполнилось на нихъ», отвѣчалъ Магометъ. Изъ этой сцены можно заключить, что на побѣду Бедрскую онъ взглянулъ, какъ на исполненіе тѣхъ угрозъ, которыя сулилъ онъ своимъ соотечественникамъ въ Меккѣ и которыя причинили ему столько муки и тревогъ.

Послѣ этого не удивительно, что побѣда Бедрская послужила Магомету богатымъ матеріаломъ для откровеній. Въ послѣдствіи, послѣ неудачъ, онъ обращается къ ней за успокоеніемъ и вспоминаетъ ее для ободренія падавшихъ духомъ своихъ послѣдователей. Теперь онъ объявилъ ее дѣломъ благоволенія Божія къ нему. Малѣйшія частности изъ исторіи ея онъ истолковалъ, какъ особыя знаменія Божіи вѣрующимъ. Напримѣръ, дождь наканунѣ битвы Богъ послалъ для ободренія сердецъ его воиновъ; въ сновидѣніи онъ видѣлъ враговъ многочисленными потому, что Богъ хотѣлъ вселить въ ихъ отвагу; спрятавши въ засаду половину изъ своего состава, мекканцы представились не въ полномъ числѣ вѣрующимъ въ него тоже по особымъ намѣреніямъ Божіимъ. Кромѣ того, Богъ велѣлъ вступиться ангеламъ за вѣрующихъ и послалъ ихъ 1000; а сатана представилъ врагамъ дѣло въ прекрасномъ положеніи. Такимъ образомъ въ одно и тоже время и Богъ и сатана содѣйствовали одному и тому-же дѣлу, т. е. торжеству вѣрующихъ въ Магомета[65]). Такъ заговорился онъ въ упоеніи удов-

[65]) Кор. 3, 19; 8, 45—56.

летворенной местью, отдавшись мистическимъ созерцаніямъ

## Оходское пораженіе Магомета.

На другой годъ послѣ Бедрской побѣды, Магометъ потерпѣлъ сильное пораженіе въ Оходѣ. Абу Софіанъ поклялся не имѣть съ своими женами сообщенія и отказать себѣ въ благовоніяхъ до тѣхъ поръ, пока не отомститъ Магомету за день Бедра и за ограбленные караваны. Съ удовольствіемъ онъ принялъ начальство надъ 3000 храбрыхъ воиновъ и выступилъ въ походъ, когда двѣ вѣрныя жены его съ своими подругами возбуждали своими пѣснями ненависть ко врагу. И число войска, и опытность его предводителя, и общая возбужденность предвѣщали Магомету Оходское пораженіе.

Онъ находился въ селеніи Кобѣ, какъ пришло въ нему извѣстіе о грозящей бурѣ. Быстро отправился онъ въ Мединy и собралъ своихъ приверженцевъ. Выходить-ли на встрѣчу врагамъ, или ждать нападенія ихъ въ городѣ? Самъ онъ склонялся на послѣднее, выставляя на видъ между прочимъ неравенство силъ,

такъ какъ онъ не расчитывалъ собрать столько храбрецовъ, сколько было подъ командой Абу Сафіана. Старики держались того же мнѣнія. Но горячая молодежь, болѣе увлекающаяся и жадная къ добычѣ, настояла на томъ, чтобы сраженіе произошло въ открытомъ полѣ. Однако такихъ охотниковъ собралось не болѣе тысячи человѣкъ, да и они ощутили страхъ и пожелали ждать враговъ въ городскихъ стѣнахъ. «Нѣтъ, возразилъ теперь Магометъ, не подобаетъ пророку, разъ обнаживъ свой мечъ, вкладывать его въ ножны, или разъ двинувшись впередъ, обращаться назадъ, пока не рѣшилъ Богъ между нимъ и его врагомъ». Самоувѣренность пророка была жестоко наказана однакожъ.

Сраженіе произошло на полѣ оходскомъ. По началу его нельзя было опредѣлить конца. Та и другая сторона наступала на противную съ одинаковой отвагой. Но вотъ другъ Магомета сдѣлалъ отчаянное движеніе въ самый центръ войска Абу Сафіана. Корейшиты поколебались. Старики Мухаммеда, считая побѣду вѣрной, бросились по разнымъ направленіямъ за добычей и тѣмъ испортили свое дѣло; ихъ аттаковали съ ты-

лу, однихъ убили, другихъ обратили въ бѣгство. Самому пророку разсѣкли камнемъ губу и выбили передніе зубы; онъ упалъ и валялся безъ памяти Враги въ смерти его не сомнѣвались. Они торжественно ушли домой, оставивъ мусульманамъ 74 трупа на погребеніе Въ числѣ этихъ павшихъ въ бою былъ и Хамза Такъ, послѣ яснаго дня наступило для пророка арабскаго ненастье.

Изъ Медины на встрѣчу побѣжденнымъ бѣжали женщины удостовѣриться въ печальномъ извѣстіи. Ихъ крики по убитымъ далеко разносились по пустынѣ. Особенно безутѣшна была Сафія, сестра доблестнаго Хамзы «Гдѣ мой братъ», спрашивала она Магомета, обливаясь слезами «Я не пойду домой, пока не увижу его». «Оставьте ее наединѣ излить свою скорбь», сказалъ онъ, обращаясь къ мусульманамъ Сафія бросилась на трупъ брата и горько зарыдала. Зарыдалъ и самъ Магометъ вмѣстѣ съ дочерью своею Фатимой. При видѣ удрученной горемъ Сафіи и обезчещеннаго трупа вѣрнѣйшаго изъ своихъ сподвижниковъ, онъ пришелъ въ сильное возбужденіе. Схватившись за бороду, онъ поклялся убить за Хамзу 30 корейши-

товъ и началъ посылать въ слѣдъ враговъ проклятія. Въ утѣшеніе Сафіи онъ сказалъ, что имя брата ея запишется въ ряду именъ счастливыхъ жителей верхняго рая, какъ Льва Божія и Его Пророка.

Возвратившись въ Медину, онъ задумалъ было отомстить мекканцамъ; собралъ народъ въ мечеть и предложилъ ему догнать враговъ. «Какъ думаете, далеко-ли они ушли теперь»? спросилъ онъ. «Не больше, какъ на одну стоянку», отвѣчалъ Тальха. Но отправленный отрядъ не имѣлъ никакого успѣха и дней черезъ 5—6 воротился, еще разъ доказавъ, на сколько цѣлесообразны распоряженія пророка [65]).

Обаяніе Магомета сильно пострадало отъ понесеннаго имъ пораженія Если побѣда Бедрская имъ самимъ была истолкована, какъ знакъ благоволенія Божія, то пораженіе Оходское, естественно, считалось наказаніемъ Божіимъ, или доказательствомъ за старую вѣру и противъ новой. Если послѣ Бедра Магометъ обращался къ тѣламъ убитыхъ корей-

---

[65]) Muir 3 т 179—200 стр. по Katib al Wackidi и Tabari

шитовъ съ вопросомъ: «гдѣ ваши боги», то теперь, съ такимъ же основаніемъ и съ большимъ смысломъ Абу Сафіанъ кричалъ: «Это воздаяніе вамъ за день Бедра Счастіе перемѣнчиво Слушайте! если вы находите среди своихъ многихъ изувѣченными, то это не по моей винѣ. Слава принадлежитъ Оззѣ! Слава и Гобалу». Да и не только Абу Сафіанъ, а и многіе изъ мусульманъ какъ видно изъ корана, «поспѣшили къ невѣрію». Можно теперь представить себѣ, каково должно было быть душевное состояніе Магомета! Онъ вынужденъ былъ чѣмъ нибудь утѣшить себя и другихъ и объяснить печальный и дѣйствительный фактъ неудачи. «Было, говоритъ онъ, время, когда Богъ помогъ намъ въ Бедрѣ и послалъ 2 даже 5 тысячъ ангеловъ. Помощь только отъ Бога», слѣдовательно, не въ нашей власти то, окажетъ-ли Онъ благоволеніе къ нимъ, или накажетъ ихъ «Во власти Бога все, что на небесахъ и что на землѣ». «Не унывайте и не печальтесь: если вы потерпѣли пораженіе, то они еще прежде потерпѣли такое же пораженіе». Но Богъ не безъ цѣли измѣняетъ событія: нужно-же ему знать истинно вѣрующихъ, чтобы истре-

бить нечестивыхъ. Вѣдь нельзя сойти въ рай прежде, чѣмъ Богъ узнаетъ готовыхъ сражаться. Если Магометъ подвергался самъ опасности быть убитымъ то вѣдь онъ только посланникъ. Да вы сами виноваты въ пораженіи; вы оказались робкими, послѣ того какъ разъ уже поразили ихъ; вы мало оказали повиновенія и погнались за тлѣнными благами. А что многіе пали убитыми, такъ они умерли бы все равно, если бы и въ домахъ своихъ остались. «Тѣмъ, которые, сидя дома, говорили о своихъ ближнихъ: «если-бы они послушались насъ не были бы убиты», можно сказать: «отгоните отъ себя смерть, если вы справедливы». «Да убитыхъ нельзя считать мертвыми, они живы; они радуются о тѣхъ, которые идутъ по слѣдамъ ихъ; для нихъ нѣтъ ни страха, ни печали». Такими мыслями и выводами наполнены три листа Корана (3 гл. 117—165 ст).

## Воинственность Магомета и ученіе его о войнѣ.

Въ безпрерывныхъ грабежахъ, военныхъ походахъ и битвахъ въ которыхъ прошли послѣдніе 10 лѣтъ жизни Маго-

мета, онъ не разбиралъ средствъ. Онъ подсылалъ убійцъ къ опаснымъ врагамъ своимъ и не находилъ въ этомъ ничего пошлаго. Арабскіе біографы его разсказываютъ объ этихъ подпольныхъ убійствахъ, ничто же сумняся. Они, напримѣръ, говорятъ, что когда не удался первый замыселъ убить Абу Софіана, пророкъ нанялъ другаго убійцу. Когда ему принесли голову начальника племени Лахіанъ, онъ отъ радости воскликнулъ: «по истинѣ, онъ будетъ между мною и тобою (палачъ) въ день воскресенія»[66]). Къ союзникамъ непріятелей Магометъ подсылалъ коварныхъ льстецовъ, поселить между ними вражду и недовѣріе, какъ это было, напр., во время осады Мединьі. Когда солдаты его отказывались отъ дальныхъ походовъ въ жаркое время, онъ билъ на чувственныя слабости араба и соблазнялъ ихъ обѣщаніемъ красивыхъ плѣнницъ. «Пойдемъ, возглашалъ онъ, предъ походомъ въ Табукъ, на войну съ сынами Асфара; тамъ мы возьмемъ въ добычу красивенькихъ дочерей ихъ» [67]). До чего огрубѣлъ Ма-

[66] Muir 3 т. 200 стр Perceval 3 т. 114 ст. по Siraterraçoul 155.

[67]) Асбабуль Нузуль на 9 гл 49 ст

гометъ въ военныхъ предпріятіяхъ своихъ, можно видѣть изъ того, что послѣ сдачи одного еврейскаго племени, онъ приказалъ всѣхъ ихъ закопать живыми. Вотъ еще примѣръ Возвращаясь изъ похода на одно племя, полководецъ Зейдъ разсказывалъ ему: «Начальницу племени Оммъ Кирфу я взялъ съ дочерью и братьями. Посмѣявшись надъ ними я привязалъ одну ногу Оммъ Кирфы къ одному верблюду, другую къ другому и погналъ животныхъ въ разныя стороны. Двухъ братьевъ начальницы я предалъ смерти; а дочь я привелъ тебѣ, пророкъ»! Магометъ, выслушавши это, обнялъ Зейда и поцѣловалъ [68]).

Послѣ этого понятно, какъ должна была измѣниться коранническая проповѣдь Магомета. Религіозныя темы мекканскихъ главъ Корана оставлены Откровенія, предписывавшія нравственный образъ дѣйствія, забыты. Даже о раѣ и адѣ теперь говорилось очень мало и кратко. Все вниманіе Магомета теперь обратилось на то чтобы внушить невѣрнымъ страхъ избіенія, а въ вѣрующихъ поддержать воин-

[68]) Muir 4 т 12 —13 стр по Katib al Wackidi 117 стр Perceval, 3 т. 158—159 стр по Sirraterr.

ственность. Арабамъ онъ объявлялъ въ Коранѣ войну, пока они не примутъ ислама; послѣдователямъ же своимъ онъ разъяснилъ значеніе этой войны Вышедши изъ грязнаго источника личной мести Магомета защитникамъ старой вѣры, война сдѣлалась догматомъ ислама и пріобрѣла у мусульманъ названіе «Джигада», т. е священной войны. Война за исламъ, по ученію Магомета и всѣхъ его послѣдователей, есть высшая добродѣтель и потому обязательна для каждаго магометанина. Она должна продолжаться до тѣхъ поръ, пока не сдѣлаются всѣ мусульманами. Если теперь магометанское государство не проводитъ этого принципа, то только по своему политическому безсилію. Мусульманскіе законовѣды освободили отъ обязанности воевать только несовершеннолѣтняго, раба, женщину, слѣпого, безногаго, безрукаго и лучшаго законовѣда въ какомъ нибудь городѣ [69]).

Чтобы привить такой фанатизмъ арабамъ, дававшимъ въ своей странѣ пріі-

---

[69]) „Европейскіе христіане на мусульманскомъ востокѣ", рѣчь проф. М Машанова Казань, 1889 г, 15 стр.

ютъ евреямъ и христіанамъ, Магометъ не пожалѣлъ стиховъ корана.

«Пророкъ! ревностно воюй съ иновѣрными, съ лицемѣрами и будь жестокъ съ ними» вразумляетъ онъ себя (9 гл 74 ст.).

Вѣрующіе! наставляетъ онъ другихъ воюйте съ тѣми изъ невѣрныхъ, которые близки къ вамъ: знали-бы они въ васъ вашу жестокость (9 гл. 124 ст.).

Сражайтесь съ ними дотолѣ, покуда не установится ваше поклоненіе Богу (8 гл. 40 ст.).

Когда встрѣтитесь съ невѣрными, то ссѣкать съ нихъ головы дотолѣ, пока не сдѣлаете имъ совершеннаго пораженія (47 гл. 4—5 ст).

Чтобы сильнѣе подѣйствовать на арабовъ, Магометъ указывалъ на войну, какъ на доказательство истинности ислама: въ войнѣ вѣрующимъ помогаетъ Богъ, а потому на побѣду всегда можно расчитывать. Если кто изъ мусульманъ падалъ въ битвѣ, Магометъ объявлялъ его переселившимся въ рай и увѣнчавшимся вѣнцомъ славы. Если кто отказывался отъ войны, тому гово-

рилось, что онъ, какъ и не вѣрный, не будетъ пощаженъ. Охотно же шедшимъ на поле сраженія обѣщалась сугубая награда въ раю Побѣду Магометъ объяснялъ помощью Бога, а пораженіе какими нибудь софизмами Послѣдніе привели его къ мысли о предопредѣленіи, по которому каждый моментъ въ жизни человѣка и каждый шагъ его заранѣе назначенъ Богомъ Обѣщаніемъ райской награды не всегда можно было успокоить оставшихся послѣ какого нибудь похода сиротами, вдовыми, бездѣтными. Блаженство убитыхъ не такъ несомнѣнно, какъ реальное несчастіе ихъ погибели. Къ тому же блаженство то не ушло бы отъ нихъ, если бы они и не умерли преждевременно, такъ какъ оно заслужено ими вѣрою въ пророка, по его же словамъ, сказаннымъ въ Меккѣ:

> Тѣмъ, которые вѣруютъ и дѣлаютъ доброе, награда неистощится (Кор 41 гл. 7 ст.)

Такимъ образомъ въ утѣшеніе своихъ послѣдователей и для поддержанія въ нихъ воинственности приходилось измышлять что нибудь новое. Въ противорѣчіе съ мекканскими рѣчами своими онъ началъ говорить, что все находится въ

безусловномъ распоряженіи Бога: если кто умираетъ на войнѣ, то умираетъ не потому, что пошелъ на вѣрную смерть, а потому, что ему назначено Богомъ умереть въ это время. Такъ дѣйствительно онъ и сказалъ послѣ Оходскаго пораженія. Вдовы и сироты тогда плакали и причитали:

> если бы они были съ нами, они не умерли-бы, не были бы убиты» —

Магометъ отвѣчаетъ ими въ Коранѣ:

> сли-бы вы и въ домахъ своихъ остались, то тѣ, которымъ предписана смерть, вышли бы на мѣста своего пораженія: Богъ даетъ жизнь и смерть (Кор. 3 гл. 148 ст.).

Дальнѣйшій выводъ отсюда былъ таковъ, что Богъ по своему усмотрѣнію, а не по вѣрѣ и дѣламъ человѣка опредѣляетъ его будущую судьбу; это и сдѣлано въ мусульманской догматикѣ.

И такъ, все Магометъ употребилъ для того, что-бы сдѣлать своихъ послѣдователей ожесточенными врагами иновѣрцевъ Даже ученіе о Богѣ, какъ правосудномъ мздовоздаятелѣ, принесъ онъ въ жертву своей злобѣ и мести къ преж-

нимъ врагамъ своимъ. Напрасно сталъ бы кто нибудь, по примѣру нѣкоторыхъ французскихъ панегиристовъ Магомета, снимать съ него вину въ узаконеніи войны и сваливать ее на духъ времени, воинственность арабовъ и т. п. Мы знаемъ, что онъ первый началъ грабить караваны своихъ соотечественниковъ, первый началъ съ ними войну, нарушилъ вѣроломно договоръ съ ними и умеръ, не дождавшись возвращенія своихъ полководцевъ. А изъ Корана мы видимъ, что арабы были способны болѣе къ мирной жизни, тяготились войной и самозванному пророку пришлось обличать ихъ за эти гуманныя качества Вотъ, какъ, напримѣръ, онъ обличалъ арабовъ за ихъ миролюбивыя стремленія:

> Вамъ предписана война и *она вамъ крайне отвратительна.* Но, можетъ быть, вы чувствуете отвращеніе отъ того, что добро для васъ и, можетъ быть, любите то, что зло для васъ (Коранъ 2 гл. 212—213 ст.).

Даже друзья этого пророка въ отсутствіе его говорили: Господи! для чего

> Ты предписываешь намъ войну; что Тебѣ не дать намъ от-

срочки до близкаго уже предѣла нашей жизни (Кор. 4 гл. 79 ст. и мн. др.).

## Отношеніе Магомета къ іудеямъ и христіанамъ.

Въ Меккѣ отношенія Магомета къ іудеямъ были дружественныя. Онъ призналъ божественными ихъ Писанія, на самихъ ихъ смотрѣлъ, какъ на авторитетныхъ «людей Писанія», и вѣру ихъ считалъ спасительной. Въ Мединѣ съ перемѣной положенія и нравственной физіономіи арабскаго пророка измѣнились и отношенія его къ іудеямъ.

Сначала онъ держался въ отношеніяхъ къ нимъ прежняго принципа и многое копировалъ съ ихъ учрежденій. Установилъ, напр., постъ по іудейскому образцу, ввелъ трубы для созыванія къ молитвѣ и пр. Но потомъ отношенія эти стали болѣе и болѣе натянутыми. Много являлось взаимныхъ недоразумѣній и столкновеній. То, напр., мусульманинъ подкидываетъ къ іудею краденую вещь, жалуется на него и вводитъ пророка въ обманъ, въ которомъ онъ осуждаетъ невиннаго; то іудеи берутъ съ него боль-

шой процентъ [70]) и не возвращаютъ ему заложенную за 100 дирхемъ одежду; а при встрѣчѣ съ нимъ подозрительно перешептываются. То Магометъ упрекаетъ ихъ въ лицемѣріи и требуетъ вѣры въ себя. То они смѣются надъ грабителемъ и многоженцемъ, заводятъ съ нимъ споры, обличаютъ его въ невѣжествѣ, соединяются съ его врагами и пишутъ элегіи по павшимъ въ битвѣ врагамъ его. Все это раздражало Магомета. Послѣ Бедрской битвы онъ началъ грозить имъ войною. «Принимайте исламъ, а то и съ вами повторится тоже, что съ многобожниками» говорилъ онъ. Іудеи и слышать не хотѣли, что Магометъ — пророкъ. Тогда онъ начинаетъ мстить имъ. Не дожидаясь суда божественнаго, которымъ грозилъ онъ іудеямъ, онъ занялся избіеніемъ нѣкоторыхъ болѣе опасныхъ личностей. Поэтесса Асма, сатирики Абу Афакъ и Коба и начальникъ одного Еврейскаго племени, Селламъ, первые были убиты въ глубокую полночь подосланными Магометомъ убійцами Потомъ онъ началъ свои вандальскія дѣйствія по от-

---

[70]) Асбабуль Нузуль на 3 гл. 65 ст Sal, Korап, 4 гл. 106 ст

ношенію къ цѣлымъ племенамъ; выгналъ изъ Аравіи племена Кейнука, Назиръ, закопалъ живыми племя Корейза, выселилъ Кейбарцевъ, замучивши начальника ихъ предъ глазами его невѣсты и т. д

Мы считаемъ лишнимъ разсказывать объ этихъ подвигахъ арабскаго пророка, послѣ того какъ они описаны уже въ европейской и русской литературѣ [71]). Для насъ они важны не столько потому, что ими характеризуется коварство и кровожадность Магомета, сколько потому, что изъ нихъ объясняются кораническія откровенія объ іудеяхъ. Можно заранѣе предположить, что это за откровенія. Если читать ихъ въ порядкѣ настоящаго Корана, то въ нихъ будетъ одна непонятная масса противорѣчій; если же прослѣдить ихъ въ хронологическомъ порядкѣ, то придется удивляться тому, что злоба къ іудеямъ въ нихъ проявляется crescendo, т. е возрастая, такъ же, какъ она развивалась въ испорченномъ сердцѣ Магомета. Сначала онъ убѣждалъ ихъ, потомъ обличалъ, обвинялъ и отъ негодованія выходилъ изъ себя: тутъ

---

[71]) Исторія іудейства въ Аравіи» Свѣтлакова. Казань. 1875 г.

у него во рту является пѣна слюны, съ языка летятъ брызги, и онъ, раздосадованный, наноситъ на іудеевъ небывалыя вины и произноситъ надъ ними безпощадный приговоръ.

Іерусалимъ, къ которому онъ велѣлъ обращаться лицомъ во время молитвы, былъ промѣнянъ имъ на Мекку. Трубы замѣнены азаномъ, писаніе объявлялось уже не подтверждающимъ Коранъ, а подтверждаемымъ Кораномъ и, наконецъ, испорченнымъ іудеями. Сами іудеи, по словамъ Мединскаго Корана, «думаютъ, что огонь въ геенне коснется ихъ только на опредѣленные дни», «вѣруютъ въ какого то Джагута и Тагута» и совращаютъ вѣрующихъ; ихъ ожесточилъ Сатана, они самыя худыя изъ тварей, они пристрастились къ здѣшней жизни, они народъ любостяжательный и нарушаютъ клятвенные договоры, они избивали пророковъ, удаляютъ отъ вѣры и разногласятъ между собою, они скупятся въ пожертвованіяхъ на путь Божій, т. е. на войну, они не хотятъ судиться у посланника, и говорятъ: «мы сыны Божіи»; «мы друзья Божіи»; они считаютъ Эздру сыномъ Божіимъ; они самые ожесточенные во враждѣ къ вѣрующимъ, ихъ

проклялъ Давидъ и Іисусъ; друзей изъ нихъ брать нельзя, имъ будетъ вѣчная мука; война съ ними необходима.

> Вѣрующіе, восклицаетъ Магометъ, воюйте и съ тѣми изъ получившихъ Писаніе, которые не принимаютъ истиннаго вѣроустава, дотолѣ, покуда они не будутъ давать выкупа за свою жизнь, обезсиленные, униженные (Коранъ 9 гл. 29 ст.).

Такъ Магометъ отвергъ тѣхъ людей, которыхъ уважалъ прежде за знаніе Писанія, за спасительность вѣры, когда, укрѣпившись, не могъ сдержать порывовъ властолюбія.

Какъ относился теперь Магометъ къ другимъ своимъ учителямъ - христіанамъ? Біографы его не мало разсказываютъ о спорахъ, какіе велъ онъ съ христіанами и по поводу которыхъ давалъ онъ нѣкоторыя откровенія. Но споры эти убѣждали пророка только въ стойкости христіанъ въ своей вѣрѣ. Другіе факты, наприм., переходъ нѣсколькихъ мусульманъ въ христіанство, неудачное посольство къ христіанскимъ царямъ и правителямъ съ предложеніемъ ислама, пораженіе мусульманъ войсками Ѳеодосія при Мутѣ и

гроза исламу со стороны Ираклія, вызвавшая неудачный походъ въ Табукъ, привели его къ окончательному убѣжденію, что христіане не покорятся ему, что они такіе-же враги ислама, какъ іудеи и многобожники. И вотъ мы видимъ, что Коранъ, вопреки мекканской своей половинѣ, внушаетъ мусульманамъ такую же ненависть къ христіанамъ, какою пропитанъ былъ авторъ его ко всѣмъ иновѣрцамъ.

Такъ какъ главный пунктъ, который раздѣлялъ Магометанъ и христіанъ и былъ темою споровъ, заключался въ ученіи о Лицѣ Іисуса Христа, то Магометъ чаще всего и сталъ обличать христіанъ за это ученіе, забывши совершенно то, что самъ онъ говорилъ о Христѣ въ періодъ сношеній съ Абиссиніей. Христіане теперь обличаются имъ въ богохульствѣ. Подъ вліяніемъ вражды къ нимъ въ головѣ Магомета подбираются извѣстнаго рода «факты». Христіане, поэтому, стали у него поклоняться тремъ богамъ, въ числѣ которыхъ онъ ставитъ Пресвятую Дѣву Марію; подвижниковъ благочестія они считаютъ Господами; нѣкоторую часть Писанія они забыли, а нѣкоторую часть его скрыли; себя называютъ они сына-

ми Бога; между собою они ведутъ споры; подвижничество они выдумали отъ себя, потому что учители и подвижники ихъ уклоняютъ ихъ отъ пути Божія, т. е., отъ войны за исламъ; Богъ возбудилъ въ нихъ ненависть и вражду; въ друзья ихъ брать нельзя, потому-что кто подружится съ ними, тотъ останется въ ихъ сѣтяхъ; воевать съ ними необходимо (Коранъ 5 и 9 гл.).

Однако отъ прежнихъ услугъ христіанъ отрѣшиться было нельзя. Потому и въ Мединскихъ главахъ Корана попадаются стихи, въ которыхъ выражалось предпочтеніе Магометомъ христіанъ многобожникамъ. Церкви, напр., онъ ставитъ, наравнѣ съ мечетями, неприкосновенными; тѣмъ-же подвижникамъ онъ приписывалъ и благотворное вліяніе; тѣмъ же христіанамъ онъ предвѣщалъ безбѣдный жребій въ будущей жизни и, наконецъ, онъ разрѣшилъ мусульманамъ бракъ

> «съ воспитанными подъ строгой охраной дочерями тѣхъ, которымъ дано прежде Писаніе (Кор. 5 гл. 220 ст.);

между тѣмъ какъ о дочеряхъ многобожниковъ сказалъ: не женитесь на нихъ,

доколѣ не увѣруютъ онѣ (Кор. 2 гл. 220 ст.).

Впрочемъ эти стихи относятся не къ послѣднимъ, а къ первымъ годамъ мединскаго періода. А это показываетъ, что коранъ написанъ не послѣдовательною рукою религіознаго мыслителя, а рукою мечтателя, раба случайныхъ обстоятельствъ и впечатлѣній.

## Перемѣна въ нравственныхъ понятіяхъ Магомета.

Земные расчеты, личныя выгоды, честолюбивые планы, успѣхъ въ войнѣ, въ отмщеніи врагамъ и разширеніи своей власти радикально измѣнили нравственныя понятія Магомета. Въ Меккѣ онъ высказывалъ довольно высокія нравственныя сентенціи Добродушіе, терпѣливость и снисходительность къ обидчикамъ, врагамъ и ненавистникамъ онъ часто проповѣдывалъ тамъ. Теперь, сгорая чувствомъ мести и будучи поглощенъ заботою облегчить это чувство скорѣйшимъ достиженіемъ торжества надъ многобожниками и всѣми иновѣрцами, онъ проповѣдуетъ насиліе, месть и войну, считая ее послѣднею, высшею добродѣтелію му-

сульманина. Считая это величайшее зло величайшимъ добромъ, онъ и все, что ведетъ къ нему признаетъ добродѣтелію. Если въ Меккѣ онъ совѣтывалъ «злобу отклонять добротой», то теперь имъ проповѣдуется противоположный принципъ.

> «Въ мести жизнь для васъ, люди разсудительные! провозглашаетъ онъ (2, 175). Потому кто враждуетъ съ вами, съ тѣмъ и вы враждуйте такъ-же, какъ онъ враждуетъ съ вами» (2, 190).

Безпощадно истребляя враговъ своихъ, Магометъ старался вселить въ своихъ послѣдователей непримиримую вражду къ нимъ и искоренить въ нихъ природную наклонность человѣка видѣть въ другихъ людяхъ людей же. Ему хотѣлось, чтобы мусульманинъ только ненависть питалъ къ тѣмъ, кто не принимаетъ его подданства и вѣры. Изъ людей онъ превратилъ-бы всѣхъ своихъ послѣдователей въ хищныхъ, кровожадныхъ звѣрей, у которыхъ нѣтъ другихъ отношеній, кромѣ истребленія сильнаго слабымъ, и которые живутъ, какъ пожирающіе и терзаемые:

> «Вѣрующіе! говоритъ этотъ пророкъ, враговъ моихъ и вра-

говъ вашихъ не считайте друзьями своими: вы оказываете любовь къ нимъ.... Богъ запрещаетъ вамъ дружиться съ ними. Тѣ, которые съ ними дружатся, тѣ законопреступники.. Вѣрующіе! не дружитесь съ народомъ, на который гнѣвается Богъ» (Коранъ 60 гл. 1, 9, 13 ст.).

Въ Меккѣ Магометъ обѣщалъ за снисходительность и терпѣливость рай; теперь за эти же качества онъ грозитъ своимъ послѣдователямъ жестокой казнью.

«Не обращалъ ли ты вниманіе на тѣхъ, говоритъ онъ, которые дружатся съ народомъ, на который гнѣвается Богъ?

....Имъ Богъ приготовилъ жестокую казнь (Коранъ 15, 15—16).

До чего доведено въ мединскихъ сурахъ начало антагонизма мусульманъ въ отношеніяхъ къ иновѣрцамъ, видно изъ того, что въ особомъ откровеніи мнимому пророку запрещается молиться даже за нихъ, не обращая вниманія на родственныя къ нимъ отношенія.

«Не подобаетъ пророку и вѣрующимъ, читаемъ мы, просить

у Бога прощенія многобожникамъ, хотя бы они были близкими родственниками, послѣ того, какъ имъ объявлено, что они будутъ изгнаны въ огонь геенскій» (Коранъ 9 гл. 114 ст.).

Говорятъ, этотъ стихъ появился тогда, когда Магометъ хотѣлъ молиться о своемъ дядѣ Абу Талибѣ. Въ другой разъ онъ запретилъ себѣ молиться за кого бы то ни было изъ иновѣрцевъ:

«Никогда не молись ни объ одномъ изъ нихъ, когда кто нибудь изъ нихъ умираетъ, и не становись при его могилѣ, потому что они не вѣровали въ Бога и въ Его посланника и умерли нечестивыми» (Коранъ 9 гл. 85 ст.).

Если мусульманинъ хочетъ понять значеніе этихъ словъ своего Корана, пусть онъ сравнитъ ихъ съ молитвой Іисуса Христа, когда Онъ, невинно распинаемый, взывалъ о мучителяхъ своихъ:

«Отче! прости имъ; ибо не знаютъ, что творятъ» (Луки 23 гл. 34 ст.).

Если же онъ хочетъ знать къ чему приводитъ его Магометъ, пусть прочтетъ слѣдующія слова Корана:

«Ты не увидишь, чтобы люди, вѣрующіе въ Бога и въ послѣдній день, любили тѣхъ, которые противятся Богу и посланнику, хотя бы это были отцы ихъ, или дѣти ихъ, или братья ихъ, или какіе либо родственники ихъ» (Коранъ 58 гл. 22 ст.).

Такимъ образомъ, нравственныя понятія Магомета, подъ вліяніемъ его личной мести, высвобождавшейся отъ сдерживавшихъ ее обстоятельствъ, такъ измѣнились въ Мединѣ, что онъ лишилъ нравственность ея корня, самаго существеннаго основанія, и, забывши, что есть Богъ, солнце Свое сіяющій на добрыхъ и злыхъ и дождь Свой проливающій на праведныхъ и нечестивыхъ, возмечталъ себя совершителемъ судебъ человѣческихъ, заглушилъ въ себѣ и старался исторгнуть въ другихъ самые благородные инстинкты природы человѣческой. Послѣ этого нельзя безъ удивленія смотрѣть на наивныя попытки нѣкоторыхъ апологетовъ Магомета представить его гуманнымъ человѣкомъ. Напрасно было бы указывать въ его защиту на то обстоятельство, что онъ часто призывалъ мусульманъ къ милостынямъ. Въ Коранѣ, и въ Медин-

ской его половинѣ, такіе призывы дѣйствительно попадаются часто. У автора его выработалась даже постоянная, шаблонная фраза: «совершайте молитву, давайте очистительную милостыню». Но для добросовѣстной оцѣнки заслуги его въ данномъ случаѣ, нужно войти въ опредѣленіе мотивовъ, по которымъ онъ призывалъ своихъ послѣдователей къ милостынѣ.

Конечно, никто не станетъ отрицать того факта, что разлучна бываетъ заслуга, когда милостыню подаетъ богатый человѣкъ и бѣднякъ, самъ въ ней нуждающійся. Съ другой стороны не безразлично и то, кто проповѣдуетъ о милостынѣ бѣднымъ людямъ: состоятельный ли человѣкъ или не имущій. Послѣдній можетъ призывать къ милостынѣ и съ цѣлью самому попользоваться ею. Но миновеніи нужды, можетъ быть, онъ и не станетъ ни подавать самъ, ни призывать другихъ; подобно тому, какъ Магометъ, нуждаясь въ Меккѣ въ снисходительности, призывалъ къ ней всѣхъ, а освободившись отъ нужды въ ней въ Мединѣ, попралъ ее. Такъ не нуждался ли онъ въ Мединѣ въ милостынѣ и не потому ли, что нуждался, проповѣдывалъ

ее? Несомнѣнно, въ Мединѣ средства Магомета были достаточнѣе, чѣмъ въ Меккѣ. Но несомнѣнно, что у него и расходовъ прибавилось много. Чего стоило содержать одинъ гаремъ съ 15-ю женщинами? Мы знаемъ, что однажды Абу-Бекръ побилъ Айшу, а Омаръ Хэвсу за то, что онѣ просили у Магомета хлѣба[72]). Затѣмъ изъ Меккансбихъ перебѣжчиковъ многіе въ Мединѣ терпѣли недостатокъ въ кровѣ, пищѣ и одеждѣ. А во что должны были обходиться постоянные военные походы Магомета? Не ради-ли этихъ нуждъ и требовалъ онъ милостыню? Чтобы видѣть, какъ поддѣлывался арабскій пророкъ къ богачамъ, достаточно привести слѣдующее: за милостыню онъ обѣщалъ двойную награду. Мусульманамъ показалось это мало. Тогда онъ сказалъ въ Коранѣ, что за милостыню Богъ усугубитъ воздаяніе *великимъ усугубленіемъ* (3 гл. 263 ст.) Если теперь сопоставить эти слова съ Меккскимъ изрѣченіемъ, что «богобоязливый даетъ милостыню не для того, чтобы получить за то какое либо благо», то ясна будетъ и перемѣна въ его нравственныхъ понятіи-

[72]) Асбабуль Нузуль на 33 гл. 28 ст.

яхъ. Сдѣлавшись орудіемъ для военныхъ цѣлей, милостыня Магомета въ этихъ цѣляхъ и погибаетъ. По его выраженію, она настолько ниже самаго участія въ войнѣ, что эти двѣ добродѣтели и сравнивать нельзя. Потому то и теперешняя милостыня мусульманъ, или такъ называемый зякатъ, лишена своего нравственнаго смысла. Это гражданская подать, а не религіозная или нравственная добродѣтель.

## Противорѣчія въ Коранѣ и риѳмы.

Изъ сопоставленія проповѣди Магомета въ Меккѣ и Мединѣ видно, что какъ въ общемъ, такъ и въ частяхъ одна изъ нихъ стоитъ въ совершенномъ противорѣчіи съ другой. Если-бы намъ не извѣстно было происхожденіе Корана, то мы должны были бы его отнести не къ одному, а, по крайней мѣрѣ, къ двумъ авторамъ. Такое отсутствіе единства мысли въ немъ и такая противорѣчивость, конечно, равняется смертному приговору для сверхъ-естественнаго достоинства его; тѣмъ болѣе, что самъ онъ доказываетъ божественное происхожденіе свое отсутствіемъ противорѣчій.

> Ужели, читаемъ мы, они внимательно не разсматривали Корана? Если-бы онъ былъ не отъ Бога, то, навѣрно, они нашли бы въ немъ много противорѣчій (Кор. 4 гл. 84 ст.).

Между тѣмъ самому же Магомету указывали на противорѣчія въ Коранѣ и порою онъ самъ замѣчалъ ихъ, почему и выбрасывалъ нѣкоторые стихи. Чѣмъ-же оправдываетъ онъ это уничтоженіе нѣкоторыхъ стиховъ?—Всемогуществомъ Божіимъ.

> «Когда, говоритъ онъ отъ лица Бога, Мы *отмѣняемъ* какой либо стихъ Корана, или *повелѣваемъ забыть его*: тогда даемъ Мы другое, лучшее того, или равное ему. Не знаешь-ли, что Богъ всемогущъ»? (2 гл. 100 стр.).

Мусульманскіе богословы, основываясь на этихъ стихахъ, развили пресловутую «теорію отмѣненія однихъ стиховъ Корана другими» и, кромѣ совсѣмъ уничтоженныхъ, насчитываютъ 225 стиховъ въ настоящемъ Коранѣ отмѣненныхъ. Само собою разумѣется, что большая часть отмѣненыхъ стиховъ падаетъ на долю меканскихъ, какъ болѣе раннихъ. Такимъ

образомъ, все, что извлекъ Магометъ изъ лучшихъ вѣрованій и что есть хорошаго въ Коранѣ, зачеркнуто «учеными» магометанами. Напрасно эти казуисты стараются оправдать нелѣпую теорію разными софизмами. Говорятъ, напр., что отмѣненный стихъ не стоитъ въ противорѣчіи съ отмѣняющимъ Но возьмемъ для примѣра 257 ст. 2 гл:

> «Въ религіи нѣтъ принужденія; прямой путь ясно отличается отъ кривой дороги»,

отмѣненный, по теоріи, стихомъ 47 изъ гл. 4:

> «Когда встрѣтитесь съ невѣрными, то ссѣкать съ нихъ головы дотолѣ, покуда не сдѣлаете имъ совершеннаго пораженія».

Сказать, что между этими стихами нѣтъ противорѣчія можетъ только ослѣпленный изувѣръ, неспособный видѣть различія между бѣлымъ и чернымъ.

Говорятъ далѣе, что отмѣненные стихи даны, какъ временныя воспитательныя средства для приведенія арабовъ къ исламу, подобно тому, какъ ветхозавѣтный законъ былъ обязателенъ только до новозавѣтныхъ временъ. Но большая часть отмѣненныхъ стиховъ, какъ и приведен-

ный нами, касается самого существа понятія религіи и никакому измѣненію подлежать не можетъ. Потомъ, когда было испытать людямъ примѣненіе стиховъ, когда отмѣняющій послѣ отмѣненнаго давался чрезъ годъ, мѣсяцъ и иногда чрезъ день? Наконецъ еслибы отмѣненные стихи были только педагогическими средствами для людей, то отмѣненіе ихъ и стояло бы въ зависимости отъ состоянія людей. Между тѣмъ мы видимъ, что все содержаніе Корана и вся противорѣчивость его зависѣла отъ личнаго состоянія Магомета, поскольку оно обусловливалось разными обстоятельствами и, главнымъ образомъ, его положеніемъ. Послѣднее подтверждается и внѣшней формой Корана.

Мекканская половина его отличается дѣйствительнымъ, хотя и не безпримѣрнымъ, краснорѣчіемъ. Мединскія же суры не заключаютъ въ себѣ ничего художественнаго и краснорѣчиваго. Это самая простая, скучная и утомительная проза. Замѣчательно, что самъ Магометъ сознавалъ въ себѣ постепенное угасаніе поэтическаго таланта и ни разу не хвастался имъ въ Мединѣ. Напротивъ о впечатлѣніи, которое производили его откровенія въ Мединѣ, онъ самъ такъ говоритъ:

> Когда ниспосылается какая либо статья откровенія, то въ нѣкоторыхъ она прибавляетъ мерзость къ мерзости и они умрутъ, оставаясь невѣрными (Коранъ 9 гл. 125 ст.).

Этимъ ли характеризуется поэтическое и краснорѣчивое творчество? Читающему же Коранъ невольно бросается въ глаза обиліе въ мединскихъ главахъ разныхъ присловій, напр., Богъ прощающій милосердъ, Богъ слышащій, знающій, видящій и т. п. Большею частію присловья эти совершенно не идутъ къ дѣлу. Напр

> Но если они неизмѣнно рѣшились развестись съ ними: то Богъ слышащій, знающій (Коранъ 2 гл. 224 ст.).

Спрашивается, какимъ образомъ вторая половина соотвѣтствуетъ первой? Изъ сличенія съ другими мѣстами Корана оказывается, что присловье понадобилось Магомету просто для того, чтобы вышла риема, потому что въ арабскомъ текстѣ и первая половина и вторая оканчиваются созвучными словами: рахимунъ и галимунъ. Закатывающіеся годы жизни, разсудочные расчеты, военные походы и заботы разбили способность Магомета къ

дѣйствительной риѳмѣ и привели его къ фальсификаціи ея.

## XXVI.

## Семейныя обстоятельства Магомета.

Чтобы видѣть, въ какой связи находились мнимыя откровенія Корана съ жизнію Магомета, обратимъ вниманіе на семейныя обстоятельства его. Они давали ему много поводовъ къ откровеніямъ. Если при этомъ руководиться хронологическимъ порядкомъ, то прежде всего намъ слѣдуетъ вспомнить бракъ его на Зейнабѣ.

Зейнаба была женою Зейда, который былъ усыновленъ Магометомъ еще до времени его пророчествованія и назывался его именемъ, т. е. Зейдъ ибнъ Магометъ, или просто ибнъ Магометъ. Однажды пророкъ зашелъ къ нему въ домъ. Вмѣсто отсутствовавшаго хозяина онъ увидалъ предъ собой его супругу, прекрасную Зейнабу. Красавица стояла предъ нимъ одна, грудь ея была полуоткрыта, стройный станъ обтягивался легкой и узкой матеріей, въ черныхъ глазахъ блестѣла искра огня и стыдливой застѣнчивости. Пророкъ не сдержалъ сво-

его восторга и воскликнулъ: «О, Милостивый и всемогущій Аллахъ, какъ склоняешь ты сердца людей». Затѣмъ послѣдовалъ комплиментъ, который для слабаго сосуда арабской женщины равнялся объясненію въ любви.

Услыхавши отъ жены объ этомъ приключеніи, Зейдъ догадался, что нужно было сдѣлать. Онъ пошелъ къ отцу и предложилъ для его удовольствія свой разводъ. «Держи жену у себя и бойся Бога», отвѣтилъ ему Магометъ. Но Зейдъ всетаки разводъ совершилъ, мотивируя его тѣмъ, что Зейнаба гордилась своимъ происхожденіемъ.

Дальнѣйшія послѣдствія дѣла подтвердили Зейду, что онъ хорошо понималъ своего усыновителя. Сначала Магометъ колебался нарушить традиціонный законъ, воспрещавшій арабамъ бракъ въ усыновленномъ рабствѣ, а потомъ, сидя однажды съ Айшой, онъ пришелъ въ экстазъ и сказалъ: «кто хочетъ пойти и подравить Зейнабу: Богъ соединилъ ее бракомъ со мною». Саляма привела Зейнабу въ домъ Магомета и онъ вступилъ съ нею въ супружескія отношенія.

Исторія эта скоро сдѣлалась темой общественныхъ толковъ. «Вѣдь Зейда

мы звали не сыномъ Хариса, а сыномъ Магомета, какъ же онъ взялъ жену его»? говорили мединцы, подстрекаемые партіею лицемѣровъ. Чтобы оправдать свой поступокъ, Магометъ объявилъ цѣлую страницу Корана, на которой между прочимъ мы читаемъ: «Когда Богъ и посланникъ рѣшаютъ какое нибудь дѣло, тогда вѣрующему и вѣрующей уже нѣтъ произвола въ этомъ ихъ дѣлѣ.. Богъ не положилъ, чтобы принимаемые вами въ дѣти были сынами вашими... Считайте ихъ дѣтьми собственныхъ ихъ отцовъ.. Когда ты говорилъ тому, кого облагодѣтельствовалъ ты: удержи супругу твою и бойся Бога», ты скрывалъ въ сердцѣ своемъ то, что Богъ хотѣлъ сдѣлать явнымъ. А когда Зейдъ исполнилъ желаемое свое дѣло, Мы сочетали тебя съ нею для того, чтобы на вѣрующихъ не было грѣха сочетаваться съ супругами усыновленныхъ ими» [73]).

Вотъ еще исторія съ Айшой.

Айша была единственной женой Магомета, которую онп взялъ дѣвицей. Она принесла съ собою въ домъ супруга иг-

[73]) Коранъ 33 гл. 5—6 и 36—40 ст. Ас бабуль Нузуль. Muir 3 т. 228—232 по Tabari 431—433 и др.

рушки и забавлялась у него игрой въ куклы. Онъ потѣшался, глядя на нее, и то оказывалъ ей отеческое попеченіе, то составлялъ ей компанію въ ея развлеченіяхъ, разсказывалъ ей анекдоты и игралъ съ нею въ запуски. Изъ нея вышло шаловливое существо, исполненное лукавой игривости, естественнаго остроумія, дѣтской откровенности и женской хитрости. Такія женщины на востокѣ цѣнятся дороже степенныхъ хозяекъ, а потому неудивительно, что арабскій пророкъ увлекался ею и любилъ больше остальныхъ женъ. За то и труднѣе ему было перенести одно приключеніе съ ней, навлекшее на нее обвиненіе въ нарушеніи супружеской вѣрности и произведшее продолжительную семейную размолвку съ ней. Приключеніе это состояло въ слѣдующемъ.

Айша сопровождала Магомета въ его походѣ на Бани Мусталикъ. Вмѣстѣ съ войскомъ и супругомъ должна была возвращаться и она. Но къ величайшему удивленію народа верблюдъ, на которомъ ѣхала она раньше, пришелъ въ Медину съ пустыми носилками и Айша была привезена послѣ и не въ закрытыхъ носилкахъ, а у всѣхъ на виду. «Что это

значитъ», говорили въ народѣ; «что сдѣлала Айша», было на умѣ Магомета. Она объяснила ему свою отсталость такимъ образомъ.

Предъ временемъ отправленія въ Медину, она имѣла надобность отойти отъ своей палатки. Возвратясь, она замѣтила, что обронила свою браслетку іеменской работы и пошла по свѣжимъ слѣдамъ отыскивать ее. Тѣмъ временемъ всѣ тронулись съ мѣста, носильщики ея тоже, не догадавшись, что ея въ носилкахъ не было. Удивленная тѣмъ, что ея носилокъ нѣтъ, она легла на землю, закутавшись одеждой. Въ это время проходитъ мимо ея Сафванъ, узнаетъ въ ней жену пророка, подводитъ къ ней верблюда и, отвернувшись, чтобы не видѣть лица ея, когда она сѣла на животное, повелъ его въ Медину.

Можетъ быть все происходило такъ, какъ разсказывала Айша, а можетъ быть она и согрѣшила Но народная молва дѣлала свои выводы, самъ Магометъ подозрѣвалъ шаловливую жену въ измѣнѣ и пересталъ посѣщать ее. Айша сначала показывала видъ что ничего особеннаго не замѣчаетъ, потомъ когда охлаж-

деніе супруга стало слишкомъ очевидно, попросила его отпустить ее къ отцу.

Между тѣмъ въ городѣ нашлись лица, которыя съ злорадствомъ разносили исторію съ женой пророка Магометъ не зналъ, что дѣлать Онъ обращался и къ народу съ жалобой на сплетни и спрашивалъ у служанки Айши не знаетъ-ли та за госпожей своей чего нибудь. «Я не знаю за ней ничего, отвѣтила она, кромѣ того, что однажды я замѣсила хлѣбъ и просила ее посмотрѣть за нимъ, а она уснула, когда пришелъ козелъ и съѣлъ его». Наконецъ, онъ рѣшился пойти къ тестю Айша въ это время отъ печали похудѣла. «Перестань кручиниться, дочь моя, говорила ей мать, рѣдко ли бываетъ, что о красивой сестрѣ нашей, вышедшей за человѣка, который ее любитъ и который имѣетъ другихъ женъ, разносятъ и маленькій скандалъ». Магометъ сѣлъ рядомъ съ тестемъ и тещей, нѣсколько пониже Айши и сказалъ ей: «Айша, ты знаешь, что говорятъ о тебѣ въ народѣ. Побойся Бога и, если ты виновата, въ чемъ тебя обвиняютъ, покайся». Разрываясь отъ слезъ, Айша отвѣтила: «клянусь Богомъ, я никогда не буду каяться въ томъ, что говорятъ обо

мнѣ. Если я признаюсь въ правдѣ, мнѣ не повѣрятъ Одинъ Богъ знаетъ, что я невинна Я буду повторять только слова отца Іосифа: «Богъ помощникъ мнѣ въ томъ, что вы разсказываете»

Прочувствованныя слова любимой и покинутой жены произвели сильное впечатлѣніе на Магомета. Онъ впалъ въ экстатическое состояніе, безсознательно лежалъ на подушкѣ и Айша предвидѣла, что ей готовится оправданіе. Дѣйствительно, мужъ ея очнулся и воскликнулъ: «Радуйся Айша! поистинѣ Богъ открылъ мнѣ, что ты невинна! Хвала Аллаху»! Потомъ онъ обнародовалъ 25 стиховъ Корана, въ которыхъ опредѣляетъ наказаніе клеветникамъ, удостовѣряетъ невинность Айши, обличаетъ ее обвинителей и установляетъ законъ, что обвинять жену въ невѣрности можно только тогда, когда есть на лицо 4 свидѣтеля ея преступленія [74]).

Скоро послѣ этого въ гаремѣ Магомета произошла другая исторія съ Маріей Коптянкой, которая вмѣстѣ съ другой дѣви-

---

[74]) Коранъ 24 гл. 4—26 ст. Асбабуль-Нузуль Muir 3 т. 244—254 по Hischami 316 Perçeval 3 т. 164—174 Siraterr... 193—194.

цей была подарена пророку царемъ Египетскимъ. Коптянки вообще бываютъ красивы Бѣлый цвѣтъ лица Маріи, черные кудрявые волосы и цвѣтущая свѣжесть силъ сразу привлекли къ ней вниманіе господина. Подругу ея онъ отдалъ поэту Хасану, а ее самое оставилъ у себя въ особомъ домѣ, находящемся въ верхней части Медины. Плодомъ частыхъ посѣщеній ея Магометомъ было рожденіе сына Ибрагима, приведшее пророка въ неописуемый восторгъ. Чтобы не возбуждать ревности въ законныхъ женахъ къ рабынѣ, онъ держалъ въ тайнѣ интимныя отношенія къ Маріи. Но эта таинственность оказалась лишь хорошей почвой для огласки. Разъ онъ хотѣлъ поиграть съ Маріей и зашелъ съ нею въ комнату жены Хавсы, когда послѣдняя ушла навѣстить своего отца Омара. Вдругъ Хавса возвращается домой и застаетъ на своей кровати Магомета съ Маріей во взаимныхъ объятіяхъ. Въ припадкѣ ревности она начинаетъ урезонивать пророка, кричать и звать свидѣтельницъ осквернения своего ложа какой то рабыней, и грозить разсказомъ обо всемъ своимъ подругамъ. Пророку едва удалось успокоить расходившуюся жену.

Онъ поклялся навсегда порвать связь съ Маріей, лишь бы Хавса никому не говорила о его грѣхѣ. Всетаки жены Магомета узнали все, онъ потомъ сталъ жалѣть о данной клятвѣ и разъ произнесъ такое откровеніе: «Пророкъ, зачѣмъ ты, желая угодить своимъ супругамъ, считаешь, запрещеннымъ для себя то, что разрѣшилъ для тебя Богъ? Богъ прощающій, милосердъ. *Богъ позволилъ вамъ нарушать ваши клятвы;* Богъ покровитель вашъ; Онъ знающій, мудръ и т. д. Стихи эти были такъ неожиданны, что Айша по поводу ихъ замѣтила: «твой Господь, пророкъ, спѣшитъ изъявить согласіе на твои удовольствія»[75]).

Впрочемъ гаремная жизнь Магомета мало по малу приводила его къ тому убѣжденію, что узаконенный имъ въ Коранѣ семейный образъ жизни не есть самый совершенный. Его супруги постоянно обнаруживали свои слабости: завидовали одна другой, ссорились, смѣялись, укоряли другъ друга въ недостаткахъ и копали другъ другу ямы. Самая любимая жена его была самая коварная интри-

---

[75]) Коранъ 66 гл. 1—5 ст. Muir 4 т 157—167 по K. Wackidi. Perçeval 5 т. 193—267 стр.

гантка. Это типъ жены полигамиста При веденіе каждой новой жены и расположеніе къ ней Магомета вызывало въ ней злобу и разныя козни Женится, напр., супругъ ея на іудеянкѣ Суфіи и она встрѣчаетъ новую подругу колкой иронией, подтруниваетъ надъ ней при каждой встрѣчѣ и оскорбляетъ словами: «о ты жидовка, дочь жида и жидовки». Та жалуется мужу. «Чтоже, утѣшаетъ онъ ее, развѣ ты не могла сказать въ свою защиту, что Ааронъ-де мой отецъ, Моисей мой дядя и Магометъ мой супругъ» [76]). Марія Коптянка рождаетъ мужу Айши Ибрагима; такого подарка пророку не давала ни одна жена со смерти Хадиджи. Онъ внѣ себя отъ радости, не знаетъ, что дѣлать и тащитъ младенца показать своей любимицѣ. «Смотри, говоритъ онъ Айшѣ, какой дородный мальчикъ, какъ онъ походитъ на меня»! «Я не нахожу никакого сходства между нимъ и тобой», сухо отвѣтила она «Да неужели ты не видишь, что онъ такъ же плотенъ, какъ и я». «Да онъ былъ бы плотенъ и дороденъ, если-бы ты приготовилъ для него стадо козъ,

---

[76]) Бейзавій въ толков на 49 гл. 11 ст.

чтобы поить его молокомъ», съ той-же холодностью отвѣчала Айша. Приводитъ къ себѣ Магометъ Асму. Шаловливая Айша съ подругами предупреждаетъ ее, что по существующему въ домѣ пророка обычаю, когда она сниметъ покрывало предъ мужемъ должна сказать: «да хранитъ меня Богъ отъ тебя». Невинная вдова такъ и сдѣлала Магометъ привелъ ее въ брачную комнату, и она сказала: «да хранитъ меня Богъ отъ тебя». За то на слѣдующій-же день она и была отослана пророкомъ съ двумя штуками муслина вознагражденія.—Одна женщина по имени Оммъ Шарикъ сама предложила себя Магомету. Онъ цѣловалъ ее и Айша по этому поводу стала говорить вслухъ всѣмъ: «что за женщина, которая сама отдается мужу? Неужели она не стыдится дарить себя самое»? У Хавсы Магометъ послѣ обѣда засиживался долѣе, чѣмъ у другихъ женъ, потому что она узнала его слабость къ меду, запасла этого напитку и всякій разъ, какъ мужъ обходилъ женъ, угощала его имъ. Айша научила Савду и Суфійю, что нужно было сдѣлать, чтобы лишить Хавсу опаснаго для нихъ ея удовольствія И вотъ, когда Магометъ

зашелъ отъ Хавсы къ Айшѣ, она отвернулась отъ него съ словами: «Тьфу, какъ скверно у тебя пахнетъ изо рта, пророкъ! какую это гадость ты ѣлъ»? «Не знаю», отвѣчалъ пророкъ. Приходитъ онъ къ Савдѣ и та говоритъ: «Ахъ, чѣмъ это несетъ отъ тебя, пророкъ Божій»? Тоже ли повторилось и у Суфійи, мы не знаемъ; но тутъ Магометъ догадался, чѣмъ пахло отъ него. «А, сказалъ онъ, я знаю, чѣмъ пахнетъ отъ меня. Я нашелъ у Хавсы медъ и пилъ Клянусь Богомъ, больше я не стану у нея пить его» [77]). Такимъ образомъ Магометъ служилъ для своихъ женъ яблокомъ раздора. Каждая изъ нихъ старалась заманить пророка лишній разъ въ свою комнату и для этого каждая просила у него, по словамъ Ибнъ-Искака, себѣ роскошныя платья, наряды и вообще разныя принадлежности своего туалета Чтобы избавить себя отъ такихъ претензій своихъ женъ, Магометъ прочиталъ имъ откровенные на этотъ разъ стихи Корана, въ которыхъ учитъ ихъ благонравію и грозитъ имъ разводомъ [78]).

[77]) Асбабуль Нузуль на 60 гл. 1 ст

[78]) Коранъ 33 гл. 28—35 ст.

Иногда и вѣрующіе безпокоили пророка и мѣшали ему наслаждаться семейнымъ счастіемъ. Такъ разсказываютъ, что по случаю брака съ Зейнабой Магометъ пригласилъ гостей къ себѣ на вечернюю пирушку Угостивши гостей, онъ поспѣшилъ къ своей новобрачной, а предварительно простился съ гостями и обошелъ хижины своихъ женъ. Возвращаясь къ Зейнабѣ, онъ замѣтилъ, что гости еще не ушли изъ его дома и такимъ образомъ мѣшали ему заняться съ новобрачной. И вотъ эта невѣжливость гостей побудила его обнародовать стихъ Корана, которымъ объявлялось. что вѣрующіе должны входить въ покои пророка только по приглашенію и, по окончаніи трапезы, немедленно уходить [78]). Иногда вѣрующіе своею неосторожностію возбуждали ревность въ Магометѣ. Такъ одинъ мослемъ когда то на глазахъ самого пророка гладилъ руку Айши и такъ внимательно на нее посматривалъ, что у пророка явилось подозрѣніе, не хочетъ ли этотъ мусульманинъ овладѣть Айшою, хотя бы по смерти самого Магомета. Чтобы успокоить себя отъ этой мысли, Ма-

---

[78]) Коранъ 33 гл. 53 ст.

гометъ предписалъ въ Коранѣ, чтобы жены его носили на лицахъ покрывала, чтобы вѣрующіе говорили съ ними не иначе, какъ чрезъ занавѣсъ и, наконецъ, чтобы они отнюдь не думали жениться на нихъ, когда умретъ пророкъ [79]). Всѣ эти случаи, по которымъ Магометъ обнародывалъ особыя, якобы откровенія, показываютъ, что онъ въ Мединѣ просто выдавалъ свои собственныя соображенія и приказы подъ фирмою откровенія. Это ясно не только теперь и для насъ, но сознавалось и во время Магомета и самыми близкими къ нему людьми, напр. Айшой. Но для насъ важнѣе всего отмѣтить тотъ фактъ, что среди этихъ дрязгъ гаремной жизни онъ понесъ наказаніе за нарушеніе чистыхъ правовъ и основъ семейной жизни, сознавъ неудобство ея и подъ конецъ жизни посовѣтывалъ въ Коранѣ своимъ послѣдователямъ вмѣсто четырехъ ограничиваться одной женой: «въ этомъ де болѣе удобства не уклониться отъ справедливости» (Коранъ 2 гл. 3 ст.).

---

[79]) Тамъ-же.

## XXVII.

### Разные поводы къ мединскимъ откровеніямъ.

Изъ другихъ обстоятельствъ, приводившихъ Магомета къ тому или другому убѣжденію и вызывавшихъ тѣ или другія откровенія, большая часть падаетъ на приключенія во время военныхъ походовъ его. Вотъ, напримѣръ, послѣ Бедрской битвы между солдатами его завязялся горячій споръ о томъ, какъ имъ дѣлить добычу Молодые люди, бившіеся съ врагами, говорили, что вся богатая добыча должна принадлежать имъ однимъ, такъ какъ они одни подвергались опасности и отвоевывали караванъ у мекканцевъ. Старики, стоявшіе въ арріергардѣ и у знаменъ, отстаивали и свои права на часть добычи, такъ какъ они не сражались не по трусости, а по особому своему положенію Пророкъ, чтобы рѣшить разъ навсегда подобные споры, объявилъ откровеніе, въ которомъ вся добыча признавалась принадлежащею Богу и посланнику Его, пятую часть взялъ себѣ, а остальное раздѣлилъ поровну между всѣми воинами (Кор. 48 гл. 42 ст.).

Въ другой разъ произошло недоразумѣніе изъ заплѣнницъ. Въ битвѣ Хонейнской мусульмане захватили много женщинъ и дочерей непріятельскихъ. Однимъ хотѣлось обратить ихъ въ наложницъ; другіе думали, не будетъ ли это грѣхомъ; сами плѣнницы сопротивлялись похотливымъ арабамъ. «У насъ, говорили онѣ, есть мужья». Обратились къ Магомету и онъ разрѣшилъ имъ на все, сказавши, что «въ этомъ не будетъ грѣха» (Кор. 4 гл. 28 ст.).

Во время пятнадцатидневной экспедиціи противъ племени Бани Гатафанъ непріятели пытались напасть на мусульманъ врасплохъ, въ тотъ моментъ, когда они всѣ расположились на молитву. Усталые воины обратили вниманіе пророка на неудобство обязательной молитвы во время походовъ и онъ отвѣтилъ стихомъ корана: «На васъ не будетъ вины сокращать молитву, какъ скоро боитесь нападеній на васъ невѣрныхъ, потому что невѣрные отъявленные враги вамъ. Когда ты находишься съ ними и велишь совершать молитву, то вели одному отряду совершать ее вмѣстѣ съ тобой и держать при себѣ оружіе свое, и когда сдѣлаютъ земное поклоне-

ніе, тогда пусть станутъ позади васъ; и другой отрядъ, который не молится, пусть придетъ и молится съ тобой, но чтобы остерегались и при себѣ держали оружіе» (Кор. 4 гл. 102-104 ст.).

Въ походахъ же измѣнено или дополнено было и предписаніе Корана объ омовеніи. Однажды, говоритъ Айша, мы съ пророкомъ отошли отъ лагеря и сѣли отдохнуть Пророкъ положилъ голову свою на мои колѣна и уснулъ. Проснувшись, онъ спросилъ воды; но ея нигдѣ кругомъ не нашли. Тогда онъ очистился пескомъ и сказалъ: «Вѣрующіе! .. если вы больны, или въ дорогѣ, или когда кто изъ васъ пришелъ изъ отхожаго мѣста, или когда вы касались женъ и не найдете воды, то очищайте себя хорошею пылью.» Въ походѣ на Бани Мусталикъ вѣрующіе въ безводной мѣстности имѣли надобность очиститься. Тогда пророкъ въ другой разъ повторилъ имъ это откровеніе (Кор 5 гл. 9 и 4 гл. 46 ст.)

Иногда пророку приходилось оправдывать себя откровеніемъ отъ нѣкоторыхъ подозрѣній. Вотъ, напримѣръ, послѣ одной битвы была собрана добыча. Въ ней между прочимъ выдѣлялась одна прекрасная одежда. Но при раздѣлѣ она

пропала. Кто ее взялъ? Нѣкоторые говорили, что Магометъ. Въ другой разъ изъ добычи пропала красивая дѣвица и мусульмане со свойственной имъ откровенностью въ этихъ случаяхъ указывали на пророка. Есть еще преданіе о томъ, что у нѣкоторыхъ всадниковъ изъ мусульманъ предъ отправленіемъ ихъ въ походъ пропали вызолоченныя сѣдла. Стали говорить, что ихъ взялъ Магометъ. Сѣдла дѣйствительно отобралъ онъ для храненія, какъ объяснилось. Всетаки онъ получилъ на этотъ разъ откровеніе, начинавшееся словами: «Не можетъ быть, чтобы пророкъ обманывалъ въ чемъ либо.. (Кор. 3 гл. 155 ст.).

Случалось иногда, что разговоръ съ пророкомъ или жалоба ему кончались откровеніемъ. Одинъ арабъ, напр., сказалъ ему: «Ты для меня, пророкъ Божій, дороже дѣтей моихъ; я дома о тебѣ только и думаю и боюсь разлуки съ тобой на томъ свѣтѣ: ты тамъ будешь съ пророками, высоко, а я хоть тоже буду въ раю, какъ говоришь ты, да низко.» На основаніи нѣкоторыхъ преданій можно думать, что подобныя рѣчи Магомету приходилось слушать не рѣдко и вотъ онъ говоритъ въ Коранѣ: «Тѣ, которые

повинуются Богу и сему посланнику его, тѣ будутъ вмѣстѣ съ тѣми, кого облагодѣтельствовалъ Богъ,—съ пророками, праведниками, мучениками, благочестивыми. О, какъ прекрасно быть друзьями имъ»! (Кор. 4 гл. 71 ст.).

Женщины тоже жаловались Магомету на свою судьбу. Дѣло въ томъ, что, говоря въ Меккѣ о раѣ, онъ ни однимъ словомъ не обмолвился о нихъ. Наоборотъ, арабскимъ женщинамъ даже обидно было слышать, что вмѣсто нихъ при мужьяхъ ихъ будутъ находиться какія-то гуріи. И вотъ въ Мединѣ онѣ выражаютъ пророку свое неудовольствіе. Разъ мать Омара пришла къ нему и говоритъ: «Я не вижу ни одной вещи, въ которой бы мужчинѣ было отказано то бою; а женщинѣ нѣтъ отъ тебя ничего.» Слова бабки тронули пророка и онъ объявилъ, что не одни вѣрующіе, но и «вѣрующія получатъ приготовленную имъ Богомъ милость и великую награду.» Въ такомъ же духѣ жаловалась Магомету Оммъ Салама. «Я, сказала она, въ числѣ перебѣжавшихъ съ тобой изъ Мекки и не вижу, чтобы ты хоть одно слово сказалъ о насъ въ Коранѣ.» «Господь не дастъ погибнуть ни одному дѣлу дѣлав-

шаго изъ васъ и мужчины и женщины: вы одни отъ другихъ», отвѣтилъ Магометъ (Кор 3, 193; 33, 35.)

Примѣры эти однако не говорятъ, чтобы пророкъ всегда подчинялся своимъ послѣдователямъ въ откровеніяхъ. Иногда онъ ихъ и обличалъ своими откровеніями. Однажды, напр., въ мечети происходила молитва. Мусульманъ было въ ней много. Магометъ обратился къ нимъ съ проповѣдью. Вдругъ въ городѣ раздался звукъ барабановъ, возвѣщавшій о возвращеніи изъ Сиріи каравана. Вся толпа выбѣжала изъ мечети ему на встрѣчу. Ораторъ остался одинъ при глухихъ стѣнахъ Естественно, это раздражило его и вотъ въ Коранѣ являются стихи:... «они какъ скоро вздумаютъ или о торговлѣ, или о забавѣ, оставляютъ тебя, стоящаго на молитвѣ. Скажи, что у Бога то лучше той забавы и самой торговли. Богъ есть самый лучшій изъ надѣляющихъ жизненными потребностями (Кор. 62, 9-11). Вотъ еще характерный фактъ. Однажды Абдаррахманъ иб ъ Аусъ пригласилъ къ себѣ на пиръ своихъ знатныхъ товарищей, напоилъ ихъ виномъ и самъ напился допьяна. Пришелъ часъ вечерней молитвы и онъ повелъ гостей

въ мечеть. Но тутъ онъ сдѣлалъ, какъ передаетъ Бейзавій, самыя постыдныя ошибки въ чтеніи Корана. Магометъ опять разсердился и сказалъ: «Вѣрующіе! не приступайте къ молитвѣ, когда вы пьяны такъ, что не понимаете того, что говорите. Но случаи, подобные этому, повторялись и пророкъ издалъ рѣшительное запрещеніе употреблять вино, какого бы качества оно ни было» (Кор. 4, 42; 5, 92).

Въ Коранѣ можно найти много стиховъ, которые кажутся совершенно непонятными, потому что они произошли по совершенно случайнымъ и даже ничтожнымъ обстоятельствамъ. Въ книгѣ Джаляледдина, напримѣръ, разсказывается, что въ мечети за Магометомъ становилась одна очень красивая женщина Ею увлекся одинъ асхабъ и становился всякій разъ впереди ея и позади пророка; для чего же? Для того, чтобы, когда дѣлаетъ онъ поясной поклонъ, посмотрѣть своими глазами назадъ и полюбоваться на грудь стоявшей тамъ красавицы.

Пророку такое нерадѣніе въ молитвѣ не понравилось и онъ сказалъ: «мы знаемъ и тѣхъ изъ васъ, которые опере-

живаютъ другихъ и тѣхъ, которые отста ютъ» (Кор. 15, 24).

Вотъ еще любопытный примѣръ. Въ узаконеніи обрядовъ хаджа говорится, что больной, или имѣющій какой либо недугъ въ головѣ взамѣнъ хаджа долженъ совершить постъ. Спрашивается, почему пророкъ особо говоритъ о недугѣ въ головѣ и что это за недугъ. Знаменитый въ исламѣ собиратель преданій говоритъ, что Магометъ замѣтилъ у одного богомольца струпья въ головѣ и много паразитныхъ животныхъ, разсердился на него и для вразумленія другихъ открылъ приведенное правило (Кор. 2, 192).

Какъ вліяли случайныя обстоятельства на проповѣдь Магомета видно, еще изъ такого примѣра. Онъ велѣлъ своему секретарю писать откровеніе: «изъ вѣрующихъ остающіеся во время войны дома не равны воюющимъ на пути Божіемъ.» Въ это время пришелъ къ нему слѣпой и, услыхавши только что написанный стихъ, спросилъ пророка: чѣмъ же онъ виноватъ, что не можетъ воевать? Магометъ тутъ же велѣлъ измѣнить написанный стихъ: Изъ вѣрующихъ остающіеся во время войны дома, *не*

*вынуждаясь къ тому обстоятельствами*, не равны. (Кор. 4 гл. 97 ст.)

Такимъ образомъ, Магометъ, который по идеѣ мусульманъ долженъ передавать откровенія внѣ всякаго вліянія на нихъ, въ дѣйствительности вполнѣ подчинялъ ихъ разнымъ вліяніямъ Женщины и мужчины, друзья и враги, личные расчеты и обыденныя обстоятельства—все налагало печать на его Коранъ. Будучи рабомъ случайныхъ обстоятельствъ, онъ колебался изъ стороны въ сторону; что сказалъ вчера по одному случаю, то измѣняетъ нынѣ по другому; что говорилъ нынѣ, то, если не понравится арабамъ, измѣнитъ завтра. Онъ жилъ минутой, отъ которой зависѣло все. Отъ того въ Коранѣ и нѣтъ плана, все въ немъ разбросанно, отрывочно, объ одномъ предметѣ говорится въ нѣсколькихъ мѣстахъ и о совершенно различныхъ въ одномъ мѣстѣ.

## XXVIII.

## Личность Магомета въ фактахъ жизни и въ словахъ Корана.

Положеніе Магомета въ Мединѣ, измѣнившее его самосознаніе, не произвело перемѣны во внѣшней обстановкѣ его

жизни. Простота въ ней осталась до самой его смерти. Дома или хижины его были построены изъ простаго камня и глины. Внутри стѣны ихъ были увѣшаны кожаными сумками Простой, сдѣланный изъ волосъ, матрацъ былъ кроватью Магомета какъ въ Мединѣ, такъ и въ Меккѣ. Вооруженіе и сумка съ гребенкой, зубочисткой, масломъ для волосъ и сурьмой для глазъ составляли всѣ принадлежности его туалета. Пророкъ не считалъ стыдомъ для себя чинить свои сандаліи и пышные царедворцы Багдада и Дамаска впослѣдствіи имѣли право удивляться этому. Но старые арабы не любили внѣшняго блеска и комфорта и Магометъ оставался вѣрнымъ вкусамъ своего времени и племени.

Самая арабская національность имѣла для него большое значеніе. Какъ древній римлянинъ, онъ судилъ объ иноплеменныхъ народахъ, какъ о варварахъ, и отдавалъ своему народу предпочтеніе предъ всѣми другими во многихъ отношеніяхъ. «Вы, говоритъ онъ арабамъ, самый лучшій народъ изъ всѣхъ, какіе возникали среди людей» (Кор. 3, 106). Самый языкъ арабовъ, по его поняті-

ямъ, составлялъ гордость ихъ. Для него это было очень ясно и когда его спросили, почему Коранъ посылается съ неба не на иностранномъ, а на арабскомъ языкѣ, онъ отвѣтилъ: «иностранная рѣчь тоже-ли, что и арабская»? (Кор. 41, 44). Вмѣстѣ съ этимъ онъ питалъ сильное расположеніе къ обычаямъ своего народа и это расположеніе было причиною того замѣчательнаго въ его дѣятельности факта, что явившись реформаторомъ религіозной и бытовой жизни арабовъ, онъ въ концѣ концовъ авторитетомъ своего Корана больше узаконилъ, чѣмъ реформировалъ старые обрядовые и гражданскіе обычаи. Мекка осталась для него всетаки священнымъ городомъ и, хотя по прибытіи въ Медину, онъ приказалъ обращаться во время молитвы лицомъ къ Іерусалиму, но чрезъ годъ отмѣнилъ это приказаніе и въ пользу Мекки.

Въ характеристикѣ умственныхъ способностей Магомета мы не имѣемъ никакого права отказывать ему въ качествахъ ума свойственныхъ вообще восточнымъ людямъ. Ничѣмъ болѣе не отличается въ этомъ отношеніи восточный человѣкъ отъ европейца, какъ своимъ воображеніемъ. Фраза «восточная фантазія», кажется,

пріобрѣла такое значеніе, что ею лучше всего характеризуется умъ восточныхъ людей. Самыя замашистыя сравненія и преувеличенія, съ длинными рядами нулей цыфры, самые крайніе контрасты и полнѣйшая противоположность дѣйствительности—составляютъ особенность восточной фантазіи въ отличіе отъ европейскаго идеальнаго творчества. Примѣровъ такого воображенія много можно привести изъ Корана. Если, напр., для выраженія неограниченности Бога временемъ писателю псалмовъ достаточно было сказать, что у Бога день одинъ, какъ тысяча лѣтъ, то Магомету казалось болѣе подходящимъ такое выраженіе, что теченіе дня у Бога 50,000 лѣтъ (Кор. 70, 4). Чтобы выразить богатство нѣкоего современника Моисея Каруна, онъ употребляетъ такую фразу: «Мы доставили ему столько драгоцѣнностей, что ключи отъ нихъ едва могла носить толпа людей сильныхъ» (Кор. 28, 76). Тяжесть вины евреевъ при Синаѣ въ воображеніи Магомета представлялась столь великою, что самый телецъ, слитый имъ Ааономъ, казалось ему, издавалъ жалобные звуки: «И вылилъ Ааронъ имъ тельца и онъ мычалъ», сказано въ Коранѣ (7 гл. 146). Мудрость

Соломона, по изображенію автора Корана, простиралась до того, что онъ понималъ языкъ птицъ, дѣлалъ имъ приказанія, разговаривалъ съ муравьями, повелѣвалъ вѣтрами и діаволовъ сдѣлалъ водолазами для ловли жемчуга (Кор. 27, 15—45). Мы знаемъ, что о сочиненіяхъ Зороастра Персы говорили, что каждый изъ 12 его томовъ такъ былъ тяжелъ, что одинъ волъ едва могъ везти его. О коранѣ-же Магометъ сказалъ, что если-бы онъ былъ ниспосланъ на какую нибудь гору, то она понизилась бы и распалась бы на части отъ страха Божія (Кор. 59, 21).

Трудно допустить, чтобы эти выраженія были только поэтическимъ украшеніемъ рѣчи Магомета. Въ дѣйствительность ихъ онъ скорѣе самъ вѣрилъ, какъ вѣруютъ въ нихъ его послѣдователи, которымъ они нравятся, какъ несомнѣнные признаки сверхчеловѣческаго творчества. Съ полетами восточной фантазіи мы встрѣчаемся очень часто и у восточныхъ мусульманскихъ ученыхъ. Изображая, напр., величіе ангела въ сравненіи съ человѣкомъ, они говорятъ, что въ водахъ глазъ ангела можетъ плавать корабль цѣлые годы, что пространство отъ плеча ангела до оконечности его уха равняется

700 лѣтъ пути, что разстояніе между ухомъ и глазомъ равняется 500 лѣтъ птичьяго полета, что ямочка большаго пальца у ангела можетъ вмѣстить воды всего міра, если ихъ вылить туда. Даже современные русскіе ученые мусульмане не могутъ отличить очевидныхъ преувеличеній. Говоря, напр., объ образованіи арабовъ въ средніе вѣка, одинъ изъ нихъ совершенно откровенно повторяетъ, что испанскій Халифъ Хакимъ собралъ библіотеку въ 600,000 томовъ и не только прочиталъ всѣ книги своей библіотеки, одинъ каталогъ которой состоялъ изъ 44 томовъ, но и оставилъ на каждой изъ книгъ свои замѣтки.

Если такая способность, какъ воображеніе, дается природой, то другія стороны умственной дѣятельности болѣе зависятъ отъ развитія и образованія. Насколько же былъ образованъ Магометъ?

О школьномъ обученіи его не можетъ быть и рѣчи. Большинство біографовъ его, въ томъ числѣ и мусульманскихъ, отказываютъ ему въ знаніи грамоты. Самъ онъ называетъ себя въ Коранѣ неученымъ и неграмотнымъ пророкомъ. И если мы захотимъ представить его сколько нибудь грамотнымъ человѣкомъ, то

на основаніи не прямыхъ, а, такъ сказать, косвенныхъ свидѣтельствъ. Именно изъ словъ Корана: прежде него т. е. Корана, ты не читалъ никакого письма, ни черты изъ него не писалъ твоею рукою», можно заключить, что по крайней мѣрѣ со времени своего учительства онъ научился и читать и писать. По одному преданію, онъ однажды сказалъ своему секретарю Муавіи: «проводи такую то букву прямо и раздѣляй такую то», изъ чего слѣдуетъ также, что буквы арабскаго алфавита онъ различалъ. Говорятъ еще, что на смертномъ одрѣ онъ попросилъ себѣ письменныя принадлежности, чтобы написать что то въ родѣ завѣщанія и что окружавшіе его этой просьбы не исполнили изъ опасенія, какъ бы онъ въ своемъ полусознательномъ состояніи не написалъ чего нибудь сумасброднаго. Такимъ образомъ книжное искусство и образованіе Магомета ограничивалось только умѣньемъ писать и читать.

Послѣ этого такія странности Корана, какъ заявленіе, что звѣздный міръ существуетъ для загражденія діаволамъ доступа на небо, что горы устроены, чтобы земля не колебалась, что небо состоитъ изъ семи отдѣльныхъ сводовъ, что всѣхъ зе-

мель тоже 7, что между землею и небомъ стоитъ гдѣ-то лѣстница кажутся вполнѣ естественными.

Понятно, что такому пророку трудно было отдѣлаться отъ нѣкоторыхъ суевѣрныхъ представленій. Пророчество не спасло его отъ страшной боязни ночной темноты и онъ по прежнему не могъ входить въ комнату раньше, чѣмъ ее освѣщали огнемъ. Если небо покрывалось облаками, онъ измѣнялся въ цвѣтѣ лица и предавался мистическимъ опасеніямъ, пока небо не прояснивалось. По преданію отъ Айши, когда дулъ вѣтеръ, Магометъ говорилъ: «Господи, умоляю тебя, сдѣлай этотъ вѣтеръ добрымъ для меня», а когда являлись тучи и находили облака, онъ безпокойно бѣгалъ взадъ и впередъ; тучи проходили и онъ успокоивался. На вопросъ Айши, чего онъ боится, онъ отвѣчалъ: «Айша! явленіе этихъ облаковъ похоже на то, что случилось съ племенемъ Гадянъ. Они говорили: эти тучи принесутъ намъ дождь; но это было невѣрно и они погибли за свое невоздержаніе». Нѣкоторыя мѣста Магометъ, подобно всѣмъ арабамъ, населялъ демонами и джиннами. Проѣзжая во время Табукскаго похода мимо жилища древнихъ Ѳе-

мудянъ, Магометъ запретилъ своимъ солдатамъ пользоваться въ этомъ мѣстѣ водою, не смотря на ихъ крайнее истощеніе отъ зноя и жажды, и приказалъ изблевать воду тѣмъ, которые уже напились; потомъ вдругъ покрылъ платьемъ свое лице, пришпорилъ верблюда, на которомъ ѣхалъ и поскакалъ, сказавши солдатамъ: не входите въ жилище беззаконниковъ, чтобы и васъ не постигло то, что постигло ихъ». Говорятъ еще, что онъ приходилъ въ трепетъ, когда видѣлъ крестъ. Нѣкоторые дни недѣли и числа мѣсяца въ его глазахъ имѣли особенное значеніе. Онъ сильно боялся насчастнаго вліянія дня среды и до насъ дошла отъ него молитва: «жду помощи у Бога отъ злотворнаго дня среды». Для начала какого нибудь дѣла онъ выбиралъ нечетное число мѣсяца Вторникъ, падающій на 17-е число мѣсяца, Магометъ считалъ самымъ благопріятнымъ днемъ. Вѣрилъ Магометъ и въ дурной глазъ. Однажды Асма сказала ему: «О, пророкъ, семейство Джафара производитъ пагубное вліяніе своимъ взглядомъ. Не слѣдуетъ ли употреблять отъ этого зла колдовство»? «Да, отвѣчалъ пророкъ, если есть въ мірѣ что нибудь сильнѣе судьбы, то это

дурной глазъ». Впрочемъ въ охраненіе себя отъ дурнаго глаза онъ держалъ при себѣ бѣлаго пѣтуха. Вѣрилъ Магометъ и въ колдовство. По преданію отъ Айши, онъ былъ убѣжденъ, что однажды самъ былъ заколдованъ такъ, что не въ состояніи былъ что нибудь сдѣлать съ своими женами и оставилъ молитву «отъ злотворности женщинъ, дующихъ на узлы» (Коранъ 113 и 114 гл.). Наконецъ, каждому сновидѣнію онъ приписывалъ какое нибудь значеніе и отъ дурнаго сна совѣтовалъ по пробужденіи плюнуть на право.

Въ ряду умственныхъ качествъ Магомета нельзя опустить свойственной всѣмъ восточнымъ людямъ хитрости Хитрость на востокѣ считается признакомъ большаго ума и замѣняетъ собою то, что у насъ понимается подъ словомъ проницательность. Не даромъ Богъ Магометъ въ Коранѣ часто называетъ самымъ искуснымъ изъ хитрецовъ. Что касается его собственной хитрости, то она возвышалась до смѣтливой тактичности и спускалась до коварныхъ сдѣлокъ. Онъ умѣлъ лавировать среди соперничествовавшихъ сторонъ и извлекать для себя пользу изъ ихъ вражды и споревъ.

Умѣлъ онъ привязывать къ себѣ друзей и обезопашивать себя отъ враговъ. Поражая возъ пощады арабовъ внѣ Медины, онъ щадилъ враговъ своихъ въ этомъ городѣ и, зная, насколько вліятеленъ здѣсь Абдаллахъ ибнъ Обей, заискивалъ предъ нимъ и его партіей. Чтобы обратить въ свою пользу острый языкъ сатириковъ, онъ не жалѣлъ имъ подарковъ изъ военной добычи. Чтобы предупредить возможныя для себя непріятности, онъ подсылалъ убійцъ къ болѣе опаснымъ изъ враговъ своихъ въ родѣ Абу Софіана, и такимъ образомъ избавился отъ Асмы, Абу Афака, Коба и Селлама. Біографы арабскіе разсказываютъ объ этихъ убійствахъ, какъ-бы выставляя ихъ въ примѣръ другимъ. Самъ Магометъ иногда съ удивительной откровенностью объяснялъ свой образъ дѣйствій. По взятіи Мекки, напр., когда въ числѣ другихъ враговъ привели къ нему того самаго Абдаллаха, который когда то былъ у него секретаремъ, переправлялъ по своему диктуемыя ему откровенія и говорилъ, что онъ не хуже пророка самъ можетъ написать, — когда привели его и стали просить ему помилованіе, Магометъ отвернулся, опустилъ голову внизъ и дол-

го молчалъ. Османъ, братъ Абдаллаха по кормилицѣ, три раза повторилъ свою просьбу, когда наконецъ, пророкъ согласился отпустить Абдаллаха и сказалъ окружавшимъ приверженцамъ: «я такъ долго молчалъ съ тѣмъ, чтобы кто нибудь изъ васъ догадался убить его». «А что же ты не моргнулъ намъ»? спросили его. «Пророку неудобно давать знакъ глазами», отвѣтилъ онъ. Случай въ долинѣ Нахлѣ, нарушеніе договора съ мекканцами о десятилѣтнемъ перемиріи, принятіе совѣта Нюйема о коварномъ разстройствѣ союза Бони Корейзы съ корейшитами во время осады Медины, его выраженіе въ это время, что война есть игра въ обманъ, показываютъ, что онъ не только былъ хитрымъ человѣкомъ, но и гордился этимъ, какъ добродѣтелью.

Месть у арабовъ тоже считалась добродѣтелью; ее онъ унаслѣдовалъ и еще развилъ, живя въ Мединѣ. Изъ чувства мести онъ началъ предпринимать грабительскіе и военные походы. Подъ вліяніемъ того же чувства онъ молился объ избіеніи враговъ и не могъ удержаться отъ поруганія надъ ихъ трупами Послѣ Бедрской побѣды, месть онъ возвелъ въ правило жизни въ словахъ

Корана: «въ мести жизнь для васъ, люди разсудительные» (Кор. 2, 173). Подъ вліяніемъ мести Магометъ огрубѣлъ настолько, что за исключеніемъ поэзіи презиралъ всякое искусство и когда приходилось ему слышать звуки музыки, онъ затыкалъ уши. Обращеніе его съ невѣрными было ужасно. Разъ привели къ нему воровъ. Онъ приказалъ раскаленнымъ желѣзомъ выколоть имъ глаза и бросить ихъ связанными на мединскую площадь, гдѣ они и померли въ страданіяхъ отъ боли и отъ жажды, а въ Коранѣ далъ такое правило: «Вору и воровкѣ отсѣкайте руки въ возданіе за то, что сдѣлали они» (Кор. 5, 42).

Изъ удовольствій, въ какихъ не отказывалъ себѣ Магометъ, наибольшее заключалось въ любви къ женщинамъ Объ этомъ знали всѣ и потому онъ часто въ числѣ подарковъ получалъ красивыхъ представительницъ этого пола. Магометъ не скрывалъ своей слабости къ женщинамъ. «Молитва, благовонія и женщины» - вотъ три предмета, которые онъ называлъ любимыми. Онъ даже хвастался предъ своими сподвижниками тѣмъ, что всѣхъ превосходитъ въ четырехъ

вещахъ: въ силѣ, щедрости, массивности кулака и силѣ къ супружескимъ наслажденіямъ. Современники его различно выражались о послѣдней его силѣ. Іудеи, напр., говорили: «Магометъ самый низкій человѣкъ, имѣетъ девять женъ и старается только жениться». Врагъ его Абу Софіанъ сравнивалъ его съ верблюдомъ, ноздри котораго неудержимы никакой уздой. А послѣдователь его Ибнъ Аббасъ снисходительно сказалъ: «по истинѣ самый главный изъ насъ, т. е. Магометъ, былъ самымъ первымъ въ любви къ женщинамъ». Современные намъ мусульмане держатся такой теоріи, что пророкъ ихъ былъ награжденъ Богомъ половой силой равной силѣ 40 мужчинъ и что сами они почтены въ сравненіи съ иновѣрными удесятеренною половою способностью; а самъ онъ не постыдился сказать въ Коранѣ такія слова: «жены ваши—нива для васъ; ходите на ниву вашу, какъ ни захотите» (2 гл. 223 ст.).

Все это показываетъ, что Магометъ вполнѣ сознавалъ свое пророческое достоинство и въ гаремной жизни. Даже такую привиллегію, приписанную имъ себѣ, какъ неограниченное число женъ,

нельзя считать сознательнымъ грѣхомъ его. На востокѣ количество женъ считается дѣйствительнымъ преимуществомъ нѣкоторыхъ лицъ и классовъ общества. Въ Мексикѣ и Перу, напр., сильные міра сего предписываютъ всѣмъ моногамію, а себѣ позволяютъ многоженство. Въ Китаѣ законъ предписываетъ моногамію, но императору, кромѣ неопредѣленнаго числа наложницъ, позволяется имѣть одну главную жену, двѣ второстепенныхъ. На Индостанѣ количество женъ соразмѣряется съ сословнымъ положеніемъ мужчины. Браминъ можетъ имѣть четыре жены, воинъ—три, земледѣлецъ—двѣ и судра—одну. Поэтому, если Магометъ разрѣшилъ себѣ отъ имени Бога неограниченное число женъ, то обстоятельство это лишь еще разъ доказываетъ, что онъ былъ чистый арабъ, въ которомъ, какъ въ фокусѣ, соединились всѣ пороки, добродѣтели и вкусы стараго язычника.

Религіозность Магомета доходила до крайней степени напряженности. Выступивши въ качествѣ религіознаго реформатора, онъ часто выражалъ свою религіозную настроенность. Безъ мысли объ Аллахѣ онъ, говорятъ, не садился и

не вставалъ. Въ печали и огорченіи, въ радости и несчастіи, послѣ побѣды и послѣ пораженія онъ обращался къ Богу. Когда первые плоды приносили къ нему, онъ цѣловалъ ихъ, ставилъ предъ собой и начиналъ молиться словами: «Господи, какъ ты показалъ намъ первые, покажи и послѣдніе». Изъ религіозныхъ отчасти побужденій онъ не хотѣлъ измѣнять патріархальной простотѣ обстановки жизни. Когда Омаръ попросилъ у него позволеніе перемѣнить жесткую тростниковую постель на болѣе мягкую, такъ какъ де нигдѣ цари не отказываютъ себѣ въ этой роскоши, онъ отказалъ ему въ этой просьбѣ, сказавши: «намъ будущая жизнь, а имъ настоящая». Смотря на все съ религіозной точки зрѣнія, онъ вездѣ видѣлъ руку Божію. По его убѣжденію, все: и вѣра, и невѣріе, и ложь, и заблужденіе, и добродѣтель, и порокъ:—все зависѣло отъ прямой воли Божіей. Понятно, какое сильное впечатлѣніе должна была производить эта религіозность Магомета на арабовъ.

## XXIX.

## Смерть Магомета.

Мысли о неизбѣжности смерти возни-

кали у пророка, какъ возникаютъ и у всякаго, т. е. въ самыя тяжелыя и критическія минуты. Въ Меккѣ такихъ минутъ много было у Магомета, потому не разъ онъ и задумывался надъ собой Вотъ, напримѣръ, его встрѣчаетъ толпа съ насмѣшкой и оскорбленіемъ. Ему досадно, онъ страдаетъ отъ сознанія, что эта толпа имѣетъ надъ нимъ какое то преимущество; но тутъ-же является и успокоеніе: «Дѣйствительно ты умрешь и они умрутъ», говоритъ ему внутренній голосъ [76]). Вотъ противъ него ополчается весь городъ; его могутъ убить или довести до смерти. Опять навязывается вопросъ: «я, пророкъ, умру, а что-же они, убійцы, будутъ жить»? и опять сходитъ успокоеніе и самъ Богъ ему говоритъ: «Прежде тебя ни одному человѣку Мы не давали вѣчной жизни; потому, если ты умрешь, то неужели имъ быть безсмертными»? [77]).

Вотъ онъ въ сознаніи правоты своего дѣла и неизбѣжности жестокаго возмездія соотечественникамъ грозитъ имъ

---

[76]) Коранъ 39 гл. 31 ст. и объясненіе на него въ Асбабуль Нузуль.

[77]) Коранъ 21 гл. 35 ст.

гибелью современниковъ Ноя, Моисея и Лота; а они продолжаютъ смѣяться и съ насмѣшкою требуютъ отъ него привести угрозу въ дѣйствительность То или другое успокоеніе пророку необходимо, потому что отъ внутренняго мученія онъ готовъ бы умереть, и ангелъ приноситъ ему отъ Бога стихъ: «Дадимъ ли Мы тебѣ увидѣть часть того, чѣмъ Мы угрожаемъ имъ, или *пошлемъ тебѣ кончину жизни*, въ томъ и другомъ случаѣ они возвратятся къ намъ» [78]).

Въ Мединѣ у пророка жизнь ключемъ забила. Она стала принимать форму того рая, который онъ нарисовалъ себѣ въ Меккѣ. О смерти естественно онъ не думалъ, а нѣкоторые изъ его слѣпыхъ послѣдователей и думать не могли. Единственный разъ только дѣйствительность была такъ горька, что ему пришлось вспомнить о своей смертности. Это было послѣ Оходскаго пораженія, когда ему вышибли зубы и онъ лежалъ безъ памяти въ ряду убитыхъ. Многіе тутъ соблазнились о посланникѣ и онъ сказалъ: «Магометъ только посланникъ. Нѣтъ уже посланниковъ, которые были нѣкогда

---

[78]) Коранъ 10 гл. 47 и тоже въ 40 гл. 77 ст.

прежде него, *если и онъ умретъ или будетъ убитъ*, то ужели вы обратитесь вспять»? [79]).

Но вотъ наступилъ 632 годъ, 62 годъ жизни Магомета. Потрясенный психическими, семейными и общественными бурями организмъ его сталъ разшатываться и измѣнять ему. Онъ вспомнилъ свой Хейбарскій походъ, когда одна іудеянка, въ отмщеніе ему за позорное обращеніе съ своимъ народомъ, поднесла ему въ лопаткѣ ягненка яду, и отнесъ къ нему причину припадковъ своей болѣзни. «Теперь я чувствую, сказалъ онъ, какъ хейбарскій ядъ терзаетъ мои внутренности». Подчинивши себѣ такъ или иначе всю Аравію и желая проложить путь своему оружію въ страны Персовъ и Римлянъ, онъ отправилъ экспедицію въ Сирію и, какъ будто для того, чтобы доказать, что вмѣстѣ съ упадкомъ силъ физическихъ въ немъ слабѣли и умственныя, онъ поручилъ команду въ рискованномъ предпріятіи молодому и неопытному юношѣ Осамѣ, сыну того Зейда, который уступилъ ему жену Зейнабу. Но въ туже ночь почувствовалъ жестокую бо-

[79]) Коранъ 3 гл. 138 ст.

лѣзнь, вскочилъ въ полночь съ постели и велѣлъ рабу сопровождать себя по безмолвнымъ улицамъ города на мрачное общественное кладбище, куда будто звали его обитатели могилъ помолиться. Послѣ молитвы онъ почувствовалъ, что дни его сочтены и сказалъ рабу своему: «мнѣ предоставлено на выборъ или оставаться въ семъ мірѣ до скончанія вѣка, вкушая всѣ его радости, или скорѣе возвратиться къ Богу; и я избралъ послѣднее» [80]).

Считая безполезнымъ на закатѣ жизни сохранять обычный ея порядокъ и желая провести остатокъ дней вмѣстѣ съ Айшей, онъ собралъ ея соперницъ въ комнатѣ Маймуны, объявилъ имъ, что онъ не способенъ посѣщать ихъ по очереди и попросилъ позволенія проводить время у Айши. Тѣ согласились. Айша не потеряла своего характера въ скорбныхъ часахъ мужа, продолжала шутить, острить и между прочимъ не оставила своихъ выгодъ. «Ахъ скоро, скоро мнѣ придется разставаться съ тобой, Айша! сказалъ Магометъ. А не согласилась-ли бы ты умереть раньше меня, чтобы я

---

[80]) Ирвингъ 264 стр.

закрылъ тебѣ глаза, обвилъ-бы тебя погребальнымъ покровомъ, своими руками бы опустилъ тебя въ могилу и помолился бы за тебя»? «Да, отвѣтила Айша, я охотно бы на это согласилась, если-бы не знала хорошо, что по возвращеніи съ моей могилы ты станешь искать наслажденія и забавы съ другою изъ твоихъ женъ».

Магометъ улыбнулся на это выраженіе ревнивой нѣжности и отдалъ себя на попеченіе ей; а она воспользовалась этимъ для своихъ цѣлей. Она уже смотрѣла глазами въ даль и ставила про себя вопросъ, кто наслѣдуетъ власть послѣ ея мужа: отецъ-ли ея Абу Бекръ, или Омаръ, или Али Въ данномъ случаѣ было важно, кто за пророка читалъ молитвы въ мечети.

Имамомъ Магометъ назначилъ Абу Бекра и спросилъ Айшу, понравится-ли такое назначеніе друзьямъ его? «По правдѣ сказать, Абу Бекръ очень нѣжный человѣкъ и читаетъ тихо, собери силы и поди самъ», сказала Айша. Обезсиленному Магомету не понравилось это потому, что читать онъ самъ велѣлъ вполголоса и онъ замѣтилъ: «поистинѣ я собралъ неразумныхъ женъ, какъ египет-

скія жены, порѣзавшія себѣ пальцы изъ за Іосифа». Но Айшѣ только это и нужно было; ей хотѣлось вызвать протестъ на свои слова, чтобы утвердить права имама за своимъ отцомъ, какъ потомъ она сама объяснила [81]).

Дня за два до смерти Магометъ собралъ свои силы, прошелъ въ мечеть и тамъ, сидя на каѳедрѣ, обратился къ собранію съ такими словами: «Если кто нибудь изъ васъ имѣетъ что нибудь на совѣсти, пусть выскажетъ мнѣ, чтобы я могъ попросить для него прощенія у Бога Если есть кто нибудь между вами, кого я ударилъ, то вотъ моя спина, пусть онъ въ свою очередь ударитъ меня. Кого изъ васъ я разсердилъ, тотъ пусть теперь осыпаетъ меня упреками. У кого изъ васъ я отнялъ что нибудь несправедливо, тотъ пусть скажетъ это теперь и будетъ удовлетворенъ». Послѣ этого одинъ изъ присутствовавшихъ сознался въ своемъ лицемѣріи предъ пророкомъ и получилъ прощеніе, другой напомнилъ ему о долгѣ въ три серебряныхъ денарія и получилъ ихъ съ процентами

---

[81]) Muir 4 т. 263—4 стр по Katib al Wackidi 144—145 стр и Hischami 45 стр.

при словахъ Магомета: «гораздо лучше перенести стыдъ въ этомъ мірѣ, чѣмъ страдать имъ всю вѣчность». Затѣмъ онъ просилъ мединцевъ уважать перебѣжавшихъ съ нимъ изъ Мекки союзниковъ, обращался ко всѣмъ съ убѣжденіемъ сохранять между собой миръ и любовь и изгонять изъ Аравіи идолопоклонниковъ [82]).

Во время одного изъ припадковъ онъ потребовалъ было себѣ письменныя принадлежности; но окружавшіе его встревожились и выразили опасеніе, какъ-бы онъ не написалъ чего либо въ ущербъ авторитету Корана, за что онъ выгналъ ихъ изъ своей комнаты. Наконецъ пришелъ часъ его смерти, когда онъ воскликнулъ: «Богъ да будетъ со мною въ предсмертной борьбѣ». Айша послала за своимъ отцомъ, положила его голову себѣ на колѣна и, не сводя съ него глазъ, старалась ласками облегчить его страданія. Когда онъ открылъ глаза и прерывающимся голосомъ прошепталъ слова: «О Аллахъ! да будетъ такъ! Среди слав-

---

[82]) Ирвингъ 266—7 стр.

ныхъ сотоварищей въ раю». Айша поняла, что онъ умеръ.

Вѣсть о смерти его быстро разнеслась по городу. Быстро собралась толпа убѣдиться въ этомъ. Многіе не хотѣли этому вѣрить, соображая по своему, что смерть его не можетъ быть обыкновенной. Отчаянный Омаръ вынулъ было свой мечъ, чтобы отсѣчь руки и ноги тѣмъ, кто скажетъ, что пророкъ умеръ Съ трудомъ Абу Бекру удалось успокоить изувѣровъ словами Корана, что смерть для Магомета естественное событіе. За тѣмъ стали спорить о томъ, гдѣ похоронить тѣло его въ Меккѣ, или въ Мединѣ, или въ Іерусалимѣ. Абу Бекръ опять рѣшилъ, что похоронить пророка слѣдуетъ по его желанію, т. е. тамъ, гдѣ онъ померъ, подъ кроватью Айши.

## XXX.

### Чѣмъ объясняется успѣхъ Магомета?

Хотя ожиданія чуда при смерти Магомета обманули его послѣдователей, тѣмъ не мѣнѣе это не помѣшало утвержденію въ нихъ мысли, что онъ пророкъ.

Главная причина этого удивительнаго и рѣдкаго въ исторіи человѣчества яв-

ленія лежитъ въ томъ религіозномъ броженіи арабовъ, среди котораго воспитался и выросъ пророкъ Аравіи. Какъ сильно чувствовалась потребность реформы во время Магомета, видно изъ того, что почти одновременно съ нимъ у различныхъ племенъ стали появляться свои охотники до пророческаго званія; а насколько легковѣрны бываютъ люди въ переходное время своей исторіи показываетъ успѣхъ, какимъ пользовались эти самозванные пророки въ Аравіи. Предметъ этотъ стоитъ того, чтобы на немъ остановиться. Вотъ, напримѣръ, Тулейха, начальникъ племени Наджидъ, сильный на столько, что, по гиперболѣ арабовъ, равенъ былъ сотнѣ солдатъ, объявляетъ своему войску, мучимому жаждой, что въ такомъ-то мѣстѣ оно встрѣтитъ воду Предсказаніе исполняется. Тулейха говоритъ, что онъ пророкъ, ему вѣритъ сначала свое племя, потомъ Бани Асадъ, множество бедуиновъ Тай и др; онъ грозитъ Магомету, тогда уже вошедшему въ силу, и съ званіемъ пророка переживаетъ его. Халидъ, посланный противъ него съ большимъ войскомъ, объявилъ ему отъ имени халифа Абу Бекра догматъ ислама: «нѣтъ Бога,

кромѣ Бога и Магометъ Его пророкъ». Тулейха не согласился на это условіе мира и отвѣтилъ: «нѣтъ Бога, кромѣ Бога, я самъ его пророкъ». Во время сраженія онъ накрылся мантіей и на вопросъ о приказаніяхъ отвѣчалъ, что еще не получилъ откровенія и, наконецъ, убѣжалъ, сказавши: «слѣдуйте за мной»[33]).

Товарищъ Тулейхи Мусейляма ходилъ по ярмаркамъ, научился нѣкоторымъ фокусамъ и, между прочимъ, показывалъ стклянку съ узкимъ горлышкомъ, въ которую онъ влагалъ яйцо по способу, перенятому отъ персидскихъ фокусниковъ и выдавалъ это за доказательство своего божественнаго посланничества. Надѣленный отъ природы даромъ слова, онъ говорилъ риомованныя фразы и выдавалъ ихъ за стихи своего корана. Кто бы подумалъ, что этотъ шарлатанъ будетъ принятъ за пророка? Между тѣмъ въ Аравіи это было возможно. Сначала ему повѣрило родное племя Ханифа, потомъ другія и онъ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ разстраивалъ дѣйствія всѣхъ мусульманскихъ силъ, собравшихся вокругъ Абу Бекра и поколебалъ могущес-

---

[33]) Perceval 3 т. 309, 346 и 362 стр. по Tabari 1, 86 и 116 стр.

тво Магомета. Интересна, между прочимъ, переписка между этими соперниками. «Отъ Мусейлямы, пророка Аллаха къ Магомету, пророку Аллаха! Приди теперь и раздѣлимъ между собою міръ: пусть половина будетъ тебѣ и половина мнѣ», писалъ Мусейляма.

Магометъ хотѣлъ отрубить голову депутату дерзскаго самозванца и отвѣчалъ: «Отъ Магомета, пророка Божія, Мусейлямѣ нечестивцу! Земля Господня; Онъ даетъ ее тому изъ слугъ своихъ, который обрѣлъ у Него милость» [81]).

Не менѣе опасенъ для Магомета былъ Айхала, сынъ Каба, болѣе извѣстный подъ именемъ Асвада. Съ огромнымъ богатствомъ онъ соединялъ знаніе нѣкоторыхъ фокусовъ, даръ увлекательнаго краснорѣчія и такой проницательный умъ, что могъ предугадывать нѣкоторыя событія. Все это было принято за явное чудо и ему не большаго труда стоило убѣдить народъ въ томъ, что онъ имѣетъ общеніе съ духами и есть пророкъ. Съ большими тысячами храбрыхъ арабовъ ходилъ онъ по Аравіи и разбивалъ

---

[81]) Perceval, 3 т. 310—315 стр. по Sirater-raçoul 257 л.

войска Магомета. Послѣдній отправилъ къ нѣсколькимъ своимъ племенамъ посланія, въ которыхъ убѣждалъ употреблять всѣ средства погубить Асвада. Посланія подѣйствовали. Скоро послѣ своей женитьбы на вдовѣ Марзебанѣ, ненавидѣвшей новаго супруга за смерть отца въ сраженіи противъ него, Асвадъ былъ умерщвленъ ночью измѣнническою рукой.

Наконецъ, въ первое время халифства Абу Бекра явилась еще личность съ претензіей на божественное посланничество, но не пророкъ, а пророчица Седжахъ. Одаренная пламеннымъ воображеніемъ и такимъ же даромъ слова, эта женщина возвысилась у Таглибитовъ и и пріобрѣла такое вліяніе, что ея рѣчь считали откровеніемъ свыше. Получивъ извѣстіе о смерти Магомета и объ избраніи въ халифы Абу Бекра, она вдругъ явилась въ страну Темимитовъ увлекла за собой Іадитовъ и Козаитовъ, одержала нѣсколько побѣдъ надъ мусульманами и начала грозить Мусейлямѣ. Послѣдній не нашелъ другаго средства обезоружить своего прекраснаго соперника, какъ предложить ему свиданіе, принятое съ радостью. Пророкъ и пророчица вышли женатыми. По прошествіи трехъ

дней, отданныхъ гименею, Седжахъ вернулась въ свой лагерь, гдѣ солдаты начали распрашивать ее о результатахъ ея свиданія съ Мусейлямой «Я признала въ немъ настоящаго пророка» отвѣчала она, «и вышла за него замужъ . «А дастъ ли намъ Мусейляма свадебный подарокъ», спросили Темимиты «Онъ ничего объ этомъ не говорилъ», возразила Седжахъ. «Это было бы большимъ позоромъ для тебя и для насъ, продолжали они, если бы онъ женился на нашей пророчицѣ и не далъ намъ ничего: вернись къ нему и потребуй намъ подарка». Седжахъ отправилась къ воротамъ Геджры и, найдя ихъ запертыми, велѣла позвать своего супруга, который и явился на стѣну. Герольдъ объявилъ ему требованіе Темимитовъ. «Отлично, отвѣчалъ Мусейляма, вы будете удовлетворены. Поручаю вамъ объявить слѣдующую прокламацію: «Мусейляма, пророкъ Божій, даетъ разрѣшеніе Бани-Темимитамъ не читать первой и послѣдней изъ пяти молитвъ, наложенныхъ на нихъ его собратомъ Магометомъ». Темимиты отнеслись серьезно къ этому разрѣшенію и съ тѣхъ поръ ни одинъ изъ нихъ не читаетъ ни утренней, ни вечерней молитвы. . Даль-

нѣйшая судьба женщины-пророка состояла въ томъ, что она приняла въ Месопотаміи христіанство и кончила переходомъ въ исламъ [85]).

Изъ этихъ краткихъ разсказовъ о самозванныхъ пророкахъ, современныхъ Магомету, видно, какъ легко было увлечь за собой легковѣрныхъ арабовъ. Стоило представить какой нибудь фокусъ, составить два три стишка на религіозную тему, обнажить мечъ во имя Бога и для славы племени, одержать побѣду и арабы побѣгутъ за своимъ вождемъ, какъ за пророкомъ. Поэтому ничего нѣтъ удивительнаго въ томъ, что и Магометомъ обольстились эти массы, давно разрозненныя и ждавшія своего объединенія и новой эры своей исторіи.

Можетъ быть, Магометъ не встрѣтилъ бы такого протеста, еслибы сразу началъ дѣйствовать, какъ такой вождь племенъ и военачальникъ. Но онъ былъ объятъ впечатлѣніями религіозныхъ идей и въ продолженіе тринадцати лѣтъ ему

---

[85]) Perceval 3 т. 353—357 стр. по Tabari 1, 128—138 с. и Abou'lfeda, Annales 1, 208—212 стр.

не приходила въ голову мысль объ огнѣ и мечѣ военачальника. Онъ не прибѣгалъ и къ фокусамъ, не рѣшался показать какое нибудь чудо, хотя

«хотѣлъ бы сдѣлать для себя или разсѣлину въ землѣ, или лѣстницу на небо, дабы представить имъ какое либо знаменіе! (Коранъ 6 гл. 35 ст.).

Самый протестъ, встрѣченный Магометомъ, косвеннымъ образомъ содѣйствовалъ его успѣху. Препятствія часто производятъ противоположное дѣйствіе и, увеличивая напряженіе противодѣйствующей силы, они иногда сами сокрушаются о нее. Будучи вполнѣ убѣжденъ въ дѣйствительности своего призванія и встрѣтивъ ожесточенное противодѣйствіе своей проповѣди, Магометъ лишь болѣе воодушевлялся идеей своего пророческаго дѣла. Если-бы было наоборотъ, если-бы его проповѣдь не стоила ему труда, обошлась безъ тревогъ и была всѣми принимаема, тогда, кто знаетъ, можетъ быть, охватившій его жаръ потухъ бы и въ минуту спокойнаго размышленія обманъ предъ нимъ разоблачился бы. Теперь же зажженный огонь раздувался преслѣдованіями, возбудилъ въ немъ всѣ

чувства, начиная отъ преданности къ первымъ жертвамъ самообмана и кончая невыразимой злобой къ противникамъ Всѣ эти чувства соединялись съ необыкновенною вѣрою въ себя и въ Бога, такъ что безъ мысли о Богѣ онъ, говорятъ, не садился и не вставалъ Этотъ искусственно созданный жаръ, постепенно возбуждаемый, долго поэтому не могъ остынуть и сохранился до того момента, пока не сломился сосудъ, его содержавшій. Этотъ то жаръ, это то внутреннее убѣжденіе было тоже неоспоримой силой Магомета. Что не способенъ сдѣлать человѣкъ, убѣжденный въ себѣ и и въ своемъ дѣлѣ? Жанна Д'Аркъ—не единственный примѣръ. Не объ одномъ такъ-же Лжедимитріи I, послѣ побѣдъ его, народъ говорилъ: «это истинный сынъ царя нашего. Самъ Николай Чудотворецъ помогаетъ ему и ведетъ его къ намъ» [86]). Въ исторіи мы нашли бы много примѣровъ подобнаго вліянія преданности извѣстной идеѣ. Эта сила производила движеніе въ цѣлыхъ странахъ и государствахъ. Она дѣлала сотни фанатиковъ побѣ-

---

[86]) Костомаровъ. «Кто былъ 1-ый Самозванецъ», стр. 38.

дителями тысячныхъ полчищъ, съ ней самыя заурядныя личности дѣлались спасителями отечества; она здравыхъ людей доводитъ до помѣшательства и помѣшанныхъ дѣлаетъ прозорливыми; безъ нея слаба и необаятельна всякая инициатива; напротивъ она увлекаетъ массы народа за шарлатанами; ею возводились на престолъ самозванцы и т. п. Что же удивительнаго, если эта сила помогла и Магомету увлечь людей легковѣрныхъ и сдѣлаться основателемъ ихъ религіи?

## XXXI.

## Утвержденіе и распространеніе ислама ири первыхъ халифахъ.

Говоря объ успѣхѣ Магомета, необходимо сдѣлать одну оговорку и объ ограниченности его. Дѣло въ томъ, что стремясь къ наибольшему торжеству надъ своими противниками и къ количественному развитію ислама, пророкъ мало заботился о качествѣ его Исламъ въ собственномъ смыслѣ отошелъ у него на задній планъ. Ему нужно было только, чтобы его власть была признаваема; а какъ она признавалась это его не интересовало много. Оттого искренними и

дѣйствительными мусульманами послѣ его смерти остались только тѣ, которые увѣровали въ него непринужденно. Всѣ же эти тысячи, притянутыя въ его религію силою оружія и страхомъ истребленія, носили только имя мусульманъ, въ дѣйствительности-же ими не были и сами себя ими не считали.

Что касается Мекканцевъ, то ихъ антипатія къ соотечественнику далеко не была уничтожена взятіемъ ихъ города. Вступивши побѣдоносно въ Мекку, Магометъ обратился было къ Абу Софіану, главѣ оппозиціи, съ такими словами. «Ну, что-же? признаешь-ли ты теперь, что нѣтъ Бога, кромѣ Аллаха»? «Да», отвѣтилъ Абу Софіанъ. «А признаешь-ли ты также, что я посланникъ Аллаха»? «Прости меня за мою искренность, возразилъ Абу Софіанъ, но на этотъ счетъ у меня остались сомнѣнія». Узнавши о смерти пророка, мекканцы готовы были совсѣмъ отпасть отъ новаго ученія его.

Другія племена тоже приняли исламъ только для формы, не заботясь о догматахъ этой вѣры. Они не видѣли большаго зла произносить формулу ислама, чтобы забыть ее, какъ только не станетъ пророка Разсказываютъ, что послѣ од-

ной побѣды Омаръ приказалъ раздѣлить добычу такъ, чтобы часть каждаго солдата соотвѣтствовала части Корана, которую онъ зналъ наизустъ. Но когда дѣло дошло до испытанія, то оказалось, что самые храбрые изъ бедуиновъ могли отвѣтить только первые слова: «Во имя Бога милостиваго и милосерднаго», что заставило много смѣяться присутствующихъ. Гордые Такифиты придумали такой способъ прикрыть позоръ своего обращенія. Они пришли къ Магомету и просили его о сохраненіи у нихъ идола Лата на три года Когда-же тотъ не согласился, они просили оставить Лата на одинъ годъ, на три мѣсяца, на одинъ мѣсяцъ. Магометъ согласился успокоить ихъ только увольненіемъ ихъ отъ молитвы, что они потребовали наконецъ. Изъ этихъ разсказовъ можно видѣть, какъ понимали исламъ тѣ самыя племена, которыя Магометъ считалъ мусульманами.

Въ нѣкоторыхъ случаяхъ зависимость племенъ отъ пророка состояла только въ дани, которую платили ему эти племена. Характеренъ въ этомъ отношеніи разговоръ съ Магометомъ эмира Темимитовъ, которому было предложено принять

исламъ. «А каково будетъ мое положеніе и мои права по принятіи новой вѣры, спросилъ этотъ бедуинъ. «Тѣже, что и другихъ правовѣрныхъ», отвѣчалъ пророкъ. «А я думалъ, что мы раздѣлимъ съ тобой власть такъ, чтобы ты управлялъ городами, а я номадами; иначе я несогласенъ принять вѣру твою», отвѣтилъ эмиръ, поскакавъ домой [87]).

Въ самой Мединѣ, принявшей къ себѣ, пророка, настоящихъ мусульманъ было немного. Значительная половина медицевъ возмущалась догматическимъ требованіемъ войны съ невѣрными и издержекъ на нее. Они уже стали раскаяваться въ томъ, что своимъ расположеніемъ къ Магомету, когда онъ говорилъ, что «въ религіи нѣтъ принужденія» (Кир. 2, 227), воспитали въ немъ непримиримаго врага всякой свободы. Это ясно изъ того, что они упрекали Магомета принятіемъ имени мусульманъ, какъ благодѣяніемъ ему съ своей стороны. «Они, читаемъ мы объ этомъ въ Коранѣ, какъ благодѣяніемъ упрекаютъ тебя тѣмъ, что приняли исламъ, скажи:

---

[87]) „Ренанъ“ Магометъ и начало ислама Петровъ. Очерки изъ всем. исторіи.

не упрекайте меня принятіемъ вами ислама (Кор. 49, 17). Даже въ самой семьѣ Магомета мало понимали его религію. Извѣстно напр, что предъ смертію его жены пытались было лѣчить его какими то травами и двѣ изъ нихъ между прочимъ посовѣтовали ему обратиться за помощью къ христіанской святынѣ. «Въ Абиссиніи, сказали онѣ ему, есть великолѣпный храмъ, съ прекрасными изображеніями; онъ называется храмомъ св. Маріи....» [88]). Магометъ перебилъ ихъ рѣчь, но она была прекрасной оцѣнкой его религіозной дѣятельности.

Такимъ образомъ зданіе, построенное Магометомъ было не прочно и послѣ него могло разрушиться. Своимъ сохраненіемъ и крѣпостью оно обязано тѣмъ сподвижникамъ пророка, которые явились рьяными продолжателями его дѣла въ лицѣ халифовъ. Первый изъ нихъ Абу Бекръ (632—634 г) выбранный многочисленной партіей, одушевляемой Айшою, прежде всего усмирилъ возставшихъ бедуиновъ около Медины, а потомъ отправилъ войска подъ начальствомъ 11 пол-

[88]) Muir. 4 т. 270 стр. по Katibal Wackidi 149½ стр.

ководцевъ для покоренія болѣе отдаленныхъ отложившихся племенъ Покоривши же Аравію, онъ сталъ стремиться къ распространенію новой вѣры внѣ предѣловъ ея и съ этой цѣлью отправилъ одно войско въ ближайшія провинціи Персіи, гдѣ господство халифа утвердилось до низовьевъ Евфрата, а другое въ Византійскую провинцію Сирію, гдѣ успѣха войско ни имѣло.

Преемнику Абу Бекра, имъ же назначенному Омару (634—644 г.) удалось завоевать Сирію съ Дамаскомъ, Палестину съ Іерусалимомъ, Египетъ съ Александріей и Мемфисомъ, Персидское Царство и раздвинуть предѣлы своей власти до Индіи и Кавказа Успѣхъ Омара былъ такъ великъ, что однажды онъ самъ сказалъ: «Теперь я стою такъ высоко, что между мною и Богомъ нѣтъ никого».

Османъ (644—656 г.), своими внутренними распоряженіями вызвавшій противъ себя общее неудовольствіе, во внѣ продолжалъ политику предшественниковъ и занесъ свое оружіе въ Африку, гдѣ подчинилъ себѣ Варварійскія владѣнія и тѣмъ положилъ въ этой странѣ путь магометанству до Атлантическаго океана.

Четвертый халифъ Али (656—661 г.), хотя имѣлъ въ своемъ характерѣ много данныхъ ознаменовать свое халифство подвигами на пользу ислама, но все время краткаго своего управленія былъ занятъ борьбою съ личными врагами, отъ которыхъ и погибъ. Все же въ эти первыя 30 лѣтъ халифами сдѣлано было, какъ видно, очень многое Въ первые 10 лѣтъ послѣ Магомета они овладѣли 30,000 городовъ и укрѣпленій. Одною изъ главныхъ причинъ обусловливавшихъ успѣхъ ислама былъ фанатизмъ вдохновленный Магометомъ въ преемниковъ.

Вслѣдъ за пророкомъ, провозглашавшимъ войну съ невѣрными «дотолѣ, пока они не будутъ давать выкупа за жизнь, обезсиленные, униженные» и халифы повторяли тоже самое. Абу Бекръ былъ человѣкъ тихаго характера. Но посылая Халида въ Наджидъ, что въ Іемамѣ, онъ далъ ему такую инструкцію: «когда вы подойдете къ какому нибудь селенію, провозгласите азанъ, т. е. призывъ къ молитвѣ. Если никто на него не откликнется, дѣлайте сразу нападеніе. Если-же придутъ на молитву, требуйте зякатъ, т. е, милостыню. Если поспѣшатъ собрать зякатъ, не причи-

няйте никому зла. Если-же откажутъ, убивайте всѣхъ мужьевъ, а женъ и дѣтей ведите въ плѣнъ. Если-же кто будетъ бить мусульманъ, то тѣхъ истребляйте огнемъ и мечемъ безъ всякой жалости и подвергайте всякаго рода мученіямъ [89]). Этотъ полководецъ Абу Бекра былъ настолько фанатиченъ, что, по его собственнымъ словамъ онъ любилъ смерть такъ-же, какъ другіе любятъ жизнь. Жестокостями его съ побѣжденными возмущалось его-же войско, офицера не разъ приносили на него жалобы. Для него ничего не стоило однажды перерѣзать 30,000 непріятелей и наполнить кровью въ другой разъ оросительный каналъ, названный потомъ «рѣкою крови». Но халифъ былъ доволенъ его подвигами и разъ, когда тотъ хотѣлъ заключить выгодный миръ съ ханифитами, прислалъ къ нему курьера съ письмомъ, въ которомъ написалъ: «если Богъ пошлетъ тебѣ побѣду и отдастъ въ твои руки ханифитовъ—всѣхъ ихъ истреби, не оказывая никому снисхожденія» [90]).

---

[89]) Perceval 3 т. 359 стр. по Tabori 1, 94, 98.

[90]) Тамъ-же по Tabori 174—178.

Омаръ былъ еще суровѣе. Онъ напр говорилъ: «мы должны поѣдать христіанъ и наши потомки должны поѣдать ихъ потомковъ до тѣхъ поръ, пока будетъ существовать исламизмъ» [91]). Съ какою нетерпимостью этотъ халифъ относился ко всему, что внѣ ислама, можно судить по свидѣтельству нѣкоторыхъ арабскихъ историковъ о взятіи имъ Александріи. На вопросъ полководца, что дѣлать съ знаменитою библіотекой въ этомъ городѣ, Омаръ отвѣтилъ: «Если книги этой библіотеки согласны съ Кораномъ, то они безполезны и сохранять ихъ не для чего. Въ противномъ же случаѣ онѣ вредны и ихъ должно уничтожить». Согласно своимъ принципамъ халифы покоренные народы обращали или въ мусульманъ или въ данниковъ или въ рабовъ. Условія, заключенныя Омаромъ по взятіи Іерусалима, выставляются, какъ самыя легкія Между прочимъ по нимъ жителямъ была оставлена жизнь и имущество и дозволено впредь открыто исповѣдывать христіанскую вѣру; они должны были платить поголовную по-

---

[91]) Исторія средн. вѣк. М. Стасюлевича С. Пб. 1863 г. т. 1 стр. 482.

дать, угощать три дня каждаго мусульманскаго странника, снять съ церквей кресты, отмѣнить колокольный звонъ, носить отличную отъ магометанъ одежду и допускать каждаго изъ нихъ въ свои церкви. При этомъ Омаръ велѣлъ выстроить мечеть на томъ мѣстѣ, гдѣ нѣкогда стоялъ храмъ Соломона [92]) Въ другихъ мѣстахъ поступали иначе. Въ Сиріи, напр., Персіи и Африкѣ въ 12 лѣтъ послѣ Магомета при Абу Бекрѣ и Омарѣ было разрушено 4000 церквей и вмѣсто ихъ построено 1400 мечетей[93]). Военачальники и намѣстники въ покоренныхъ странахъ распоряжались хуже, чѣмъ дома. Рѣдкія и замѣчательныя вещи, сокровища и имущества побѣжденныхъ—все грабилось или разбивалось. Въ Ктефисонѣ, или Мадаинѣ, персидской столицѣ захваченная добыча была такъ велика, что каждый изъ 60,000 мосле-минов, находившихся въ войскѣ, получилъ, какъ говорятъ, по 12,000 дирге-

---

[92]) Мечеть эта считается одною изъ важнѣйшихъ святынь магометанскаго міра и доселѣ. Шлоссеръ. Всемирн. Ист. С.-Пб. 1869 г. 2 т. 286—7 стр.

[93]) Дрэперъ Ист. умств. разв. Европы. С.-Пб. 1874 г 273 стр.

мовъ. (Диргемъ равняется 30 коп.). Жестокости съ побѣжденными сильно безславили побѣды халифовъ и возбуждали противъ нихъ страсти. Недаромъ персъ Фарузъ рѣшился, презирая всѣ опастности, отмстить за свое отечество Омару и вонзилъ ему мечъ, когда тотъ шелъ въ мечеть. Съ другой стороны эта кипучая дѣятельность и побѣдоносность арміи, дѣлали власть халифа болѣе обаятельною. Отъ того послѣ Омара изъ за этой власти начались междоусобія. Османъ былъ убитъ за покровительство роднымъ въ расхищеніи государственныхъ доходовъ. Али долженъ былъ воевать за свою власть съ Муавіей, въ 110 дней онъ вынесъ 90 битвъ, при чемъ въ одной битвѣ съ обѣихъ сторонъ пало 10,000, а въ другой болѣе 80,000 мусульманъ и всетаки умеръ отъ убійцы.

При всемъ томъ первые халифы старались и о внутреннемъ устройствѣ и обоснованіи мусульманскаго общества. Абу Бекръ, Омаръ и Османъ не мало положили заботъ къ тому, чтобы собрать разрозненныя записи откровеній Магомета и такъ или иначе редактировать Коранъ. Омаръ кромѣ того велѣлъ составить перепись всѣмъ магометанамъ и

иновѣрцамъ, сдѣлалъ подробный списокъ государственныхъ доходовъ, обратилъ милостыню, о которой часто твердилъ во время своихъ походовъ Магометъ, въ подать. Онъ-же ввелъ и магометанское лѣтосчисленіе, считая его съ перваго дня того года, въ который Магометъ бѣжалъ изъ Мекки въ Медину. Но въ это-же время рѣзко обозначилось раздѣленіе въ исламѣ, которое впослѣдствіи перешло въ непримиримыя и до крайности враждебныя одна другой секты суннитовъ и шіитовъ. Первую секту составляютъ Арабы и Турки, признающіе источникомъ вѣроученія Коранъ и сунну, т. е., преданіе, идущее отъ Магомета чрезъ его близкихъ людей. Вторую — Персы, приверженцы Али, отвергающіе сунну, и считающіе первыхъ трехъ халифовъ узурпаторами, незаконно овладѣвшими властію, принадлежавшею Али.

# Опечатки:

| Стран. | Строка. | Напечатано | Слѣд. читать |
|---|---|---|---|
| 17 | — 6 | — Зейда | — Зейда, |
| 32 | — 2 снизу | вѣдѣнія — | видѣнія |
| 42 | — 20—21 | Съ сво-сѣей | съ своей |
| 67 | — 5 снизу | палокой— | палкой |
| 76 | — 1 | — Варока | — Варака |
| 77 | — 7 | — Бейзовій— | Бейзавій |
| 91 | — 17 | — агамета | — Магомета |
| — | 18-19 | — знат. знат. | знатнаго |
| 96 | — 17 | — Хиро | — Хира |
| 119 | — 2 | — 50-ю | — 30-ю |
| 123 | — 43 снос | 103 ст. | — 109 ст. |
| 135 | — 14 | — 48 гл. | — 49 ст. |
| 136[1] | — 19 | — самообольш. | самообольщен. |
| — | — 22 | — Божествен. | божественаго |
| 148 | — 7 | Возвратившась | Возвратившись |
| 150 | — 1 | — сойти | — войти |
| 151 | — 8 снизу | дальныхъ | дальнихъ |
| 164 | — 3 снизу | 220 ст. | — 7 ст. |
| 167 | — 19 | — Коранъ 15 | Коранъ 58 |
| 174 | 13-14 | — 47 изъ гл. 4 | 4 изъ гл. 47 |

| | | | | |
|---|---|---|---|---|
| 176 | — | 18 | — 224 ст. | — 227 ст. |
| 183 | — | 6 | прочувствовон. | прочувствован |
| 192 | — | 2 | — Изъ заплѣн. | Изъ за плѣн |
| 210 | — | 14 | — Бони Кор. | Бани Кор. |
| 222 | — | 1 | — въ раю». | въ раю», |
| 224 | — | 19 | — довалъ | — давалъ |
| — | | — | — своеего | — своего |
| 234 | — | 19 | — (Кир. 2, 227) | (Кор. 2, 257) |
| 236 | — | 10 | — ни | — не |
| — | — | 11 | — жс | — же |
| 238 | 89и90 | | сноски Tabori | — Tabari |

## ОГЛАВЛЕНІЕ:

Введеніе

I. Различные взгляды на Магомета — — — 3.
II. Религіозное движеніе въ Аравіи, ханифы и Магометъ — 10.

Магометъ до начала своей проповѣди,

III. Рожденіе и болѣзненность Магомета — — — 24.
IV. Воспитаніе Магомета, его сиротство, пастушество и бракъ съ Хадиджей — — 33.
V. Путешествія Магомета — 38.
VI. Третейскій судъ Магомета и самообольщеніе его— — 45.

Магометъ въ Меккѣ.

VII. Начало тайной и публичной проповѣди Магомета — 51.
VIII. Преслѣдованія Магомета и обращеніе Хамзы — — 59.
IX. Гоненіе на первыхъ мусульманъ и обращеніе Омара — 67.
X. Скандальная уступка Магомета многобожникамъ — 73.

XI. Стѣсненіе родственниковъ Магомета, смерть его жены, дяди и бѣгство въ Таифъ — 81.
XII. Сношенія Магомета съ мединцами и бѣгство его изъ Мекки въ Медину — — 89.
XIII. Нравственный характеръ Магомета и нравственныя понятія его въ Меккѣ — — 99.
XIV. Ученіе Магомета о раѣ и адѣ 105.
XV. Угрозы Магомета мекканцамъ и терпимость его къ язычникамъ, христіанамъ и іудеямъ въ Меккѣ — — 113.
XVI. Отказы Магомета отъ чуда и краснорѣчіе Корана— — 121.

## Магометъ въ Мединѣ

XVII. Прибытіе Магомета въ Медину, встрѣча его и положеніе въ этомъ городѣ — 129.
XVIII. Перемѣна въ понятіяхъ Магомета о самомъ себѣ — 134.
XIX. Развитіе нетерпимости Магомета и дѣло въ Нахлѣ — 137.
XX. Бедрская битва — — 142.
XXI. Оходское пораженіе Магомета 145.
XXII. Воинственность Магомета и ученіе его о войнѣ — — 150.
XXIII. Отношеніе Магомета къ іудеямъ и христіанамъ — — 158.
XXIV. Перемѣна въ нравственныхъ понятіяхъ Магомета — 165.
XXV. Противорѣчія въ Коранѣ и риемы — — — 172.

XXVI Семейныя обстоятельства Магомета — — — 177.
XXVII. Разные поводы къ мединскимъ откровеніямъ — 191.
XXVIII Личность Магомета въ фактахъ жизни и въ словахъ Корана — — — 199.
XXIX. Смерть Магомета — — 214.
XXX. Чѣмъ объясняется успѣхъ Магомета — — — 222.
XXXI. Утвержденіе и распространеніе ислама при первыхъ халифахъ — — — 231.

